

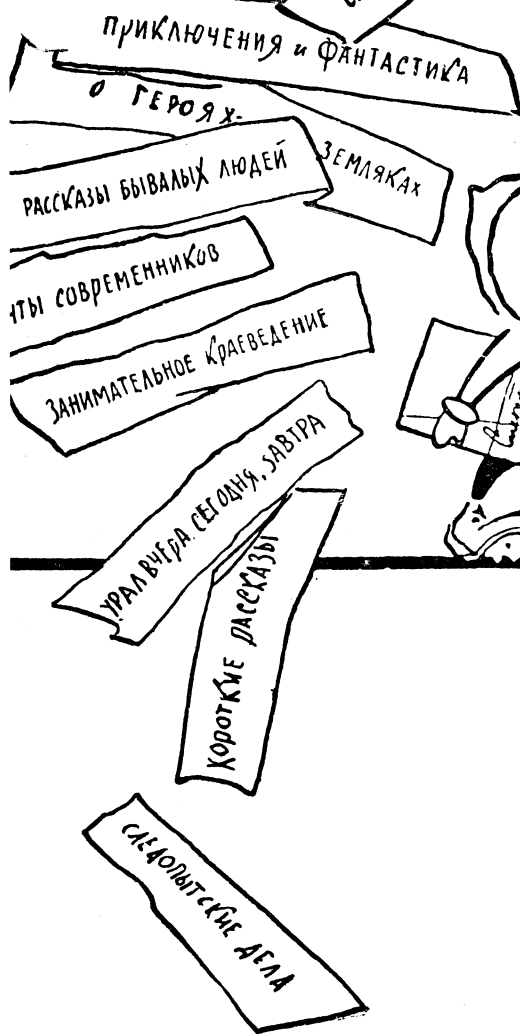
УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

3

1962

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

СООБЩАЕМ АДРЕСА КОМСОМОЛЬСКИХ МАЯКОВ.
◆ ИМЕНА ИХ БЕССМЕРТНЫ! ◆ БОЕВАЯ ЮНОСТЬ. Воспоми-
ния члена КПСС с 1916 года Е. Кочкиной ◆ ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ.
Очерк Л. Печенкина. ◆ КАНДИДАТ ПАРТИИ. Рассказ О. Селянки-
на. ◆ ПЛАМЯ НАД ТАЙГОЙ. Очерк А. Соколова. ◆ ВАТЕРЛИНИЯ.
Поэма В. Сибирива. ◆ РОССЫПЬ ДУШИ. Очерк В. Пролеткина.
◆ СКАЗ О НЕВЫДУМАННОМ ЛЕВШЕ. Очерк Я. Резника.
◆ ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ БАБЕ. Окончание повести Ю. Курочкина.
◆ НА ВЕЛОСИПЕДЕ ЧЕРЕЗ АРКТИКУ. Очерк С. Бунькова.
◆ ПО ВЕЛИКОЙ ПРОГРАММЕ. ◆ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ.
◆ ФОТОТЕКА СЛЕДОПЫТА. ◆ БЛОКНОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ.

На второй странице обложки фото Ю. ШИШКИНА — Парашю-
тистка.

3

МАРТ

1962

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сообщаем адреса комсомольских маяков

КОМСОМОЛКА РИММА НИКОНОВА В ПРОШЛОМ ГОДУ ВЫРАСТИЛА ПОДСОСНЫМ МЕТОДОМ 119 ТЕЛЯТ. За успехи в социалистическом соревновании в честь XXII съезда КПСС ее имя внесено в городскую Книгу трудовой славы. А сейчас студентка заочного отделения второго курса Свердловского сельскохозяйственного института — избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Ее адрес: Свердловская область, Егоршинский район, Егоршинский совхоз.

АДРЕС ЭТИХ ПЕРЕДОВИКОВ ПРОИЗВОДСТВА — ГОРОД СВЕРДЛОВСК.

Пять годовых норм за два года выполнил Александр Константинов, токарь Уралмашзавода. Пятнадцать месячных норм — трудовой подарок XXI съезду КПСС шлифовальщика инструментального завода Бориса Михайлищева. За семилетку — две семилетки — девиз токаря Уралмашзавода Геннадия Суманиева.

РАБОТАТЬ ТАК, КАК РАБОТАЕТ БРИГАДА ЕВГЕНИЯ ГИНЕВИЧА — РЕШИЛИ СТАЛЕВАРЫ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА ГОРОДА СВЕРДЛОВСКА.

Члены бригады Гиневича предложили новую организацию труда, основанную на взаимопомощи и освоении смежных профессий. И вот результат: производительность труда повысилась на 20 процентов; к декабрю 1961 года бригада выдала 1200 тонн стали сверх плана.

КОМСОМОЛЬЦЫ БАШКИРИИ ВЗЯЛИ ШЕФСТВО НАД СТРОИТЕЛЬСТВОМ ВАЖНЕЙШИХ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ.

В 1961 году ударными комсомольскими стройками объявлены: Стерлитамакский химический завод, завод синтетического спирта в Уфе, Черниковский нефтеперерабатывающий завод, Учалинский горнообогатительный комбинат, Нугушское водохранилище.

БРИГАДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА НИКАНДРА ЧЕРНАВСКОГО ДОВЕЛА ЕЖЕДНЕВНУЮ КОМПЛЕКСНУЮ ВЫРАБОТКУ ДРЕВСИНЫ ДО 24 КУБИЧЕСКИХ МЕТРОВ НА ЧЕЛОВЕКА. Она добилась этого, смело внедрив в производство передовую технологию — одноступенчатую валку леса, трелевку и вывозку в хлыстах и с кронами, крупнопакетную погрузку древесины.

Адрес бригады: Тюменская область, Кондинский лесопромышленный комбинат.

ИМЕНА

О великом мужестве, героических подвигах уральских комсомольцев, павших в боях с врагами, напоминают нам мраморные обелиски, названия улиц, мемориальные доски на зданиях в городах и селах Урала.

Василий Еремин

Один из первых секретарей Уральского областного комитета ССРМ (Социалистический союз рабочей молодежи) Василий Еремин с четырнадцати лет познал всю тяжесть подневольного, каторжного труда на заводе Ятеса. Летом 1917 года он стал одним из первых организаторов молодежных союзов на том же заводе и в депо станции Екатеринбург 1.

Вася Еремин покорял всех своим энтузиазмом. Его невысокую подвижную фигуру можно было увидеть и среди рабочих Верх-Исетского завода и среди дезушек-работниц на Логиновской фабрике, где он проводил собрания и митинги.

Когда в декабре 1917 года на Урале в Оренбурге начался контрреволюционный мятеж против Советской власти, поднятый казацким атаманом Дутовым, Уральский обком ССРМ полностью выехал на фронт. Из комсомольцев-добровольцев была сформирована Уральская боевая сотня молодежи, юноши и девушки 14—18-летнего возраста. Начальником сотни избрали Петра Типкина, его помощниками — Василия Еремина и Савву Белых. В боях под Черной речкой и станицей Бриенской добровольцы одержали победу над белоказаками.

Во время чехословацкого мятежа и наступления Колчака Еремин руководил эвакуацией советских учреждений в Пермь, в июне 1918 года выехал туда и сам. Но вскоре вновь появился в Екатеринбурге в форме солдата колчаковской армии. По заданию подпольного комитета партии большевиков он стал писарем секретного отдела в штабе белых. Незадолго до освобождения Урала от Колчака Василия Еремина опознали офицеры контрразведки. Жестоко пытали в застенках комсомольца, но он не произнес ни слова. Колчаковцы расстреляли Васю Еремина.

Именем героя-комсомольца названа улица в Свердловске.

ИХ БЕССМЕРТНЫ!

Николай Авдеев

Орск, улица имени Николая Авдеева, простого русского парня, комсомольца. ...Когда началась Великая Отечественная война, Николай Авдеев был штурманом. Незадолго перед этим он окончил военно-авиационное училище. «Громим врага без пошады», — писал он домой, в Орск после первых боевых вылетов. Уже в июне-июле 1941 года бомбардировщик, на котором штурманом был Авдеев, совершил пятнадцать вылетов в глубокий тыл врага Большой урон причинили советские соколы гитлеровцам.

Однажды во время боя зенитный снаряд вывел из строя мотор самолета. Машина стала стремительно падать. Пришлось выбраться с парашютом. Гитлеровцы, которые в этом бою потеряли восемь своих самолетов, попытались расстрелять Авдеева в воздухе. Но это им не удалось. Долго кружились фашисты над открытой поляной, куда приземлился советский летчик. Когда же поиски прекратились, Николай вышел из укрытия и стал пробираться к своим. Несколько дней спустя, преодолев много километров на занятой врагом земле, Авдеев снова сел в самолет, чтобы участвовать в боях с врагом.

275 боевых вылетов совершил экипаж к тому времени, когда на фронте и по всей стране услышали о присвоении гвардии капитану Н. Д. Авдееву высокого звания Героя Советского Союза.

Николай Авдеев погиб смертью храбрых, до последней минуты жизни выполняя свой долг перед народом. В Орском краеведческом музее выставлена карта штурмана, по которой он направлял полет в последнем боевом рейсе. На карте застыли капли крови героя...

Николай Крушинин

В апреле 1919 года колчаковские палачи повесили 23-летнего организатора Нязепетровского союза молодежи Николая Крушинина. Оставшись в тылу врага, Николай Крушинин по заданию подпольной большевистской организации распространял листовки среди населения и солдат гарнизона в Нязепетровске и Красноуфимске. Зимой 1919 года по доносу провокатора колчаковской контрразведки комсомольца арестовали и публично казнили на базарной

площади в Красноуфимске. После освобождения Урала от колчаковских банд грудыщиеся Нязепетровска перевезли останки героя на родину и назвали его именем одну из главных улиц города.

Виктор Гепп

Ему было 15 лет, когда после Февральской революции он стал одним из организаторов Союза социалистической молодежи в Златоусте. В 17 лет его не стало. В числе 27 видных революционеров города он был расстрелян колчаковцами в июне 1919 года.

Виктор — сын златоустовского рабочего. В 1916 году он стал учеником технического училища, вместе с другими молодыми рабочими организовал кружок самообразования.

Когда в 1918 году Урал и Сибирь захватили колчаковцы, в Златоусте из коммунистов и комсомольцев остались лишь те, кому поручено было вести подпольную работу. Среди них был и Виктор Гепп. Вместе с Уткиным, Барановым он печатает на гектографе и распространяет листовки, ведет среди населения агитационную работу, у себя на квартире хранит революционную литературу.

Первый арест. Из-за отсутствия улик и по несовершеннолетию Виктора отпускают. Второй раз комсомольца арестовали вместе с руководителем большевистского подполья Теплоуховым. Полтора месяца шли допросы и пытки. Но Виктор не сдавался. Вот письмо, которое он сумел переправить родным.

«Здравствуй, мамочка!

Я уже писал тебе, чтобы ты не беспокоилась обо мне. Ведь пойми, что своим плачем и стоянием у тюрьмы ты делу не поможешь... Не беспокойся, пойми, что я здоров телом и особенно духом.

Не беспокойтесь, помните, что сейчас страдает весь мир. Безумству храбрых пою я славу!»

Белобандиты расстреляли Виктора.

Молодежь Златоуста помнит о юном герое. Его именем названа одна из улиц.

Николай Петухов

Под сенью высоких тополей, на берегу тихой реки Иргины, стоитobelisk на могиле Николая Петухова. Немного осталось в живых людей в отдаленном уральском селе Соколье, которые помнят о том, как в 1919 году был зверски замучен кулаками молодой парсенок. Появился он в селе летом этого же года, когда Красная Армия гнала колчаковцев с Урала.

В первые же дни собрал он вокруг себя бедняков и открыл Народный дом. К страстному голосу девятнадцатилетнего комсомольца прислушивались и старики и молодежь.

Кулаки угрожали расправой, они писали на воротах Народного дома: «Большевики, днем власть ваша, а ночью наша».

В это время в уезде началось кулацкое восстание. Николай стал пробираться в Красноуфимск, но по дороге был схвачен. Три дня бандиты истязали его в лесу: кололи штыками, били прикладами.

Так погиб сельский комсомолец Коля Петухов, имя которого должны знать все комсомольцы Урала.

Константин Монаков

В августе 1917 года в Челябинском Народном доме собралась молодежь. Пламенный большевик Евдоким Лукьянович Васенко рассказал о решении VI съезда РСДРП(б) по организации Союза молодежи. После Васенко со страстной речью выступил 15-летний слесарь завода «Столь и К^о» Константин Монаков. Его избрали секретарем вновь образованного Союза молодежи.

Костя Монаков весь отдался новому для него делу организации молодежи, и уже к ноябрю 1917 года в союзе активно работало 122 комсомольца. В феврале 1918 года на борьбу с белоказацкими бандами атамана Дутова ушли добровольцами комсомольцы Челябинска, и во главе их был Костя Монаков. *«Наши члены союза впереди, они первыми бросаются на врага и гонят его, — писал он своим друзьям. — Враг остервенел, наши удерживают позиции. Много погибло комсомольцев, но они погибли с сознанием выполненного долга».*

К 1 мая дутовские банды были разбиты, и Костя возвратился в родной город. Но через месяц поднялся мятеж белочехов. По заданию председателя Челябинского Совета Васенко Костя Монаков с группой комсомольцев проник в здание партийного комитета, уже занятого белогвардейцами, и уничтожил выписанные товарищам партийные документы. Он спас от расправы десятки людей. Позднее он работал в подполье в тылу у колчаковцев.

После освобождения Челябинска Костя вступил добровольцем в ряды Красной Армии. Громя врагов, он прошел путь от Урала до Байкала, от рядового бойца до заместителя командира роты по политической части.

В 1920 году большой туберкулезом легких Монаков возвращается в Челябинск, возглавляет

комсомольскую организацию. Вместе с товарищам он проводил комсомольские субботники, шумные антирелигиозные комсомольские карнавалы, организовал молодежные клубы.

Но болезнь взяла свое, и 6 марта 1923 года Костя умер. Ему был всего 21 год. Его именем названа одна из улиц Челябинска.

Савва Белых

Савва Белых, рабочий фабрики Злоказова в Екатеринбурге, по заданию городского комитета ССРМ, летом 1917 года создал молодежную организацию на фабрике. Его выбрали в состав Уральского областного комитета ССРМ.

После разгрома белоказацкого мятежа Савва был направлен с группой молодых красноармейцев в Екатеринбург охранять здание, где находился под стражей последний царь — Николай II. Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса и начались кулацкие и белогвардейские восстания, Савва Белых храбро дрался с врагами молодой Республики.

Во время подавления контрреволюционного восстания в районе Кусинского завода, по дороге на станцию Уржумка, небольшая группа красногвардейцев под командованием секретаря Екатеринбургского комитета партии И. М. Малышева и его помощника Саввы Белых была окружена белогвардейско-эсеровскими бандитами. До последнего патрона отстреливался бок о бок с И. М. Малышевым Савва Белых и погиб смертью героя. Его именем названа улица в Свердловске.

Наташа Аргентовская

...Весенняя ночь 1919 года. В захваченном белочехами зауральском городе Кургане тихо. Победители считают, что с революцией покончено.

Но тишина обманчива. Утро, и на заборах вновь и вновь появляются прокламации. А в них — правда об успехах Советов, о смертном приговоре врагу.

И снова аресты. В числе задержанных Наташа Аргентовская.

Контрразведка лгует. Она не делает скидок на молодость девушки. Брат ее, комиссар народной милиции, расстрелян, сама Аргентовская только несколько месяцев назад как вышла из одиночки. Допрос, пытки, пытки, допрос... Технический секретарь подпольной большевистской группы, страстная пропагандистка Наташа Аргентовская молчит.

— Мы поражаемся мужеству этой девушки, — вспоминала позднее сидевшая с ней в одной камере женщина.

Враг предвидит близкую гибель. И в канун своего поражения в Кургане совершает еще одно преступление. Палачи зверски убивают Аргентовскую.

«Дорогие товарищи!» — написала Наташа гвоздем на стене камеры перед смертью. — Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Мне не жаль, что погибаю, но жаль одного: очень мало сделала для дела партии. Прощайте, друзья!»

...Все дальше и дальше в прошлое уходят суровые годы гражданской войны. Но подвиг девушки с горячим сердцем Натальи Васильевны Аргентовской жив в памяти жителей Зауралья. Ей они поставили в прошлом году памятник.

Гордой, непоколебимой, высоко поднявшей руку с листовками увековечил ее в бронзе скульптор Анатолий Козырев. Такой она останется в памяти на века.

УДАЧА

В улыбке губы скривили,
судача:
— Выпала парню слепая удача!
Судачат,
губы скривив улыбкой:
— В руки удача прыгнула рыбкой...
А он не спеша
обошел, обыскал
Сотни оврагов, ущелий и скал;
А он
золотыми своими руками
Крушил и крошил неподатливый камень;
А он вечерами
глядел на огонь,
Усталой улыбки не пряча,
И верил,
и ждал.
И легла на ладонь
Камешком редким —
удача.

Н. Киросенко

Сообщаем адреса комсомольских маяков

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЕ РЫБОЛОВЕЦКОЕ ЗВЕНО НИКОЛАЯ САЛИНДЕР В ДЕКАБРЕ 1961 ГОДА РАБОТАЛО УЖЕ В СЧЕТ ВТОРОГО КВАРТАЛА 1962 ГОДА. Как они этого добились? Ответ получите, написав по адресу: Тюменская область, Ямало-Ненецкий национальный округ, колхоз имени Ленина.

269 ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ ФЕРМ МЕХАНИЗИРОВАЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ И МОЛОДЕЖЬ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. Теперь каждая доярка может обслуживать 40 — 50 коров. Но это для них не предел. Муза Степанова обслуживала в прошлом году 120 коров, а в этом 150 коров. Ее адрес: Тюменская область, Ожогинская ферма областной сельскохозяйственной опытной станции.

ЛУГОВСКУЮ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНУЮ ФЕРМУ ТЮМЕНСКОГО РАЙОНА ХОРОШО ЗНАЮТ ВО ВСЕЙ ОБЛАСТИ.

На ферме широко внедряются передовые методы труда, механизация трудоемких работ, искусственное осеменение животных, подсосный метод выращивания телят. В результате — высокие надои молока.

КОРОЛЕВА ПОЛЕЙ... ЧУДЕСНИЦА... КАК ТОЛЬКО НЫНЧЕ НЕ ВЕЛИЧАЮТ КУКУРУЗУ! И МОЛОДЫЕ КУКУРУЗОВОДЫ БОРЮТСЯ ЗА ВЫСОКИЕ УРОЖАИ ЭТОЙ ОЧЕНЬ ВАЖНОЙ, НУЖНОЙ И ПОЛЕЗНОЙ КУЛЬТУРЫ. Звено Александра Смагина из Емуртлинского совхоза, Упоровского района, Тюменской области, вырастило на площади в 160 гектаров по 625 центнеров зеленой массы и по 105 центнеров початков молочно-восковой спелости с гектара.

БОЛЬШИЕ УСПЕХИ У МОЛОДЫХ КУКУРУЗОВОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Виктор Барняков из совхоза „Первомайский“, Пышминского района, получил с каждого из 150 гектаров по 766 центнеров зеленой массы. Иван Калугин, кукурузовод Двинского совхоза, Тугулымского района, вырастил на площади 100 гектаров по 550 центнеров зеленой массы, в том числе на 33 гектарах — по 800 центнеров с каждого гектара.

Ее АДРЕС: СВЕРДЛОВСК, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ, ТАМАРЕ КРАПИВИНОЙ. А недавно она работала звеньевой Камышловского совхоза, Камышловского района. Тамарино звено вырастило 108 тысяч уток с сохраненностью 95,5 процента.

КОМСОМОЛ — ЭТО СТОЙКОСТЬ!

Поэт Александр Алексеевич Жаров вступил в комсомол 14-ти лет в грозном 1918 году. Свои первые стихи Александр Жаров публиковал в комсомольских газетах и журналах, в «Правде» и «Рабочей газете».

*На фронтах семилетки
Экзамен на зрелость
Комсомол, как и прежде, достойно сдает.
Комсомол — это стойкость,
И честность, и смелость.
Это пламенный взор, устремленный вперед!*

*Расцвела и окрепла Советов держава.
Зори новых свершений
Встанут над страной.
По морям-океанам разносится слава
Нашей юности
Боевой!
Комсомольским порывом любят люди,
Громких дел молодых патриотов не счесть!*

*На сигнал, на призыв,
На слова «это будет»
Комсомол отвечает всегда:
«Это есть!»
На бескрайних целинных полях легендарен
Подвиг юности
Пятидесятых годов...
В космос взмыл комсомольский питомец Гагарин,
В космос взмыл комсомольский питомец Титов!*

*Комсомол
Вожаком молодежным по праву
Держит путь к коммунизму дорогой прямой.
И по целому свету
Разносится слава
Нашей юности
Ленинской, боевой!*

БОЕВАЯ ЮНОСТЬ

Передо мной фотография 1-й боевой красногвардейской сотни Социалистического союза рабочей молодежи Урала, участвовавшей в разгроме дутовских банд в 1918 году. Встают, как живые, дорогие сердцу боевые друзья и товарищи. Вот наш отважный 19-летний командир Петя Типикин (Плясунов). Я вижу, как он сурово хмурит брови, а в карих глазах светится мальчишеский задор. Вот с доброй улыбкой на лице Савва Белых, заместитель командира сотни. Рядом статный по-девичьи застенчивый командир отделения Вася Еремин. Никогда не померкнет в памяти образ лихого разведчика 14-летнего Павки Пименова, всеобщего любимца сотни, рабочего Екатеринбургской типографии, погибшего в то суровое время. В кругу боевых друзей 16-летний юноша-философ Павел Завьялов, с вдохновенным взглядом близоруких серых глаз; рассудительный 15-летний Федя Плясунов, рабочий типографии, вожак молодых печатников. Здесь же отважные девушки: секретарь Екатерин-

бургского горкома Социалистического союза молодежи Маруся Жеребцова-Сокольская, милая 17-летняя хлопотунья, всегда жизнерадостная и общительная; величавая, с прекрасными темно-кариими глазами Римма Юровская, одна из организаторов комсомола на Урале, председатель Уралобкома. А вот, в шинелях до пят, юноши из Надеждинска, Алапаевска, Тагила, Новой Ляли, Невьянска и рядом — с волевыми серыми глазами коренастый юноша Герман Быков, вожак верх-исетских молодых рабочих, героически погибший в боях с колчаковскими бандами. На этой старой фотографии запечатлены и многие-многие другие юноши и девушки, мои боевые сверстники...

Никогда не забыть, как охваченные боевым революционным порывом, беспрепятственно днем и ночью, прибывали в обком Социалистического союза записываться в сотню молодые рабочие с заводов области. Командиром сотни мы избрали Петю Типикина, слесаря завода Ятеса. Он уже побывал на фронте империалистической войны, имел военную подготовку и обладал волевым характером. Замести-

телем был избран Савва Белых, наделенный талантом организатора и удивительной выдержкой.

В течение двух недель шли сборы и обучение, а в конце февраля 1918 года сотня вместе с красногвардейскими дружинами погрузилась в эшелон и двинулась в направлении Челябинск — Троицк.

Помню, отъехали мы не более 50—60 верст, как под нижними нарами поднялась какая-то возня. Когда заглянули туда, увидели две измазанные мальчишечьи физиономии. Непрошенных пассажиров извлекли из-под нар. Ими оказались два друга — Павлик Пименов и Федя Плясунов. Подростки имели грозный вид воинов, вооруженных до зубов. Они заявили:

— Вы нас не взяли в сотню, так вот, мы сами едем на фронт, потому что мы рабочие и должны биться с белобандитами за свободу рабочего класса. Хоть расстреляйте, а в тылу все равно не останемся!

Командованию ничего не оставалось, как зачислить их в сотню. Позднее об этом жалеть не пришлось: юнцы оказались на редкость стойкими и сообразительными красногвардейцами.

Молодежная сотня входила в красногвардейскую дружину И. М. Малышева. Иван Михайлович был для всех нас родным отцом. На протяжении всего похода он проявлял отеческую заботу о молодых красногвардейцах. Ежедневно заходил во время привалов, интересовался нашим настроением, питанием и тому подобное. Особенно внимательно относился Малышев к нам, девушкам. Он всегда спрашивал, не обижают ли нас ребята.

В Троицке мы выгрузились и 20 марта двинулись пешим строем через казачьи станицы на Верхнеуральск. Первая встреча с противником произошла в станице Сухтелинской.

Как сейчас помню ее безлюдные улицы. В наспех вырытых в снегу окопах залегли наши цепи. День был сумрачный, морозный. Красногвардейцы дыханием согревали руки, растирали лапами шуб застывшие затворы винтовок. Так пролежали день. К вечеру показался казачий разъезд. Затарахтел пулемет, перекатами загремели залпы винтовок. Дутовцы исчезли, но по всему было видно, что враг не дремлет. Вскоре стало известно: в станицах, оставшихся в нашем тылу, Советы разогнаны, власть захвати-

ли атаманы, а связь между Троицком и Челябинском по железной дороге прервана. По сведениям разведки, в Верхнеуральск, где находился штаб Дутова, были стянуты большие силы, а навстречу нам были выброшены сильные заслоны. Таким образом мы оказывались в окружении. Боевой дух красногвардейцев был очень высокий, всюду слышались голоса, требовавшие скорее двигаться на логово врага. Но командование, учитывая крайне ограниченное количество боеприпасов, решило возвратиться в Троицк.

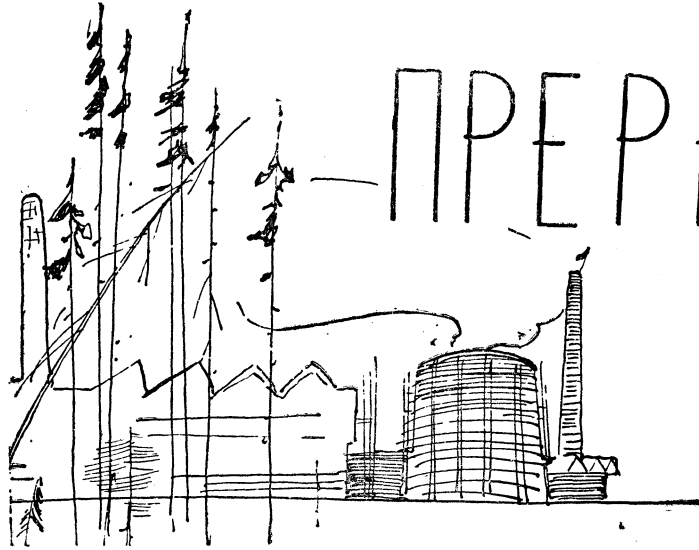
Весь путь от Сухтелей до Троицка шли с боями. Особенно кровопролитный бой разгорелся на Черной речке, в 13 километрах от Троицка. Противник, расположившись на высоком правом берегу, открыл сильный ружейно-пулеметный огонь, во фланг дружинникам ударила лавина — до 80 сабель конницы. Красногвардейцы мужественно встретили врага, уничтожая его из пулеметов и винтовок, пуская в ход ручные гранаты. Славно действовали артиллеристы. Они подавляли огневые точки противника, в упор расстреливали конницу. Около трех часов продолжался кровопролитный бой. То тут, то там у нас появлялись раненые и убитые. Медсестры (я была в их числе) едва успевали оказывать необходимую помощь. Но вот враг дрогнул, пятился. Наша сотня поднялась в контратаку, за ней третья...

Враг был разгромлен и оставил на поле боя около трехсот трупов, много оружия.

В этом бою был тяжело ранен красногвардеец нашей сотни Саша Шахриндинов, смертью храбрых пали командир третьей сотни Колмогоров, член ССРМ Берта Гартнер и другие.

Мы вошли в Троицк. Вскоре сюда прибыл со своим отрядом В. К. Блюхер. Под его общим командованием мы участвовали в окончательном разгроме белоказачьего атамана.

Наши дружины вернулись в Екатеринбург 1 мая. Но отдыхать долго не пришлось: менее чем через месяц мы снова взялись за оружие и отправились на подавление мятежа чехословацкого корпуса на Златоустовское направление фронта, где командующим был И. М. Малышев.

Л. ПЕЧЕНКИН

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Рисунки С. Киприна

Вряд ли кто не слышал о наших замечательных земляках — Александре Петровиче Банникове, энтузиасте создания гиганта советского машиностроения — Уралмаша, или об инженере этого завода, легендарном разведчике Николае Кузнецове. Их имена носят улицы Орджоникидзевского района города Свердловска.

А вот все ли знают о комсомольце Жене Хмелеве, именем которого также названа одна из лучших улиц в этом же районе? Он не успел совершить подвига, но заслужил право на бессмертие.

1.
Яркое июльское солнце погрузилось в зеленое хвойное море, и на чистом небе задвигались, зашевелились широкие полосы вечерней зари, точно взмахи гигантских оранжевых крыльев.

На стройке, раскинувшейся недалеко от Свердловска в сосновом лесу, установилась непривычная тишина. Кажется, все, кто длинный день орудовал лопатой, топором или таскал тяжелую скрипучую тачку, давно уже спят. Но вдруг у барakov ярко вспыхнул костер. Тишину разорвал перебор гармошки, и, как по сигналу, понеслась задорная, звонкая девичья песня:

Собирайтесь, подружки,
Грызть орехи грецкие.
Запевайте-ка частушки,
Новые, советские!

Тут же, словно спеша перечастить гармонь, вступила другая девушка:

Не пойду за Федю замуж,
Сколько бы ни сватали.
Как прогульщика, в газете
Его пропечатали...

Высокий, черноглазый, с густыми сросшимися бровями юноша остановился, прислушиваясь, и решительно зашагал к костру. Это студент третьего курса строительного факульте-

та Уральского индустриального техникума девятнадцатилетний Женя Хмелев. Здесь, на стройке, он уже вторично проходит практику. В прошлом году целое лето был в конторе чертежником, но нынче добился своего — работает на строительстве жилых домов техникума.

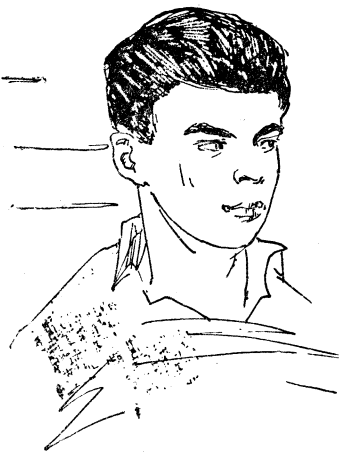
У костра шумно и весело. К гармошке присоединилась балалайка. В образовавшемся кругу отплясывают несколько парней и девушек. Среди танцующих выделяется белокурый, в сатиновой рубаше парень. Хотя на его ногах тяжелые стоптанные сапоги, пляшет он лихо, с замысловатыми коленцами. Ребята смотрят на парня с завистью, девчата — с уважением. Кончив плясать, он тут же запел приятным чистым голосом. Гармонист, сидя на чурбане, широко расставив ноги, так отчаянно растягивает меха двухрядки, что, кажется, они вот-вот лопнут...

Женя был целиком захвачен атмосферой веселья, когда услышал:

— Ты, оказывается, тут, Хмелев. А я думал, домой ушел. — Рядом стоял комсорг строительства.

— Да, засиделся, понимаешь, у ребят в общжитии, — сказал Женя, с трудом отводя глаза от танцующих.

— Все бригаду свою обучаешь? Давай-давай! Затея хорошая.

Женя жил в городе, но часто задерживался на строительстве или оставался здесь ночевать. Любопытный народ подобрался у него на участке. Одни просят научить разбираться в чертежах, других интересует электромеханика, третьи увлекаются политикой, а четвертые, узнав, что Женя занимается конструированием радиоприемников, только и ждут удобной минуты, чтобы пристать к нему с расспросами о беспроводном телеграфе, о радиоволне, об электричестве.

В ту пору среди строителей Уралмаша можно было встретить самых разнообразных людей. Партия посылала сюда лучших специалистов, комсомол — добровольцев; конно и пеше, поодиночке и целыми артелями стекались на стройку крестьяне-сезонники из уральских областей, ехали из Сибири, Оренбуржья, Тамбовщины. Одни по убеждению шли строить социализм, но попадались иногда и охотники за «длинным рублем», просто искатели счастья на новых местах...

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал комсорг, дружески беря Женю под руку.

— О чем? — спросил Женя выжидающе.

— Есть одно серьезное дело. — Комсорг понизил голос. — Понимаешь, положение у нас на стройке складывается неважное. План под угрозой срыва: вчера ночью сбежала еще одна артель плотников. Говорят, подались в Челябин, на тракторный. Какая-то сволочь пускает слухи, что там выше зарработки. Меня сегодня вызвали в партком. Решено командировать несколько активистов на вербовку рабочих. Я рекомендовал тебя. Поедешь в Вятскую губернию.

— Справлюсь ли? По-честному говоря, в деревне я не бывал.

— Чепуха! У нас тут почти все крестьяне, а ты с ними общий язык быстро находишь. К тому же, поедешь не один. В помощники хорошего парня дадим, уроженца тех мест. Главное в этом деле — объяснить людям создавшуюся обстановку, поподробнее рассказать о задачах строительства, нарисовать перспективу. За границей вон не верят, что мы способны сами построить такой гигант...

— Когда ехать?

— Завтра. С утра зайдешь к начальнику строительства на инструктаж, потом оформишь документы, получишь в кассе деньги — и валяй. Да, с деньгами, конечно, будь осторожен: сумму получишь большую. Как только на вербуешь бригаду, немедленно направляй поездом сюда. А сам с Шавейниковым останешься вербовать еще. Понял?

— А кто этот Шавейников?

— Во-он тот, что поет! Парень политически хоть и отсталый, но сам видишь — артист! Такой не пляской, так песней проймет.

Когда песня смолкла, комсорг помахал Шавейникову, и тот не спеша, слегка раздвигая сильной рукою людей, подошел.

— Вот, познакомься. Наш техник-практикант Хмелев.

— Федором звать, — протянул руку Шавейников. Его лицо пылало. В светло-зеленых глазах выражалось недоумение и настороженность.

— Тут вот какое дело, Шавейников, — начал комсорг. — Ты, кажется, из Вятских Полян?

— Оттуда.

— Вот и хорошо. Бригадир с тобой говорил?

— О чем? У нас с ним за день-то разговоров всяких хватает.

— Насчет командировки.

— Ни о какой командировке не слышал.

— Тогда слушай. С родными повидаться хочешь?

— К чему это ты?

— Думаем тебя вот с товарищем Хмелевым в командировку послать. Поедешь?

— Куда это?

— К тебе на родину. Нужно плотников сюда на вербовать. А ваши края, говорят, этими мастерами славятся...

— Что верно, то верно. Народ у нас мастеровой. А надолго ли?

— Как управитесь. Может, недельки на две.

Шавейников что-то прикинул в уме и отрицательно помотал головой.

— Не пойдет.

— Почему?

— А потому. За это время я тут вон сколько денег заработаю! Не-ет, не выйдет!

— Ты погоди. За тобой полностью сохранится средний заработок. Кроме того, получишь командировочные, пайковые...

Федор недоверчиво оглядел комсорга, словно желая убедиться в достоверности услышанного, взглянул на Женю.

— Значит, говоришь, и заработок, и кормовые?

— Да.

— Ну, если так, то, пожалуй, можно.

— Железная дорога от твоей деревни далеко?

— Да, почитай, рядом.

— Вот с нее и начнете. Старшим будет Хмелев. Главное, побольше вербуйте молодежи. Объясните людям, что многие смогут потом у нас переквалифицироваться на разные специальности. Завод будет большой. Кадры ему потребуются огромные.

У костра кто-то попытался затянуть песню, но неудачно. Послышались голоса, приглашающие Шавейникова.

— Когда ехать-то? — спросил Федор.

— Завтра.

— Ладно уж, записывай!—крикнул он, направляясь в круг, и затянул на ходу песню. Парни и девушки дружно подхватили ее.

2.

Женя проснулся рано. Вагон покачивался, отстукивая колесами на рельсовых стыках. Мимо проплывали поля, перелески, мелькали телеграфные столбы. В вагоне пахло махоркой, ржаным хлебом, пеленками. На нижних полках разместились целая семья.

Федор лежал на животе, дымя самокруткой и устремив полуприщуренный взгляд в окно.

— Ты уже проснулся?—удивился Женя.

— На этих-то досках не шибко разоспишься.

Шавейников бросил в окно окурочек и перевернулся на спину, подложив под голову руки.

— Ничего, дома выспишься! — пошутил Женя.

— Не на пуховики к жене еду. Вот женьсь, тогда другое дело,—хмуро ответил Федор.

— Жениться успеешь. А вот я хочу посоветовать другое...

— Ну?

— Учиться тебе надо, Федя! — уверенно сказал Хмелев.

— Это зачем же?—спокойно, скосив глаза в сторону Жени, спросил Шавейников.

— Как зачем? Неужели ты не понимаешь, что без науки нам новую жизнь не построить?

— Пустое мелешь...

— Я вполне серьезно. Ты сколько классов окончил?

— Все мон.

— Вернемся вот на стройку, помогу тебе подготовиться, сходим к одному музыканту...

— Зря, практикант, беспокоишься.

— Но у тебя замечательный голос! Да и вообще...

— А мне, слышь, плевать на то, кто как о моем голосе думает. Я ведь пою не для кого-нибудь, а для себя. И не для того я на стройку приехал, чтобы каким-то артистом заделаться.

— Странный ты человек. Тогда что же тебя к нам привело? Жил бы в своей деревне!

Федор приподнялся, опершись на локоть, и, уставившись на Женю злыми глазами, сказал:

— Ты вот грамотный, а дурак дураком! Скажи, сам-то зачем на стройку пожаловал? Послали? Или, может, добровольно пришел социализму строить? Все вы красивые-то слова говорить мастера! А вот как выучитесь, так и будь здоров!.. И у меня своя линия есть. Я, может, тоже жизнь-то хочу устроить, какая мне по душе...

Слова Шавейникова казались Жене детски наивными, и он, нисколько не обидевшись, стался его разубедить.

— Интересно, какую же?

— Какую? К примеру, мечтаю иметь дом

под железом, пару добрых лошадей, две-три коровы и десятин двадцать земли.

— Ого! Короче говоря, собираешься стать кулаком?

— А ты, слышь, меня не страшай!—крикнул Федор.—Все вы теперь, чуть что—«кулак, эксплуататор!..»

Шавейников сел и, сопя и не глядя на Хмелева, стал скручивать сигарку. Женя улыбнулся и покачал головой.

— Эх ты, Федя, Федя! В комсомол тебе нужно вступать. Тогда совсем иначе будешь на жизнь-то смотреть.

— Значит, по-твоему, мне надо индустриализацию строить и разводить социализму? А что я от этого буду иметь? Шиш в кармане да вошь на аркане?

— Чудак человек! Да разве в клочке земли или в породистой корове человеческое-то счастье? Ты вот сказал: «Социализм разводить!» А знаешь-ли ты, что такое социализм и каковы его принципы?

— А мне это знать ни к чему. Мне свой принцип известен—и ладно!

— Пойми ты, сейчас мы новую жизнь строим, без частной собственности. Хоть тебе и не нравятся почему-то разговоры про эксплуатацию и кулака, но ведь факт, что на заводах и фабриках никакой эксплуатации и в помине нет, а в деревне она есть. Вот когда крестьяне объединятся в колхозы...

— Во-во,—перебил Шавейников,—если ты будешь так с нашими мужиками разговаривать, то никого на стройку не наагитируешь.

— Почему?—удивился Женя.

— А потому. Ты в деревне бывал? Мужичью жизнь знаешь? Так лучше помалкивай и слушай, что тебе добрые люди говорят.

— Что же ты мне советуешь?

— Говори по-простому и понятней. Прямо так вот и начинай. Дескать, если кому охота добрую лошадь завести или там хозяйство какое, то записывайтесь на строительство. Работа, мол, у нас не так уж тяжелая, но денежная.

Я подтвержу. А политику разную выкинь из головы. Этим они и без тебя сыты по горло. И, можно сказать, порядком напуганы.

— Чем напуганы?

— Да социализмом этим. В прошлом году у нас взбаламутили народ, в соседней деревне коммунию организовали. А через месяц все назад порасташили.

— Почему?

— Да длинная об этом песня. Да, еще вот что,—как бы между прочим бросил Шавейников.— На задатки не скупись. Денег, поди, в обрез захватил?

— Денег хватит,—хмуро ответил Женя.— Да не в деньгах дело, а ты этого понять не можешь!..

Женя лежал задумавшись. Шавейников некоторое время молчал, затягиваясь махоркой. Потом он сказал, обращаясь к Жене:

— Ты вот грамотный. Может, читал или слышал: правду люди толкуют, что в Сибири еще вольные земли есть? Бери, говорят, сколько хочешь...

— Как ты, Федор, однако, от жизни далек. Верить разным сказкам!

Шавейников помрачнел, а Женя продолжал:

— Далась тебе эта земля! Скажи по совести, неужели у тебя других интересов нет, кроме земли да хозяйства?

— Какие такие другие интересы? Тебе, может, это ни к чему, потому ты городской житель, а нам, деревенским, без этого нельзя.

Федор махнул рукой и стал доставать из чемодана мыло и полотенце.

В Вятские Поляны поезд пришел ночью. Женя и Шавейников вышли на дощатый перрон. Из темноты тянуло свежим ветерком. Было слышно, как рядом шумят листвою деревья. Видимо, недавно прошел небольшой дождь: сильно пахло тополем.

— Далек до твоих родичей?—спросил Женя Шавейникова.

— Да не так уж.

Федор постоял, оглянувшись по сторонам и вдруг решительно вскинул на плечо сундучок:

— Ну, пошли, что ли!

За станцией начались хлеба. Они чуть слышно звенели и казались темным безбрежным морем. И оттого, что кругом было это безбрежное море, что над головой светили яркие звезды, а в лицо веял свежий ветерок, на душе было легко и весело. Невольно, сама собой пришла знакомая песня, и Женя запел:

Там, вдали-и за-а ре-е-кой, загора-ались огни-и.
В небе ясно-ом заря догора-ала,
Сотня юных бойцо-ов...

«Постой, а почему Федя не поет?»—Ты что, Федя, или не рад, что домой приехал?

Шавейников не ответил.

— Или на меня обиделся? Ну вот сам рассуди. Кругом какая замечательная жизнь строится!.. Нет, Федя, старое себя изжило, и ни в какой Сибири от него не спрячешься!..—И Женя снова запел:

В небе ясно-ом заря догора-ала,
Сотня юных бойцов-ов...

От сильного удара в спину Женя оборвал песню. Он устоял на ногах, выпрямился, но почувствовал, как что-то снова резануло, перехватило дыхание. Еще не понимая, что происходит, Женя повернулся и увидел перекошенное от злости и страха лицо Шавейникова и занесенную руку с ножом.

Женя хотел перехватить нож, но руки не слушались, в глазах потемнело. Он упал и, уже лежа на земле, еще некоторое время чувствовал, как на него обрушиваются смертельные удары...

С аквалангом под землей

Холодной зимней ночью мы выбрались из вагона на станции Кунгур и гуськом направились через перроч к лесу. Вид у нас довольно необычный: поверх штормовок и телогреек надеты сумки, рюкзаки. У меня за плечами — сто метров тонкого электрического кабеля — штука ужасно неудобная, но она необходима: в пещере решено провести киносъемку, а для этого нужно много света.

Цель нашей поездки — исследование Большого озера Кунгурской ледяной пещеры.

Не сразу увидели мы границу воды и воздуха. Те, кто шли первыми, остановились уже в воде. Сразу же начали готовиться к спуску. Проложили кабель, подключили осветители, затрещала кинокамера — все в порядке! Влезаю в костюм собственной конструкции, склеенный из тонкой резины, и окунаюсь в воду подземного озера. Сразу же обжигает холод: температура воды +4,5°, воздуха — +5,5°. Я в разведке — нужно осмотреть дно и отыскать сифон. (Сифонами называют подземные тоннели, заполненные водой, которые соединяют водную систему пещеры и реку). Вода абсолютно прозрачная. Прямо под собой я вижу как бы чашу с приподнятыми краями. Дно все изъеденное, обточенное, узорное, как кружево. Уже осмотрено все озеро, но никакого намека на сифон нет. Очевидно, все дно, покрытое узорными наплывами и тончайшей гипсовой пылью, — решетчатый сифон, сходящийся где-нибудь в глубине горы в один тоннель.

Выбираюсь на берег и попадаю сразу же под перекрестный огонь вопросов: холодно ли, есть ли что-нибудь живое, где сифон и еще тысяча и один вопрос.

По двое уходят в воду ребята, осматривают озеро и, довольные, выходят на берег, снимают гидрокombineзоны и сигналят товарищам, находящимся в воде.

После обеда снова уходим в пещеру, теперь уже в заозерную часть. Проходим маленькие подземные озера, в одном из которых угадывается сифон. Пробраться приходится часто полз-

ком по грязи, кое-как протискиваясь в щели. Вот и последний исследованный грот, и можно отправляться обратно. Мы первые на Урале спустились с аквалангами на дно подземного озера.

Для чего нужно изучать пещерные озера и реки? Во-первых, отыскав грифон (место ухода воды под землю и выхода ее на дневную поверхность), можно регулировать уровень воды в реке, создавая подземные искусственные резервуары. Во-вторых, есть еще более важные задачи. В Челябинской области возле Михайловского завода расположен поселок Сказ. Воду в него привозят издалека, с большими трудностями. А в двух километрах от Сказа находится пещера, вся заполненная водой. 17 декабря 1961 года мы были в Сказе в разведке. Сначала по льду потока, а затем вплавь в гидрокостюмах, мы проникли в глубь пещеры и уперлись в сифон. Нырять в него не стали, так как не было с собой аквалангов. Летом мы будем работать в пещере и постараемся выяснить, откуда здесь вода и куда она уходит. Может быть, изучив подземный лабиринт, мы сможем улучшить водоснабжение поселка Сказ.

С. ФАМЕЛИС

Дружба геологов и оленеводов

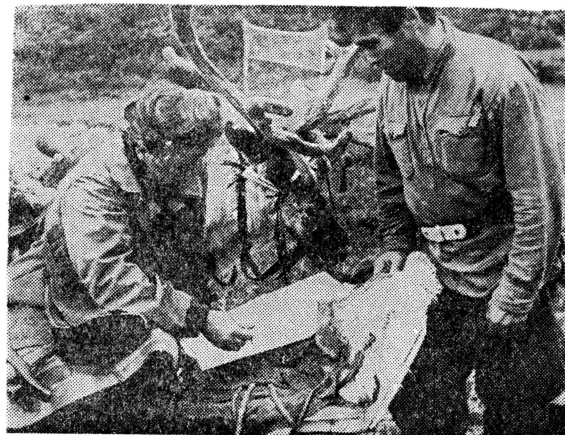
Каждую весну на Приполярный Урал из Ханты-Мансийского национального округа колхозники пригоняют тысячи оленей. Сюда же, за 63-ю параллель, прибывают геологи из Свердловской области. Разведчики недр и манси-олeneводы давно сдружились и по-дружески помогают друг другу.

Раз в один-два месяца к пастухам приезжает из Сосьвинской культбазы киномеханик Геннадий Туманов. Он обслуживает и геологов. А они помогают Туманову выбраться на базу, чтобы обменять кинофильмы — перебрасывают на вертолете.

Как-то у пастухов колхоза имени Жданова были на исходе продукты. Геологи партии А. Н. Южанова поделились своими запасами с оленеводами. Потом вертолет «МИ-1» Виктора Рычика побывал за сотни километров в направлении колхоза и доставил пастухам в горы продукты. Олени, запряженные в нарты, — лучший транспорт здесь и летом. К нему часто вынуждены прибегать геологи.

Глубокой осенью разведчики

недр покидают Приполярный Урал. Вскоре за геологами уходят с оленями и колхозники.

На снимке — старший геолог партии В. В. Южакова с бригадиром оленьего стада колхоза имени Жданова Семеном Степановичем Вадучуповым. Они обсуждают маршрут, по которому геологов повезут олени упряжки.

Г. ГРИГОРЬЕВ

ОЛЕГ СЕЛЯНКИН

КАНДИДАТ ПАРТИИ

Рассказ

Рисунки М. Брусиловского

Еще вчера небо было в грязных хлопьях разрывов зенитных снарядов, еще вчера на нем черными шлейфами дыма расписывались горящие самолеты, а сегодня тишина; сегодня только жаворонки беспечно звенят в синеве.

И не могло быть иначе: на рассвете капитулировали последние фашистские дивизии, окруженные около Бобруйска. Капитулировали немецкие дивизии — смолкли советские пушки, сели на аэродромы краснозвездные самолеты, расположились на заслуженный, но короткий отдых солдаты в выцветших гимнастерках и стоптанных сапогах.

Отдых после боев — это не только сон, душевные песни и удалая пляска. Отдых — чистка оружия; отдых — новые заплатки; отдых — партийные и комсомольские собрания, где подводятся итоги последних боев.

Одно из таких собраний шло на большой поляне около вражеского дота, развороченного прямым попаданием бомбы. На глыбе бетона, из которой торчали погнутые, скрюченные взрывом железные прутья арматуры, сидел капитан. Вот он приподнялся и сказал самым будничным голосом:

— А теперь, товарищи, заявление сержанта Калугина Александра Ивановича. Товарищ Калугин просит принять его в кандидаты нашей партии, клянется не опозорить высокого звания коммуниста.

Перед разбитым дотом, на траве, в которой поблескивали патронные и снарядные гильзы, сидели коммунисты батальона — чисто выбритые, с белыми подворотничками.

— Пусть биографию свою расскажет, — сказал какой-то усач с погонями рядового.

К бетонной глыбе подошел сержант Калугин. Был он невысок; плечи тоже не раздались вширь. Нежный юноша, а не солдат.

Встав перед товарищами, он сдернул с головы пилотку. Серые глаза смотрели на солдат прямо, в них легко было прочесть растерянность.

— Биография у меня, значит, такая, — начал сержант Калугин сиплым голосом. — Родился в двадцатом году на станции Чусовская. Окончил семь классов... Больше на «посредственно» учился... Потом работал слесарем в электровозном депо. В тысяча девятьсот сороковом году вступил в комсомол... Потом, значит, воевать пошел. — Тут сержант за-

молчал, сморщил лоб, точно припоминая, и совсем неожиданно добавил: — В оппозиционных группах не состоял, у белых тоже не служил...

Сержант говорил тихо, монотонно, но его слушали внимательно. Больше того: многие подбадривающе подмигивали ему, ласково улыбались. И настолько велика была симпатия людей, что ни один не засмеялся, когда сержант сказал последнюю фразу.

— Вопросы есть к товарищу Калугину? — спросил капитан.

Минутная пауза, потом вопрос:

— Взыскания имеешь?

Уши Калугина налились кровью, он потупился, потом неожиданно вскинул голову. Теперь в его глазах не было растерянности. Они были полны решимости.

— Есть одно. От старшины товарища Барботько. Наряд вне очереди. За грязное оружие, автомат, то есть...

Стрекочут в траве кузнечики.

— А награды? Награды у тебя есть? — почти кричит тот самый усач, который просил рассказать биографию.

— Есть, — опять покраснев, ответил сержант.

— А ты расскажи — какие, за что? — наседали усач.

— Орден Красная Звезда и медаль «За отвагу!» За храбрость, известно! — закричали некоторые солдаты.

А сержант Калугин ничего не ответил. Он только вздохнул.

— Есть еще вопросы? — спросил капитан. — Нет вопросов?.. Тогда прошу высказаться по существу заявления товарища Калугина.

— Разрешите мне, товарищ капитан? Старшина Барботько.

Старшина уверенно вышел и встал рядом с Калугиным, зло покосился на него:

— Тут возник вопрос о взысканиях. Отвечу, поскольку сам сержант не рассказал нам свою биографию. Застеснялся... Взыскание снято с сержанта Калугина два года назад. Про него можно бы и не говорить, но раз товарищ Калугин

занес его в свою солдатскую биографию, давайте задержимся на этом моменте...

...Год 1941-й. Небо, кровавое от пожаров, нависло над землей, истерзанной бомбежками и артиллерийскими обстрелами. До рассвета меньше часа.

На берегу маленькой речки, которая на карте обозначена голубым волоском, но названия не имеет, спешно готовится к обороне рота. Командиры все пали в прошлых боях, и командует сержант Барботько.

Много забот, много ответственности взял на себя младший сержант Барботько: шутка ли командовать ротой в бою? Но сержант не мог поступить иначе: он коммунист, он за всех людей отвечает.

Вот и ходит младший сержант по берегу речки, придирчиво осматривает наспех вырытые ячейки. Их сорок пять. Сорок пять одиночных ячеек на всю роту.

— Ну, как, солдат Калугин, изготовился к бою? — спрашивает сержант.

В ячейке встает солдат. Ячейка ему только до груди.

— Изготовился, товарищ младший сержант, — отвечает солдат.

В голосе его нет страха. Но сержант неопределенно хмыкает. Если говорить откровенно, то солдат Калугин нисколько не хуже других, однако сержант сомневается именно в нем: меньше года служит, молодой парень.

А потом, когда взошло солнце, гитлеровцы начали наступление. Они засыпали ячейки солдат минами и снарядами. Не помогло. Когда пошли в атаку фашистские цепи — их встретил уничтожающий огонь пулеметов, автоматов и винтовок.

Тогда над берегом речки повисли бомбардировщики. Бомбы рвали землю, старались выплеснуть из речки воду, но советские солдаты жили! Они по-прежнему яростно встречали врага!

Весь день гитлеровцы пытались сменить со своего пути, уничтожить «свежий полк». Так они именовали эту горстку измученных людей.

— Наша задача, друзья,— продержаться до ночи,— говорил Барботько, переползая от ячейки к ячейке.— Ночью отойдем на новые позиции.

И горстка советских людей продержалась до ночи. Последнюю вражескую атаку отбивали гранатами, ножами и прикладами.

Отбили.

Потом они шли всю короткую летнюю ночь. Шли, чтобы соединиться со своими. В предрассветных сумерках Барботько любовно смотрел на своих подчиненных. Все они сейчас были ему дороги, как никогда раньше. Особенно солдат Калугин. Как бесстрашно отбивал он атаки гитлеровцев очередями своего автомата! Как в рукопашной яростно молотил фашистов по каскам прикладом!

Интересно, не повредил ли солдат Калугин автомат?

Подумал так Барботько и подошел к солдату Калугину, покосился на приклад его автомата.

— Солдат Калугин! Почему у вас оружие не вычищено? — разорвал мирную предутреннюю тишину строгий голос.— Один наряд вне очереди!

Солдат Калугин сначала удивленно посмотрел на младшего сержанта, потом взглянул на автомат. На его прикладе засохла кровь. Вражеская кровь.

— Есть, товарищ младший сержант, один наряд вне очереди за грязное оружие...

— Вот при каких обстоятельствах я наложил взыскание на товарища Калугина,— закончил старшина Барботько.— Со всей ответственностью коммуниста заявляю: то взыскание снято.

Под одобрительный шумок собрания старшина пошел на свое место. Но прежде чем уйти, он будто нечаянно коснулся своей широкой ладонью плеча Калугина. «Не робей, брат!» — вот что означал этот почти незаметный жест.

А к разрушенному доту решительно пробивается солдат. Он раскраснелся от волнения.

...Год 1942-й. Идет второй месяц великой битвы на Волге. По реке, как бревна на молевом сплаве, плывут распухшие трупы. Советские солдаты ожесточенно дерутся за каждую квартиру в этом городе, распластавшем свои кварталы по берегу древней русской реки.

Устали советские солдаты, но дерутся. Дерутся обескровленные дивизии. А к гитлеровцам ежечасно идут подкрепления, отъевшиеся на голландских хлебах, отоспавшиеся на французских перинах. Тупорылые грузовики подвозят их к истерзанному бомбежками городу.

Над ночной степью идут советские самолеты. Нет, это не разведчики. И не бомбардировщики. В этих самолетах сидят советские десантники. Среди них и ефрейтор Калугин. Он сосредоточен, спокоен.

Вот и долгожданный сигнал. Ефрейтор Калугин подходит к раскрытому люку и бросается в черную пустоту.

Ударившись о землю, ефрейтор Калугин упал. А когда сел... Когда сел, то прямо перед собой увидел двух фашистских солдат. Они стояли и хохотали. Их автоматы были нацелены ему в грудь.

Упал точно под ноги к патрулю. Что делать? Одно неосторожное движение — две очереди полоснут по груди. Сдаться?

— Встать! Руки вверх! — приказывает один из фашистов.

Ефрейтор Калугин поспешно встает, поднимает руки.

Гитлеровцы подходят еще ближе, и один из них начинает снимать оружие десантника.

И тут ефрейтор Калугин смачно харкнул в глаза второго фашиста. Тот был уверен, что советский десантник не сможет оказать сопротивление двум вооруженным солдатам гитлеровской армии, и вдруг — плевок! Этот плевок заставил его отшатнуться и только на мгновение прикрыть лицо руками.

Мгновения оказалось достаточно. Ефрейтор Калугин вцепился своими тонкими, но сильными пальцами в автомат этого солдата. Короткая очередь. Упал тот, который обыскивал.

А потом ударом ножа свалил и второго...

— ...Почти под утро пришел к нам ефрейтор Калугин, — взволнованно говорит солдат. — Вместе с нами и от фашистов отбивался, вместе с нами и фронт переходил.. За смелость, находчивость награжден орденом Красной Звезды!.. И еще одно скажу: мне бы ни в жизнь до такого не додуматься, чтобы плевком двух врагов убить!

Солдат доволен своей речью.

На его месте стоит другой...

— ...Значит, в сорок третьем году это было. Когда мы фашистов лушили на Курской дуге,— гудит бас.— Много говорить не буду: сами там были, сами все знаете. Я только фактик один напому... И вот случилась там такая оказия... Наворотили мы гитлеровцев перед нашими окопами — страсть. Валяются ихние раненые и базлают — спасу нет. Мы, конечно, кричим, — дескать, забирайте своих раненых, стрелять не будем. Те молчат. Боятся нас, думаем. Тогда кричим: «Не стреляйте! Мы сами ваших раненых подберем!» Прокричали через репродуктор это, только сунулись — они как дадут! Земля дыбом!.. А раненые кричат, стонут, зовут на помощь. Особенно жалко одного. По голосу чуем, что молодой. Все свою муттер зовет. В первый-то день громко звал, а к утру второго — еле слышно... Сидим мы, конечно, в своих окопах, проклиная фашистскую жестокость. Ведь куда же дальше: своих, сволочи, не подбирают!.. А только стемнело, младший сержант Калугин и говорит нам: «Пойду вытащу того». И пошел. А вы знаете, что значит под Курском из окопа на ничью землю выползти... И все же пошел младший сержант. Его тогда пуля за ногу цапнула... Ничего, притащил того раненого... Я считаю, что Калугина можно принять кандидатом в нашу партию.

Шумит, волнуется собрание. Многие уже выступили, и председатель говорит:

— Поступило предложение прекратить прения. Возражений нет?

Дружно вздымаются

солдатские руки. Только усатый солдат возмущается. Он вскакивает и с места кричит:

— Как же это прекратить прения, если я от всего нашего взвода, где служит сержант Калугин, слова не сказал? А слово у меня короткое. Весь взвод очень переживает, примем ли мы Калугина в партию,— усач замолкает. Он забыл все, что хотел сказать...

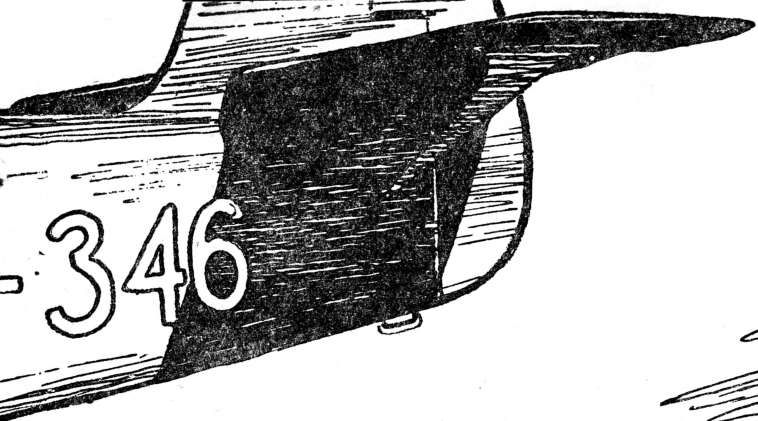
— Про письмо,— подсказывает кто-то.

— Ага, верно,— оживляется усач.— Ты, Калугин, прочти товарищам коммунистам то письмо, что вчера получил. Чего краснеешь? В партию вступаешь, так зачем от нее таишься? Давай сюда, сам прочту!

Треугольник письма в руке усача. Он читает почти по складам:

— «Дорогой наш, ненаглядный сыночек Саша! Материнское спасибо тебе за слова ласковые, что в письме прислал. Прочитала я их и все плачу от радости, что не забыл ты меня, старую, что заботишься обо мне, хотя над тобой смерть ходит. И за деньги тебе спасибо. Коляшка с Татьянкой тоже благодарят тебя, старшего братика». — Усатый солдат аккуратно складывает письмо треугольником. — Дальше идут дела сугубо семейные... А все, что прочел,— прямое отношение к собранию имеет... Все свои деньги сержант Калугин домой посылает! Вот теперь и думайте, какой души человек стоит перед нами!.. Весь наш взвод, хотя там и есть беспартийные, голосует за прием товарища Калугина в кандидаты нашей партии!

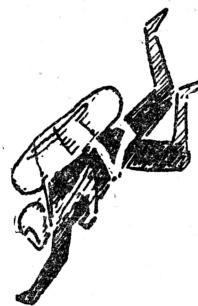
Замолчал солдат, смотрит на товарищей. А те тянут вверх руки. Как один человек тянут.

346

ПЛАМЯ НАД ТАЙГОЙ

А. СОКОЛОВ

Очерк

Рисунки Г. Перебатова.

Фото Ив. Яруша.

Прыгать будут двое

По спине пробежал холодок, будто за ворот попала капля осеннего дождя. Владимир Быстров покосился на пилота и толкнул его локтем, показывая на сероватую струйку дыма, что вилась далеко-далеко в стороне.

— Вижу,— спокойно кивнул пилот.

«Все видят, когда покажешь»,— подумал Владимир.

Он был самым молодым летным наблюдателем авиационной базы охраны лесов, работал лишь второй сезон. Именно поэтому ему особенно хотелось выглядеть заправским «воздушным волком». Ведь это он, Владимир, в ответе за зеленое богатство Западного Урала — лес. По его сигналу парашютисты, воздушные пожарные в любой момент готовы ринуться вниз, чтобы бороться с огнем. Что может быть ярче и романтичнее!

Пожалуй, больше всего это преклонение перед своей профессией проявлялось у Владимира в дневнике. На одном из первых листов была такая запись:

«Впервые самолеты на тушении пожаров были применены в 1936 году. Один из четырех авиационных подразделений нес патрульную службу над лесами Прикамья. Американцы тогда только собирались использовать для этого самолеты.» И в скобках торжествующее: *«Ага, отстали!»*

А вот что писалось о лесных пожарах.

«Их всего три брата.

Первый самый коварный — подземный. Торф горит, дыма на поверхности много, а пламени не видно. Но только допустить, вырвется пожар наружу — и тогда держись...

Второй брат — деловой. Низом идет, по траве, по кустарникам, по лесной подстилке. Вроде бы не очень быстрый, а лес губит весь.

Третий брат — самый буйный. Мчит по верхинам деревьев, да так, что даже птицы не всегда успевают спастись от него.»

Да, любил Владимир Быстров свою профессию воздушного пожарного, знал, как она трудна и опасна, и мечтал поразить всех своим умением, своей смелостью.

Вот и сейчас, пока самолет шел к столбу дыма, Владимир, предупредив парашютистов, чтобы готовились, достал патрульную карту и стал наносить место пожара. Это только в теории просто: найди на земле выдающийся предмет, определи их на карте, свизируй, и пересечение линий даст координаты пожара. Попро-буй, свизируй, если легат они в таких глухих местах, где самый выдающийся предмет — лес. Лес был без конца и без края.

Услыхав предупреждение летнаба, командир отделения парашютистов Иван Яровой — высокий, широкоплечий, жилистый — поднялся, при-ник загорелым лицом к иллюминатору и стал хмуро вглядываться в дым, что спиралью ввинчивался в небо.

Ну и день!.. Не успели вылететь, а уже третья тревога. Хорошо, хоть первая оказалась ложной — костер. Зато в другом месте пришлось выбросить сразу трех парашютистов. И вот снова дым... Снова кому-то предстоит идти на тяжелое и опасное дело.

Восемь человек в отделении, но как редко собираются они летом все вместе! То в одиночку, то сразу по несколько человек прыгают на пожары в тайгу. Вот и сейчас их только пять. Стоят, припечатав лбы к иллюминаторам, изучают пожар. Каждый готов по первому сигналу прыгнуть вниз. И крепыш Николай Сидоров, и хлипкий телом, но боевой Алеша Ромин, и флегматичный Вася Копин, и Петя Шелест, которого зовут ходячей энциклопедией: разбуди его среди ночи — ответит на любой вопрос о борьбе с лесными пожарами.

Самолет кружил в поисках удобной площадки. Внизу лежал мохнатый зеленый ковер, накиннутый на холмы Предуралья. Речки, пересекавшие его, несли свои воды в Каму. На юге лес-промхозы уже начали отрезать от этого богатого ковра один кусок за другим. Там кипела жизнь. А здесь, на севере, под крылом самолета, — ни деревеньки, ни домика. Только гул мотора пугает замшелую тишину.

В пяти километрах от пожара в ковре мелькнула маленькая дырка. На дне ее матово поблескивало водой лесное болото. Конечно, такая площадка не бог весть что, но все-таки высадиться можно. Однако летнаб в ответ на предложение Ярового закачал головой:

— Поищем еще. Опасно.

И снова бороздит небо самолет. Круг, еще круг. И все дальше и дальше столб дыма, все ближе и ближе сходятся на переносице густые, вразлет, брови Ярового. Для парашютистов каждый новый круг — это лишние километры пути через бурелом, овраги, болота. Это усталость от долгого пешего хода и тяжелого груза за плечами. А главное — это потеря времени, потеря лишних гектаров леса.

Однажды Иван прочел, что человек придумал более четырех тысяч способов использования древесины. Его поразило, что вагон леса стоит не меньше, чем вагон сахару, а одним кубометром древесины — конечно, переработав ее предварительно, — можно одеть триста человек.

И обидно, когда эти богатства гибнут из-за халатности растяпы, который поленился затушить папиросу, костер или спичку, — ведь так начинается большинство пожаров. Обидно, что летнаб излишне осторожничают, не верит в парашютистов.

Было с чего хмуриться...

Удобную площадку нашли только километрах в двадцати пяти от пожара. Для здешних мест она была почти идеальной: на ней рос мелкий и редкий кустарник. Но Быстров, довольно потиравший руки, не заметил в глазах Ярового восторга.

— Ты чем еще недоволен? — раздраженно спросил Владимир.

— А чему радоваться?

— Аэродром, а не площадка. Порядочек.

— Из-за этого «порядочка» пожар так разгуляется, что потом его вдесятером не удержишь.

— Сам видел, ближе нет, — вздохнул летнаб.

— А болото?

— В такую дыру не сразу попадешь. Да и утонуть можно. Случись с вами что — с меня шкуру снимут...

Яровой принялся доказывать, что прыгать на лесное болото не так уж опасно: если боец и провалится, то с парашютом все равно не утонет. Ну, а площадка... Что ж, приходилось прыгать и на меньшие.

- Сам собираешься?
- Конечно. И одного добровольца.
- Ладно уж...

Обрадованный Яровой тут же зашпешил к своим парашютистам.

Алеша Ромин уже собрался было крикнуть, но опоздал. Широкоплечий и широколицый Николай Сидоров пружинисто вскочил со своего места:

— Бери меня, командир.

Иван кивнул — согласен.

— А меня? — срывающимся от обиды тенором спросил Алеша, умоляюще глядя на летнаба. — У меня и так меньше всего прыжков.

— Уговор дороже денег. — Николай насмешливо подмигнул Алеше. — Порасторопнее надо быть, друже.

Тот бросил на него возмущенный взгляд. Известно, как продолжался бы этот спор, но Быстров предупредил тоном, не допускающим возражения:

— Прыгать на болото разрешаю только двоим.

Самолет подходил к болоту. Яровой с тревогой вглядывался в поваленный ветром столб дыма. Не нравился ему этот пожар: время самое опасное, ветер, и уже недели две не было дождя.

— Надо бы на помощь леснику кого-нибудь из наших сбросить, — сказал он летнабу. — Чтобы побыстрее народ собрали. И хорошо бы Ромина, парень совсем закиснуть может.

Владимир сразу вспомнил, каким расстроенным было лицо у Алеши.

— Верно, надо его пускать в дело.

— Значит, договорились?

— Договорились. Готовься к прыжку.

Опасения подтверждаются

Самолет снизился до четырехсот метров. Горизонт сузился, но болотце по-прежнему казалось совсем маленьким.

Первый пристрелочный парашютик протащило в «молоко». Второй шел точно по центру болота, но «не дотянул». Быстров произвел нужные расчеты и крикнул:

— Приготовиться!

Иван, придерживая парашют, распахнул дверцу. Было видно, как тень самолета проносится по верхушкам деревьев. Тайга выглядела явно негостеприимно. У Ивана сжалось сердце.

Раздался длинный сигнал сирены: «Приготовиться!» И сразу исчезла тревога, ее сменило сосредоточенное напряжение, какое Иван испытывал перед каждым прыжком.

Два раза взвыла сирена, и Яровой, с силой оттолкнувшись, выпрыгнул из самолета. Через две секунды над головой выстрелил раскрывшийся купол парашюта.

Яровой отлично знал, что опытный парашютист не беспомощен в воздухе. Натянул левую группу строп — пошел вправо, натянул правую — тебя потянуло влево. Наклонил купол парашюта вперед — словно с горки покатился. Развернул киль купола навстречу движению — будто хорошие тормоза включил.

Подруливая стропами, Иван снижался прямо к болоту. Все шло хорошо, но смутное чувство

надвигающейся опасности не покидало его. Где она подстерегает, эта опасность? На болоте? Возможно. А может еще в воздухе? Кому-кому, а Яровому доподлинно известно, что воздух непрочь зло подшутить над парашютистом. Вовек не забыть одного необычного полета...

Случилось это, когда Иван только-только пришел на авиационную базу охраны леса. Лето стояло жаркое, без дождей. Каждый день в лесах вспыхивали пожары. Бойцов не хватало, новичков сразу пускали на дело.

Дошла очередь и до него. Прыгал он последним, товарищи уже благополучно приземлились. Поначалу все шло, как полагается. Но немного погодя ему показалось, что он не опускается, а идет вверх. Недоумевая, Иван осмотрелся. И вдруг заметил, что его несет прямо к Каме, за полтора километра от места посадки.

В растерянности он начал дрыгать ногами. Не помогло.

Поляна, на которой, открыв рты, стояли пораженные товарищи, осталась позади. Уже и Кама надвигается — широкая, сверкающая на солнце.

Над Камой восходящий поток теплого воздуха, в который попал Яровой, сразу ослаб. Ивана резко бросило вниз. Хорошо — запас высоты был большой, парашютиста протащило на противоположный берег.

Пока выпутывался из кустов, пока перебирался через реку, с пожаром было покончено. Долго еще допекали Ивана насмешники.

С тех пор Яровой не совсем доверял воздуху. Да и не зря: восходящие потоки — это только один из подвохов. Сколько их еще — порывы ветра, воздушные ямы... Только увидев гладь воды с пупырышками-кочками, успокоился Иван. Решил, что все опасности позади...

Когда парашют командира скрылся за частоколом елей, росших по краям болота, у всех вырвался вздох облегчения.

— Видали, как он, а? Видали? — восторженно восклицал Алеша Ромин.

Самолет совсем снизился. На мгновение мелькнула маслянистая коричневая поверхность болота. Но и за этот короткий миг все успели заметить, что Иван лежит в какой-то странной, неудобной позе: лицом вниз, вытянув вперед обе руки.

Самолет круто развернулся. Снова болото.

Иван лежал на прежнем месте.

Быстров растерянно поглаживал планшетку с маршрутной картой. Он отчаянно ругал себя. Ведь сомневался, знал, что это большой риск...

Самолет в третий раз пронесся над болотом. Яровой бродил по воде, складывая парашют.

— Фу, напугал, — облегченно вздохнул летнаб.

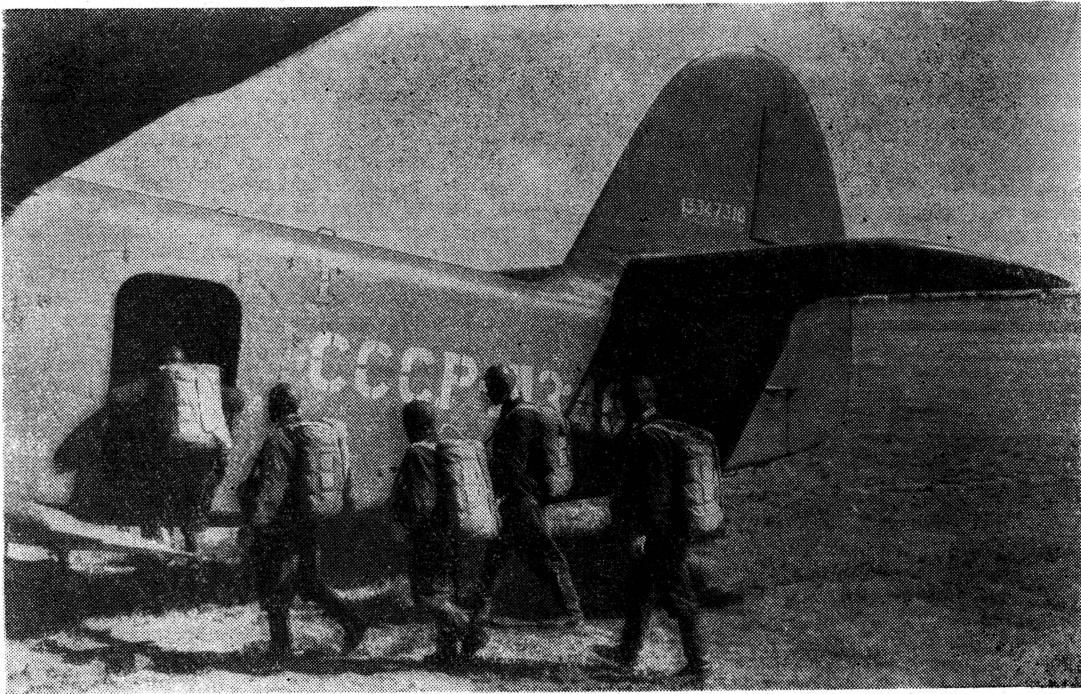
— Да он купался, наверное, ребята! — закричал Николай.

Все смеялись, хотя каждый понимал — что-то все-таки случилось.

А случилось вот что...

Перед приземлением Яровой сделал все, как полагается: корпус наклонил чуть-чуть назад, согнул ноги в коленях. Когда на твоем счету более двухсот прыжков, это получается само собой.

Но ноги не почувствовали толчка, мягко провалились в жидкое месиво. Когда парашют рванул Ивана вперед, за ноги будто кто-то крепко

уцепился. «Так можно и сломать»,— успел подумать Яровой и ткнулся лицом в грязь.

В уши и нос залилась вода, грязь залепила глаза. Вытягивая шею, Иван старался удержать голову над взбаламученной поверхностью болота. Парашют продолжал тянуть вперед, и Яровой удерживал его стропами.

Тяжело пахло прелью, застоялой водой. Возле самого носа выпрыгивали пузырьки. Парашют тянул вперед и вниз. Наконец, Яровой рывком вскочил на ноги и, прижимая шею потуже к воротнику, чтобы грязь не текла за ворот, начал складывать парашют.

На следующем заходе от самолета отделилась маленькая фигурка. Иван залюбовался четкой работой парашютиста. Когда Николай приблизился к земле, Яровой крикнул:

— Ноги подожди! Ноги! Садись на пятую!

Николай понял и тяжело плюхнулся в болото на «пятую точку». Брызги разлетелись в разные стороны.

— С приездом,— засмеялся Иван.— Как приземление?

— Будто дома на мягком диване.

— А ты хорош...

— И ты тоже.

Было два часа дня, самый солнцепек. Но здесь, возле болота, стояла прохлада и полумрак. Не верилось, что неподалеку гудит пожар, языки пламени бросаются на деревья, ползут по мягкой лесной подстилке.

Иван тщательно готовился в путь—мыл лицо и руки, вытирал травой грязь с комбинезона и сапогов. Потом сел на поваленную ель, достал чистые портянки и начал переобуваться.

— А ты?— вскинул он глаза на Николая.— Ноги-то и у тебя сырые.

— По жаре это даже приятнее.

Иван неодобрительно нахмурился:

— В нашей работе—ноги не последнее дело.

— Да у меня и портянок запасных нет.

— Учти, это в последний раз. Буду проверять. А теперь пошли.

У Ивана была быстрая, упругая походка. Он легко нырял под ветки, низко висевшие над землей, проскальзывал между тесно стоявшими стволами, почти невесомо ступал на сгнившие деревья. Не чувствовалось, что за спиной у него около тридцати килограммов груза. Николай еле успевал следом. Идти ему с каждой минутой становилось тяжелее. Груз давил на плечи, руки от лямок затекли. Такова уж судьба парашютиста. Сначала прыжок в неизвестность, потом тяжелый переход. Не знаешь даже, что трудней—добраться до пожара или потушить его.

Краткий привал, отдых, походный обед. И снова они карабкались, прыгали, сползали, перелезали, подлезали...

Часа через два Иван неожиданно остановился.

— Чуешь?—спросил он, раздувая ноздри большого с горбинкой носа.

Николай принюхался. Пахло смолой, свежестью, хвоей. Лишь с трудом улавливался слабый запах гари. Если бы не предупреждение Ивана, никогда не обратил бы внимания.

Неравная борьба

Вышли они в тыл пожара. Торопливо зашагали к фронту его, где и предстояло сражение с огнем. Чем дальше они шли, тем мрачнее становился Иван. Ниже опускались лохматые бро-

ви, а большие глаза с чуть вспухшими верхними веками все больше темнели.

Оправдались его худшие опасения: ветер и многодневная сушь сделали свое дело — пожар захватил большую площадь. Пламя, подталкиваемое в спину ветром, двигалось вперед быстро. Оно то прижималось к земле, то взлетало вверх, стараясь зацепиться за ветки, то растекалось узенькими ручейками, то вдруг сливалось в один широкий, буйный поток. Серый дым стлался сначала по земле, потом плотно окутывал стволы деревьев. Продравшись сквозь густые кроны, дым торжествующе плыл в небо.

— Да, такой ветками не захлещешь,— вздохнул Николай, когда они вышли на фронт огня.

— И думать нечего.

Николай скинул рюкзак, взял в руки лопату, пошел на ладони и сказал с готовностью:

— Не думать, так не думать. Будем рыть заградительную полосу. Начнем?

Он вопросительно посмотрел на Ивана. Тот усмехнулся:

— Хочешь поскорее мозоли на руках натереть?

— На то я и пожарный.

— Уж если затирать, так с пользой. Считать-то умеешь?

— На бухгалтеря не учился.

— А надо бы. Из тыла мы голову пожара не видели. Значит, он уже захватил не меньше четырех гектаров. Четыре гектара — это двести на двести. Выходит, нам нужно вырыть двести метров по фронту да еще по сто метров — на флангах. Четыреста метров заградительной полосы. Сколько один боец может за день вырыть?

Николай огорченно вздохнул:

— Сто.

— А ты говоришь — полосу...

Николай промолчал. Потом спросил, наконец:

— Будем искать готовый барьер?

— Да.

Оставив пожар, оба углубились в лес.

Тропа, которую они нашли, была узкой, превратить такую в заградительную полосу вдвоем нелегко. Но другой не было. Они аккуратно сложили снаряжение, вонзили лопаты в мягкую лесную подстилку. Из-под нее вскоре показалась сероватая почва, тот самый подзол, в котором огонь не может найти себе пищи; подзол, наткнувшись на который, должен остановиться пожар. Это союзник парашютистов. Но как трудно добираться до него!

Скоро Николаю показалось: что в жизни не было ничего другого, кроме этого: нагнуться, вонзить лопату в лесную подстилку, отбросить ее в

сторону, снова нагнуться и снова вонзить лопату... Нагнуться... Вонзить... Отбросить... Нагнуться... И так до бесконечности.

Иногда молодой боец разгибался, чтобы дать хоть секундную передышку спине, и с завистью думал, что где-нибудь летит над пожаром самолет, выпуская на него длинный шлейф специальной жидкости, в которой задымляется пламя; где-нибудь тракторы опахивают огонь плугом. А им с Иваном достался старый способ борьбы — ручная. Но другого в таких условиях не придумаешь. И оба рыли, рыли, рыли...

А пожар уже подходил. Он давал о себе знать грохотом падающих деревьев, яркими вспышками пламени в зарослях вереска и кучах сухого валежника, стремительными рывками огня. Попадая в густые ковры мхов, пламя бежало вперед, огненными блюдцами растекалось возле оснований стволов.

Закончив полосу, Николай и Иван вышли навстречу пожару, чтобы ослабить его перед решительным сражением.

Со стороны это походило на забавную игру. Стоило показаться хоть маленькому огоньку, как оба парашютиста бросались к нему и захлестывали длинными ветками. Языки прятались, чтобы тут же показаться в другом месте.

Николай горячился, несколько раз попадал в окружение и с трудом прорывался сквозь сплошной фронт огня. На лице у молодого бойца было написано ожесточение.

Иван работал спокойно, осматривательно, успешная при случае помогать товарищу.

Когда они расходились далеко друг от друга, по временам перекликались: «Держись, Николай!»— «Держись, Ваня!»— «Держусь!» Голоса, охрипшие от дыма, вплетались в треск и шум пожара.

Пожар скоро отеснил бойцов к заградительной полосе. Языки пламени озверело насканивали на серую полосу подзола и замирали перед ней, лишенные пищи. Но огонь и не думал сдавать. Через заградительную полосу летели крупные угли, горящие ветки; в тех местах, где они падали, тотчас же поднимались струйки дыма. Чем ближе подходили главные силы пожара, тем труднее было держаться. Наткнувшись на сопротивление в центре, огонь начал обходить заградительную линию с флангов. Теперь все чаще несло:

— Держись!..

— Держу-у-усь!..

С начала этого неравного сражения прошло несколько часов. Но оба парашютиста уже потеряли счет времени. И только по тому, что стих

ветер и огонь с меньшей яростью стал набрасываться на полосу, они поняли: наступает вечер. Это прибавило сил,— значит, ночью пожар ослабнет, справиться с ним будет легче.

Решили сделать небольшую передышку. Осушившиеся, усталые, они впервые за несколько часов спокойно посмотрели друг на друга. Николай с удивлением обнаружил: Иван по-прежнему подтянут, даже сапоги не очень грязные.

У самого Николая вид был растерзанным. Рубашка вылезла. Черные волосы сваялись на лбу и закрывали глаза. Ворот комбинезона нарасташку.

— Заправься,—придирчиво оглядев его, сказал Яровой.

— Сойдет!—отмахнулся Николай.— Кто здесь видит?

— Огонь видит. Я вижу.— Иван сильными руками крутил товарища, заправляя его рубашку, застегивая ворот.— Пожар разболтанных не уважает.

Передышка была короткой. Ветер вдруг снова заговорил в вершинах елей, едкий дым пополз между стволов. Снова метались вдоль заградительной полосы два парашютиста, наотмашь хлестали ветками языки пламени, которые упорно ползли через полосу; затаптывали горящие ветки и угли, что перебрасывал пожар в тыл бойцам. Глаза слезились, а в висках стучало от усталости и дымного воздуха.

— Держись, Коля!

Николай разогнулся:

— Держусь, Ва...

И вдруг высокая развесистая ель стремительно пошла вниз, ломая ветки соседних деревьев. Пошла прямо на Ивана.

— Ваня!—только и успел крикнуть Николай. Яровой выпрямился, но дерево тут же накрыло его...

Это было просто удивительно, что Николай ни разу не упал, ни один сучок не угодил ему в глаза: сквозь частокोल веток боец мчался, не разбирая дороги. «Скорее... Скорее»,— подгонял он себя.

Замшелая развесистая ель лежала поперек заградительной полосы, грузно покачиваясь. На ветках возле комля уже прыгали огоньки.

— Ваня!—позвал Сидоров.

Молчание.

Из-под веток могучего дерева виднелась голова Ярового. Николай торопливо опустился перед ней на колени:

— Вань, а Вань!..

Яровой молчал. Николай растерянно оглянулся по сторонам. Что делать?

Горящая ветка пролетела над Николаем и упала на ель. Сразу потянул сизый дымок. Николай почувствовал— медлить больше нельзя. Он пролез под ветками и, подхватив товарища за плечи, попробовал вытащить. Тяжелое тело даже не пошевелилось.

Огонь потрескивал где-то по соседству, но теперь Николай не обращал на него внимания: Иван лежит. И даже неизвестно, жив ли он.

Вдруг позади громко хрустнула ветка. Николаю показалось, что он услышал чей-то голос.

— Сюда-а-а! Ребята, сюда-а-а!—закричал он.— Скорей!

Лес ответил гулким насмешливым эхом.

— Алеша-а-а!—теряя последнюю надежду, позвал Николай.

— Ша-а-а...—неслось издали.

Не было слышно ни треска веток, ни голосов. Товарищи, где же вы? Почему вас нет? Один, совсем один ты, Николай! С товарищем, которого не можешь спасти...

А пожар, не встречая больше сопротивления, перепрыгнул через заградительную полосу и пошел вперед.

Грозит верховой

Самолет вернулся на аэродром к вечеру. Полосатый конус указателя ветра торчал параллельно земле. Быстров впервые пожалел, что не выполнил просьбу Ярового, не сбросил на помощь леснику Алешу Ромина.

«Но ведь кто же знал,—попытался он оправдать себя,—что придется выбросить еще двух парашютистов на третий за день пожар. А что завтра делать? Помощи просить?.. Ничего, Яровой справится, и не в таких переделках бывал. И лесник должен к нему скоро прийти на помощь. А завтра с утра к Яровому в первую очередь...»

Следующее утро началось с неприятностей. Во-первых, забарахлил мотор самолета. Во-вторых.. «Во-вторых» вытекало из первого. Владимира вызвал к себе начальник авиабазы Федор Петрович Политов.

Политов, чуть ссутулясь, стоял возле большой, во всю стену карты. Она была молчаливым, но достаточно красноречивым свидетелем заботы о лесах.

Красным карандашом на ней были указаны границы «владений» авиабазы, синим — очертания и базовые аэродромы оперативных отделений. Четкие линии просек разбивали лес на правильные квадраты. Каждая такая просека — опорный пункт для борьбы с возможным пожаром. Она очищена от лесной подстилки и валежника, на ней сделана специальная минерализованная полоса, задерживающая огонь. Черными кружочками отмечались потушенные пожары, красными — те, с которыми боролись воздушные пожарные или население и лесоохрана.

— Летнаб второго отделения Быстров по вашему вызову явился.

Вопрос начальника прозвучал резко, словно выстрел:

— Почему самолет не вылетел?

— Мотор того... — замылся Быстров. — Барахлит.

— Почему не сообщили сразу? Что у Ярового?

— Должна прийти помощь. Леснику сбросили вымпел.

Начальник протянул Быстрову телеграмму:

— «Вымпел не нашли, — прочитал он. — Просим уточнить место пожара. Организуем наблюдение. Люди готовы».

— Не дождался я, — с искренним огорчением добавил летнаб, — не дождался ответного сигнала лесника. Понадеялся... Заспешил...

Политов вздохнул:

— Ну, ладно, был бы ты поопытнее, по-другому разговаривали бы. Давай думать, что делать дальше. Где твоя патрульная карта?

Но не успели они склониться над ней, как раздался голос радиста:

— Товарищ начальник! Некрасов!

Политов поспешил на радию. «Владения» Некрасова и Быстрова граничили, и им нередко приходилось встречаться в воздухе, патрулируя над лесами.

— Большой?.. А не верховой?! — кричал Политов в микрофон густым, чуть хриплым басом. — Там Яровой с Сидоровым. Ты сбрось-ка им на помощь своих. Уже?.. Тройх?.. И с рацией?.. Вот за это хвалю! Быстров здесь, у меня, загорает... Мотор... А лесник не нашел вымпела... Конечно, слетай. Действуй!

Политов вернулся к столу, склонился над картой.

— Показывай, где твой пожар.

Владимир указал координаты. Лицо у начальника помрачнело.

— Смотри, — провёл он по карте твердым, желтевшим от табачного дыма ногтем. — Если огонь перескочит через эту ложбину, я нашим парашютистам позавидовать не могу

— Верховой?

— Может случиться...

Политов задумался.

Перед его глазами невольно встали картины того страшного «верховика», который определил его судьбу...

* * *

Тревожным летом военного 1915 года пятнадцатилетний Федор Политов жил в маленьком сибирском городке на берегу широкой полноводной реки. Май и весь июнь стояли жаркие, без дождей. Казалось, небо полиняло от жары. Пыльные смерчи носились по улицам. Даже в лесу, который начинался за последними домами города, почва потрескалась.

— Быть беде, — качали головами старики. — Видно, мало нам войны...

И она пришла, эта беда, в середине июля. С востока на город надвинулась огромная черная туча, похожая на грозовую. Но она принесла с собой не дождь, а клубы дыма. Пожаром захватило огромную площадь густых сибирских лесов.

Очень скоро дым окутал город. Солнце покраснело, а потом скрылось. На улицах было темно, как в зимние сумерки. По реке перестали ходить пароходы.

Федя Политов с товарищами несколько раз бегали на соседнюю железнодорожную станцию, встречали поезда с востока. Страшно было смотреть на вагоны, их краска лупилась и опадала. Жутко было слушать рассказы пассажиров, как поезд мчался сквозь огненное море, не останавливаясь на промежуточных станциях. Почти невозможно было представить, как летят по небу горящие ветки, как птицы, не успевшие скрыться от стремительного пламени, вспыхивали в воздухе огненными комочками.

По всей Сибири шагала невероятной силы верховой пожар.

Вслед за тучей к городу подошел и огонь. Вспыхнули леса на противоположной стороне реки. Неугомонные, не знающие страха мальчишки побежали на берег. И тут же вернулись в испуге: через реку, не обращая внимания на людей,плыли рядом волки и зайцы, лисы и медведи, лоси и рыси.

Полмесяца гулял пожар по Сибирской равнине, множество сел и деревень уничтожило пламя. От пожара пострадали и знаменитые сибирские хлеба: туча, долго стоявшая в небе, закрыла солнце, и они за полмесяца не подались в росте ни на вершок. Крестьяне тревожно перебирали стебли с жидкими, худосочными зернами и с болью говорили о предстоящем голоде. Надолго запомнила Сибирь тот страшный пятнадцатый год.

Тогда-то и возненавидел Федя Политов лесные пожары. Чуть подрос — устроился в лесоохрану. Потом летная школа... Служил бойцом в авиационном подразделении охраны лесов. Поработал и парашютистом-пожарным, и летнабом.

И вот теперь он начальник авиационной базы, отвечает за огромную территорию, включающую в себя несколько областей и автономных республик Урала. Редко случаются у него летом спокойные дни. Но в этой постоянной тревоге, в этой постоянной борьбе и чувствует он себя на месте.

Политов задумался, склонившись над картой. Вдруг неожиданно послышался обрадованный голос радиста:

— Рация Некрасова!..

— От Ярового? — встрепенулся начальник.

— Да, с того пожара.

Политов заторопился к радию.

Только бы выстоять...

Огонь был уже совсем рядом, когда Николай с трудом выволок обмякшее, тяжелое тело Ярового из-под ели.

Долго не удавалось привести товарища в чувство. Наконец Яровой вздрогнул, раскрыл глаза. Потом, совсем придя в себя, оперся рукой о землю.

— Как пожар? — поморщился он от боли.

— Горит, горит, — радостно ответил Николай.

— Чего ж ты радуешься?

— Так ведь жив!..

— Ну, и хорошо, — отмахнулся Иван. — Лучше скажи, что с полосой?

— Была, да вся вышла.

Командир помрачнел, задумался:

— И никого?

— Никого.

Только к середине ночи, так и не сумев оттеснить пожар, бойцы поняли: что-то случилось...

Кончилась короткая летняя ночь. И вновь ожгло, зашевелилось пламя. Сначала медленно, словно не оправившись от ночного сна, потом все резвее и резвее. Играючи, оно ломало сопротивление двух парашютистов.

Редко-редко слышались в лесу голоса:

— Держись!

— Держу-усь!

Пожар, деловито треща, спускался в ложбину. Иван представил себе, как огонь преодолет ее и пойдет в гору. Пламя ухватится за нижние ветки деревьев, перебросится на верхние, доберется до гудящих от ветра вершин — и пойдет верховой пожар!.. Он помнит, как довелось встретиться с ним в районе Адова озера.

Озеро Адово находится на северо-западе Пермской области. Окруженное со всех сторон нетронутыми лесами и топкими болотами, оно издавна манило рыбаков и охотников. Но многие бывали в этих местах: об озере ходила дурная слава. Поговаривали, что черная вода его вредна и вызывает странные болезни.

Так бы и оставалось Адово озеро покрытым дымкой таинственности, если бы не верховой пожар, что захватил в этих местах многие тысячи гектаров. Потребовались совместные усилия всех отделений Пермской авиабазы охраны лесов, чтобы одолеть его. Сотни людей пришли к Адову озеру. И оказалось, что болота вокруг него не такие уж топкие, черная вода не опасна. А что касается шук, то в те тревожные дни никому не было до них дела.

Сколько тогда погибло леса!.. На одной стороне болота его фактически не осталось — жалкие обгоревшие стволы тоскливо раскинули в стороны заостренные, почерневшие пики голых веток.

При мысли, что такая история может повториться и здесь, Иван еще более сосредоточенно гонялся за каждым язычком пламени.

Наконец, прибыло пополнение — ребята из отряда Некрасова, а потом и Алеша Ромин с товарищами. Девять человек — лучше, чем двое, но все-таки мало. Заградительную линию не оборудовать — пожар по фронту уже захватил не меньше пятисот метров. Остается одно: расставить людей и сдерживать огонь, сколько будет возможным. Ждать, пока придет помощь.

Новое подкрепление пришло совершенно неожиданно. Ивана окликнул высокий, заросший бородой мужчина в ковбойке.

— Старший? — спросил он коротко.

— Да.

— Принимайте геологов.

Иван торопливо объяснял:

— Бейте ветками не просто сверху вниз — искры разлетаются в стороны, только себе хуже сделаешь. Нужно чуть в сторону, под углом, прижимая огонь. Вот так, вот так...

А еще через час пришло подкрепление во главе с лесником. Стало легче, хотя угроза верхового пожара не пропадала.

Все чаще у Ивана мелькала мысль разделиться на две партии. Одной готовить заградительную полосу, а второй — сдерживать пламя. Но он сознавал, что это только распылит силы.

Приходилось ждать.

Отступали.

Пилот вертолета Степан Романов внимательно слушал наставления начальника авиабазы:

— Вот смотри, пожар сейчас здесь,— красный карандаш Политова очертил на карте солидный овал.— Место такое, что он может в любой момент превратиться в верховой. Потребуется мобилизовать сотни людей.

Политов замолчал, его одутловатое лицо, изрезанное морщинами, было усталым.

— Самолет с парашютистами уже вылетел. Лесник вот-вот должен привести туда подкрепление. Но всего этого мало. Чует мое сердце — очень у них там трудно. Нужен тол. В нашем деле иной раз все решают метры и минуты. Понимаешь?

— Понимаю,— кивнул пилот.

— Вот и прошу тебя, нужно доставить взрывчатку хотя бы вот сюда,— карандаш поставил точку сбоку от красного овала.— Одним словом, поближе. Это рискованно...

— Там люди тоже рискуют.

— Груз будет неприятный. И дым, видимость плохая.

— Пока на глаза не жалуюсь.

— Сгружай осторожно. Лучше пользоваться лебедкой.

— Знаю.

— Запалы от патронов погрузят отдельно. С ними осторожней.

— Конечно.

Политов тепло, по-отцовски посмотрел на этого немногословного парня. Захотелось подойти и обнять его. Ему бы такого сына. Так и не сумел завести семью...

— Ни пуха тебе, ни пера.

«Только бы успел вертолет, только бы успел,— тревожно думал Политов.— Если заряд до верхового не заложат — никакая взрывчатка не спасет».

Последняя схватка

Вертолет с опасным грузом повис почти над самой вершиной холма. Уму было непостижимо, как пилот умудряется управлять машиной в сплошном дыму. Винты гнали на лес сильные струи ветра. Казалось, ураган проходит по тайге.

С вертолета осторожно спустились старательно упакованные патроны с аммонитом, взрыватели со специальными воспламенительными трубками.

Яровой, взяв в помощь трех парашютистов и четырех геологов, начал закладывать в отдалении от пожара взрывчатку. Один выкапывал лопатой глубокую ямку, другой присоединял взрыватель к патрону, бережно укладывал на

ЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СО

Стальные рапорты

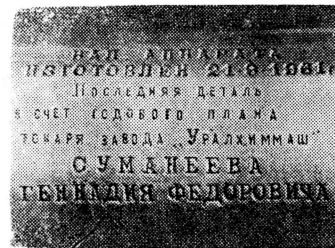
«Сверхплановая продукция» — несколько сухое словосочетание, но за ним стоит нескончаемый поток металла, угля, машин, конструкторская мысль, застывшая в строгих линиях чертежных листов. Сейчас предсезонная «сверхплановая продукция» уже работает, действует, влилась в промышленный организм страны. А в залах Свердловского краеведческого музея осталось то, что стало уже историей.

На тускло блестящей поверхности образца стали, помещенной в витрине, выгравировано: «Отливка из трансформаторной стали плавки № 515 254 ВИЗа, последняя в счет обязательств к XXII съезду КПСС. Выдана 29.9.1961 г. Бр. сталевара Петухова Ф. Д.». А рядом слова рапорта визовцев: «Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих Верх-Исетского металлургического завода принял на себя повышенные обязательства — к открытию съезда перевыполнить государственный план по стали на 4500 тонн, по прокату — на 2700 тонн.

Докладываем, что 29 сентября с. г. коллектив завода приняты обязательства выполнены».

Тридцать лет назад, 21 октября 1931 года, уралмашевцы пускали сталеплавильный цех. В этот день директор завода А. П. Банников уезжал в Москву. «Хорошо было бы увезти с собой памятную отливку», — сказал сталеплавильщикам Банников. Сказано — сделано. Опока под отливку памятной медали была заформована. Но плавка затянулась, Банников опаздывал на поезд. Старейшие рабочие завода описывают дальнейшее так: «Уходят последние минуты. Александр Петрович прощается

и идет к автомобилю. В этот момент—звонок: плавка выпускается в ковш. Банников останавливается. Льем медали. Момент — несколько минут, но минут исключительно напряженных. Медали залиты! Но еще неизвестно, удалась ли они... Опоки выбиты, и среди песка на сером фоне формы ярко выступает горящими очертаниями герб СССР — серп и молот на красной звезде и буквы надписи на барельефе». Директор завода повез в Москву горячую отливку.

Невольно вспоминаешь историю этой первой отливки, когда читаешь лаконичные слова современного «Стального рапорта»:

дно, и ямка тут же засыпалась. На поверхности оставался только кусок бикфордова шнура, возле которого ставили белый флажок. Флажки выстроились в ровную, прямую линию.

Пожар, словно почувствовал опасность, с новыми силами рванулся вперед. Парашютисты спешили. Нужно было выиграть время.

В этой спешке прошло полтора часа. Наконец, длинный ряд белых флажков выстроился вдоль фронта пожара.

— Вывести людей! — приказал Яровой.

Пока парашютисты проверяли, не остался ли кто за линией флажков, радист соединился с базой.

— Значит, готовы? — удовлетворенно спросил Политов. — Действуйте!

— А потом отжиг от опорной, — сказал Яровой.

— Правильно. Только будь внимательней.

Сквозь щазу леса уже было видно, как огонь лижет деревья, как он торопится взобраться на холм. Теперь-то его никто не сдерживал.

Парашютисты подносили фитили к шнурам и тут же выдергивали флажки. Когда не осталось ни одного флажка, люди метнулись в лес, спрятались за деревья.

И тут же послышались взрывы. Постепенно они слились в один сплошной гул. В небо взлетели ветки, земля, кусты.

Приподняв голову, Иван увидел широкую се-

роватую полосу, которая, словно река, легла на пути пожара. Несмотря на усталость, он почувствовал прилив радостной энергии. Опорная полоса есть, теперь можно приготовить пожару последний сюрприз.

— Собрать хворост! — громко крикнул Яровой. — Ждать встречной тяги.

Пожар, оставленный без присмотра, уверенно полз в гору, выбрасывая вперед искры, всасывая в себя весь кислород. Перед фронтом огня возникает встречная тяга — воздух движется на огонь.

Кромка пламени бежала по лесной подстилке, задерживалась в кучах валежника, в зарослях вереска и багульника. Языки огня лизали нижние ветки деревьев, пытались взобраться на стволы по бородам лишайников.

И вдруг навстречу им, вспыхивая в кучах валежника, побежал другой огонь. Вскоре они слились.

Пожар рванулся вперед, но подстилка была уже выжжена, обгорели кусты вереска и лишайники — не осталось пищи для огня. Пламя, взметнувшееся было кверху, сразу осело, присмирело. Оно все еще плелось искрами, горящими ветками, но они попадали или на обгоревший участок или на созданную взрывом заградительную полосу.

Теперь уже парашютисты со своими помощниками перешли в наступление на огонь.

ОБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕД

«УЗТМ. Мартеновский цех XXII съезду КПСС выплавил сверхплана 3100 тонн стали 17.X.1961 г.»

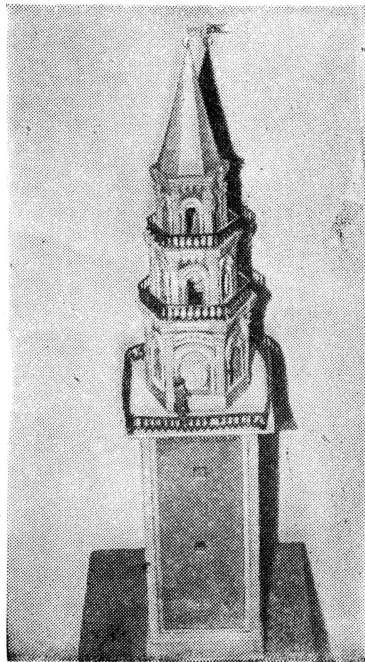
В витрине лежит деталь машины — вал аппарата. Попала она сюда не случайно. Врезанная в сталь надпись гласит: «Вал аппарата изготовлен 21.9.1961 г. Последняя деталь в счет годового плана токаря завода Уралхиммаш Суманеева Геннадия Федоровича». Суманеев взял на себя обязательство за семилетку выполнить два семилетних плана.

Документы, рапорты предприятий, научно-исследовательских институтов, фотографии, книга в сером переплете с заголовком «Эстафета рационализаторов имени XXII съезда КПСС». В центре экспозиции экспонат — книга из малахита и темно-красной яшмы. На ней позолоченные буквы: «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Ниже: «Принята XXII съездом КПСС. 1961 год». Книга опирается на полупрозрачные ступени из белого оникса. Вверху красное знамя из яшмы с барельефом В. И. Ленина и призывом: «Вперед, к победе коммунизма!» Экспонат изготовлен на одном из Свердловских заводов.

Ю. БУРАНОВ

Еще одна Невьянская башня

Овеянная легендами знаменитая «падающая» башня. Уже два столетия возвышается она над Невьянском, и мелодичный бой ее часов слышен во всех концах города. Через каждые пятнадцать минут над городом звучит: «Широка страна моя родная». Невьянскую «падающую» башню

изучали историки. Не прошли мимо нее и народные умельцы.

В нескольких километрах от Невьянска — старинное село Быньги. В нем живет 76-летний пенсионер Илья Васильевич Маркин. Он создал копию Невьянской башни. Немало пришлось ему приложить смекалки и старания, чтобы выполнить эту поистине ювелирную работу.

Много раз приезжал Илья Васильевич в Невьянск, подолгу рассматривал башню, что-то измерял, высчитывал. Все столярные работы он выполнил, орудуя пилкой и лобзиком.

И вот башня высотой около метра готова. Но когда дело дошло до монтирования часов, произошла задержка. Илья Васильевич хотел, чтобы они были с «репертуаром», с боем, как настоящие. Тут и пригодилось знание часов многих систем (И. В. Маркин по профессии часовых дел мастер). Он нашел выход — скомбинировал детали старинных французских стальных часов с частями карманных.

Теперь часы не только ходят, но и приводят в движение два колокольчика, которые звонят через каждые пятнадцать минут.

Р. РАБИНОВИЧ

По Великой Программе

РУДА

НИ ЕНН

ЦЫ

Здесь не было боев. Но этот город — поле мирного сражения, сражения за «железную целину».

Здесь была только степь, бескрайняя, бурьяном заросшая степь... А вырос гигант-комбинат — Соколовско-Сарбайский горнообогатительный. И рядом с ним город романтиков, город юности — Рудный. С ним встречался и наш читатель — в очерке «Светлый обелиск» М. Златогорова.

Приятно пройтись по улицам растущего, устремленного вперед города. Вот о чем говорят плакаты на улицах Рудного: «Наш город борется за звание города коммунистического труда и быта!»

Взгляните на снимок справа — такой вид имеет большинство улиц Рудного. Перед нами как раз тот сквер, о котором говорилось в очерке «Светлый обелиск». На этой гранитной плите высечены слова: «Здесь будет сооружен обелиск в честь инициаторов коммунистического движения. Рудный. Июль 1960 года».

Инициаторы коммунистического движения! Одним из первых рудненцы назовут Героя Социалистического Труда, делегата XXII съезда партии Леонида Федоровича Петрова, возглавляющего бригаду экскаваторщиков. Экипаж Петрова первым на комбинате снял и погрузил за год свыше миллиона кубометров пустой породы, так называемой «вскрыши». А нынче «миллионеров» бригад уже более двадцати!

На вскрышных работах, на добыче руды, на других участках строительства комбината используется могучая техника. Было время — не хватало буровых станков, автомашин, экскава-

торов. А ныне — свыше ста экскаваторов имеет комбинат. Среди них горделиво «шагают» знаменитые уралмашевцы: четырнадцатикубовый и пятнадцатикубовый.

Среди штурмующих недра земли много молодежи, комсомольцев. Об одном из них, Петре Печерном, рассказывают любопытную историю. Точнее, это история не Петра Печерного, а всей его семьи.

Вернулся Петр из армии. И недельки не пожил дома, а уже вещи собирает.

Мать спрашивает: «Куда же ты, сынок?» А он в ответ: «Мама, не сердчай: на печи сидеть мне время еще не подошло. На новостройку еду. Железную руду добывать».

В автотракторной колонне обрадовались водителю. Стройка жлет материалов, а шоферов не хватает.

Снежные бураны заносили дороги. Сейчас это странным кажется — нынче за 45 минут автобус или такси доставляют вас из Кустаная до Рудного по отличному асфальтированному шоссе. А тогда это расстояние порой еле преодолевали за двое-трое суток.

Три месяца спустя приехал отец навещать сына.

— Посмотрим, что вы тут делаете, — заявил Фома Парфенович. Неделю ходил по стройке, высматривал. Потом уехал домой, в Челябинск. А через месяц в молодой город потянулись один за другим Печерные. Видно, приглянулись Фоме Парфеновичу город и стройка, коль привез он с собой в Рудный и жену, и младшего сына Виктора, и дочь Любовь, и зятя. Потом «не выдержал» и средний сын Николай. Много было

радостного смеха в семье Печерных, когда узнали о приезде на комбинат... трех младших братьев Фомы Парфеновича. Скромные у них профессии — снабженец, бухгалтер, шофер, — а «нужные для построения коммунизма», как сказал старший Печерный.

Отец пошел трудиться в автоуправление вместе с Петром; рабочим на стройке стал Николай; младший, Виктор, поступил в учебный комбинат овладевать новой специальностью.

Прошло время. «Разнорабочий» Николай учится на вечернем отделении индустриального техникума — сейчас он уже мастер участка. Получил специальность токаря Виктор. На его столе тоже лежат учебники — Виктор кончает школу рабочей молодежи.

Ранним утром по улицам Рудного идут на смену Печерные, рядовая рабочая семья юного города...

Старожилы Рудного могут рассказать вам тысячи рассказов о славных делах молодежи, приехавшей сюда, в притобольские степи, по зову партии. Разве не интересна судьба молодой семьи — Михаила Захожего и Надежды Ковалевой! Только в начале этого года они сыграли комсомольскую свадьбу. Оба передовые электросварщики. Михаил удостоен высокой чести: его фамилия внесена в «Летопись трудовых дел комсомола в семилетке». А Надя награждена за отличную работу орденом Ленина, побывала на приеме передовиков производства в Кремле. Оба они учатся на строительном факультете вечернего Политехнического института...

Перед подъездными путями к обогатительной фабрике высится арка; с ее высокого полу-

Электросварщики Михаил Захожий и Надежда Королева.

кружья звонко, набатно бьют слова: «Всесоюзная ударная комсомольская стройка!» Здесь, на ударной, славится своими делами бригада коммунистического труда Тимофея Семака. Ребята работают хорошо. И дружба у них настоящая, романтическая. Помогают друг другу решительно во всем — и в большом и в малом. Начали Киселев и Карцев учиться в вечернем университете — это стало сигналом для других: «не отставай!» Деев и Селяков поступили в вечернюю школу — за ними потянулись другие. Сейчас учатся все. Успевают и спортом заниматься, и в художественной самодеятельности охотно участвуют. Нередко вечером, когда приходит черед, бригада в полном составе выходит на улицы Рудного. И это уже дружина, бойцы за культуру и порядок. «Пьяницам и хулиганам, сквернословам у нас не ужиться», — так решила молодежь.

В Рудненском горкоме комсомола накопилась солидная папка писем, поступающих от молодежи со всех республик Советского Союза. Содержание писем односложно: «Примите на стройку». А ответы примерно такие:

«Приезжайте. Только помните: гастролеры нам не требуются. Мы — рудненцы и гордимся этим. Нам нужны крепкие рабочие руки, горячие сердца строителей коммунизма!»

В. ЧЕРНЫХ

И М Е Н И

В редакцию нашего журнала пришло письмо от пионеров Киева: *Дорогие ребята Свердловска и Перми! По инициативе каневских пионеров на берегу Днепра, недалеко от места, где погиб А. П. Гайдар, будет построена библиотека-музей имени писателя. Ребята Украины горячо поддержали это предложение. Пионерские дружины и отряды собирали металлолом и макулатуру, а деньги перечисляли на счет № 70 035. Это особый, гайдаровский счет. Наша дружина перевела на этот счет 20 рублей.*

С 18 по 26 октября 1961 года мы в школе проводили неделю сбора металлолома и макулатуры под девизом «Салют Гайдару!» К этой же дате выпустили стенгазету.

У нас в дружине был проведен конкурс рисунков, посвященных любимым героям произведений А. П. Гайдара. Мы хотим, чтобы самые интересные, самые лучшие работы украсили новую библиотеку в Каневе. Лучшие работы конкурса награждены книгами Гайдара.

26 октября 1961 года член совета дружины, ученица 6 «А» класса Наташа Дзюба открыла у нас в школе тимуровский клуб. Девиз тимуровцев: «Для Родины своей сил не жалеи!» Затем выступил писатель И. Г. Тельман. Он прочитал письмо А. П. Гайдара к пионерам, рассказал, кто такой Тимур, какие ребята достойны быть в тимуровской команде, пожелал нам хороших успехов в учебе. После торжественного открытия клуба выступил школьный театр. Он показал отрывки из произведений А. П. Гайдара «Тимур и его команда», «Барabas».

Тимуровцы помогают пенсионерам, дежурят на улицах — задерживают маленьких и взрослых нарушителей чистоты. Ребята высаживают деревья, убирают опавшие листья. При клубе Тимура работает пионерский лекторий, секция «Красный следопыт», члены которой собирают материалы для летописи нашей дружины и для музея «Пионерской славы».

ГАЙДАРА

Дорогие друзья!

Для того чтобы помочь библиотеке-музею полнее отразить жизнь А. П. Гайдара, просим вас собрать как можно больше материалов о жизни и деятельности писателя в тот период, когда он жил в ваших городах. Высылайте их в Киев, в редакцию журнала «Пионерия».

С пионерским приветом,

Света Гальперт, Валя Бенционова,
Ольга Волкова — ученицы 5 «А» клас-
са 91 средней школы города Киева

Отвечают пионеры 6 «Г» класса шко-
лы № 40 города Свердловска.

Дорогие украинские пионеры!

Мы очень обрадовались, когда узнали, что каневские ребята решили создать библиотеку-музей Аркадия Гайдара, что будет она стоять над Днепром, где погиб за счастливую жизнь наш любимый писатель.

Мы тоже уже давно с увлечением читаем его книги и любим их. А перед двадцатилетием со дня смерти Аркадия Петровича мы решили ознакомиться с его творчеством еще глубже.

Наша учительница литературы Людмила Викторовна Коняева сказала, что Гайдар в 1926—1927 годах жил у нас, на Урале, работал в свердловской газете «Уральский рабочий» и в пермской «Звезде». И мы подумали: а что, если найти людей, которые были знакомы с Аркадием Петровичем, заметки, которые он печатал в газетах? Мы отправились в поиск. И не напрасно.

Много интересного рассказал нам свердловский художник Геннадий Васильевич Ляхин. Он работал вместе с Гайдаром в пермской газете «Звезда». Аркадий Петрович был тогда еще совсем молодым, ходил в серой длинной кавалерийской шинели и кепке. К шинели больше подошла бы буденновка и сабля, но он теперь бил врагов не саблей, а словом: писал фельетоны. Художник Ляхин говорит, что ему очень трудно было делать к этим фельетонам рисунки, потому что

Гайдар писал так здорово и остроумно, что иллюстрировать казалось уже нечего.

Мы прочитали фельетоны Гайдара, которые он напечатал в «Уральском рабочем», очень смешные и острые, как сабля. Таких фельетонов в газете напечатано больше десяти, а еще повесть «Лесные братья».

Г. В. Ляхин подарил нам снимок Аркадия Петровича и работников газеты «Звезда». Копии неизвестных снимков Гайдара мы получили и в редакции «Уральского следопыта». Из всех этих материалов составили альбом о Гайдаре.

26 октября в нашей школе проходил гайдаровский сбор. Все пять наших пяти классов рапортовали о том, что нового они узнали о Гайдаре. Мы также все написали сочинение про дальнейшую судьбу Сережи из «Судьбы барабанщика». У многих сочинения получились хороши-ми. Мы хотим их выслать в музей вместе с копиями снимков.

Мы предлагаем всем пионерам Советского Союза собирать материалы о жизни Гайдара, о делах тимуровцев. Пусть в Каневе будет самый интересный музей о нашем любимом писателе.

Дима Вялых, Олег Шомин

Из последних сообщений

Ученики 4-й семилетней школы Нижней Салды Свердловской области собрали металлолом и макулатуру на 30 рублей и перевели эти деньги на гайдаровский счет.

простые истории

Выручил горновой!

Перед выпуском плавки случилось самое неприятное, что может быть у доменщиков: чугун не успели слить из ковшей, и он остывал, быстро покрываясь ноздреватой «бронированной» коркой. «Закозление» ковшей,— говорят доменщики в таком случае.

— Скорее, скорее!.. Через несколько минут выпуск!— спешили со всех сторон люди к аварийному месту.

Но на площадке уже орудовал Николай Епифанцев. Куртка распахнута, тельняшка промокла насквозь. Куском арматуры, подвернувшись под руку, он с силой бил в зольного цвета корку. Она трескалась и с брызгами разлеталась в стороны. Рядом работал подоспевший Лимус Вагапов.

— Порядок!— крикнул Николай.

— По...ря...док!..— заметалось эхо. И чугун пошел. Весь цех залит густым розовым светом.

— Спасибо, горновой, выручил с ковшами,— рука парторга легла на плечо Николая.

Николай Епифанцев был на XXII съезде делегатом от Орско-Халиловского комбината.

Г. Михайлова

Кинопередвижка

В 1928 году рабочие Михайловской бумажной фабрики получили от ЦК профсоюза подарок — кинопередвижку ГОМЗ. Это был чудесный подарок, потому что в любом помещении можно было крутить кино. Буквально крутить: одному человеку — ручной привод динамомашин; другому — ручку кинопроектора. Там, где кино, собиралась (пока еще с гармошками и семечками) деревенская молодежь. А где народ, там

можно прочитать газету, провести короткую беседу в перерывы, пока киномеханики перематывали киноленту на бобину.

Передвижку получили, а киномеханика нет. Партийная ячейка предложила: «Поручить комсомольцам изучить аппарат по инструкции и подготовить двух киномехаников». Электромонтер М. Плясунов, токарь Ф. Баранов и я больше недели после работы осваивали киноаппаратуру и получили одобрение районного киномеханика. Еще через неделю фабричный клуб был набит до отказа. Молодежь и жители деревни Уфимки смотрели первую кинокартину и даже не жаловались, когда происходили задержки и неполадки в работе доморощенных киномехаников.

Николай Хрущев

Для жизни человека

В Белозерскую районную больницу привезли женщину в тяжелом состоянии. Ее немедленно нужно было оперировать. Операция предстояла сложная. Было ясно: только опытный хирург может справиться с этой задачей.

Но вызвать из областного центра такого специалиста невозможно: несколько дней не переставая шел дождь — погода стояла нелетная. Между тем больной становилось все хуже, дорога каждая секунда.

И молодой врач Владимир Козлов, прошлогодний выпускник Оренбургского медицинского института, решает делать операцию сам.

Полтора часа длилась борьба за жизнь человека. А когда для спасения больной срочно потребовалась кровь, Володя, не задумываясь, отдал свою.

Всего год работает Владимир Козлов в Белозерской районной больнице, но на его счету уже 50 операций.

Г. С.

Камнерезные изделия Свердловского художественного ремесленного училища № 42 знают далеко за пределами Урала. Они неоднократно экспонировались на международных и всесоюзных выставках.

Особенно большую известность получила работа из орской яшмы — «Чудо-юдо рыба кит» по сказке П. Ершова «Конек Горбунок», сделанная учащимися группы камнерезов под руководством мастера И. Я. Шелехова. Эскиз художника С. А. Дерябина. Сейчас это изделие находится на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

Фото И. Тюфякова

ВАТЕРЛИНИЯ

ВЛАДИМИР СИБИРЕВ

Рисунки Н. Мооса

1.

От Левшино до Вишеры
Колышется тайга,
Зеленым плюшем вышиты
Крутые берега.
Гудки за перекатами
Ревут надрывно, зло,
И тучами косматыми
Простор заволокло.
Кипит бурун под плицами
У ходовых колес.
Дым штормовыми птицами
К суденышку прирос.
Рабочее суденышко,
Неброское на вид,—
Буксир «Бомбей»
От доньшка
До клотика скрипит.
И пусть
Сто раз починено —
Отдышится в порту.
Как струнка, ватерлиния
Играет на борту!
Надежно грузы крепятся.
Остр капитанский глаз.
А мне начать не терпится
Свой небольшой рассказ.

...То было в пору вешнюю.
Пришли мы на буксир.
— Что, практиканты?
К лешему! —
Зло вздернулись усы.
И жест категорический:

— Извольте-ка на трап!
Как будто в рейс космический
Готовился корабль.
Мы, злы от возмущения,
Обижены до слез,
Совали направления
Под капитанский нос.
Видать, печатей гербовых
Ослушаться не смел:
Позвать в каюту
Первого
Помощника велел.
Сказал, не глядя:
— Стало быть,
Беру вас, как балласт...
И вслед:
— Знакомьтесь с палубой,
А швабры
Боцман даст.
Мой друг Синцов
Сильней всего
Подводный спорт любил —
Без акваланга своего
И дня не проводил.
Смеялись надо мной:
— Смотри,
Дружка не прогляди;
Съедят Синцова пескари —
Останешься один.
А дни за днями шли и шли,
Качаясь на волне.
И вахту мы уже несли
Со всеми наравне.
Бывало, роба — словно кол:
Снять не хватает сил...

— Но мы ж с тобою комсомол! —
Синцов мне говорил.
...Да, трижды прав был капитан,
Что встретил нас суров:
Река, хоть и не океан,
Но выжмет семь потов!

2.

Хлестала волны молния
Серебряным багром.
Идет огнем и полымем
Над Камским морем шторм.
...Глотая гарь машинную,
Буксир замедлил ход;
Запахло древесиною,
Плот нажимал на плот.
У ив полузатопленных,
Бросая ветви в пляс,
Рвал ветер пену
Хлопьями,
Швыряя брызги в нас.
И Кама спину выгнула
Тигрицей желтой...
Вдруг
Суденышко подпрыгнуло,
Пар хлынул через люк,
А в нем —
Лицо механика
В ожогах, волдырях...
Я понял: судно ранено.
«Бомбей», корму задрал,
Рыл волны правым колесом;
Борт правый тяжелел,
Как будто на ветру крутом
Он вдруг обледенел.
Команды беспокойные,

Как выстрелы, хлестки.
«Пробоина!» «Пробоина!» —
Пульсируют виски.
Того гляди, все сметется.
Край неба
С краем вод,
Как две огромных челюсти,
Ходили взад-вперед.
Вдруг слышим:
— Есть спасение!
Товарищ капитан,
Лишь дайте разрешение
На спуск...
Вот акваланг!
И с палубы накрененной,
Грудь обвязав концом,
Исчез в пучине вспененной
Товарищ мой, Синцов.
...«Бомбей» из шлангов сплевывал,
Выравнивая крен.
Давили волны оловом...
И судороги
В плен,
Казалось, брали,
Мучая...
И холода клешня
Впивалась в тело крючьями,
Дыхание тесня...
Но, вызов бросив буре,
Синцов во мглу нырнул
И, словно к амбразуре,
К пробоине прильнул.
Заметно стих в машинах хрип,
Шумиха улеглась.
Живой заплатою прилип
К обшивке водолаз.
«Лишь дотянуть до пристани...
Лишь караван спасти,
Лишь выдержать,
Лишь выстоять...», —
Шептал он в забыты.
...Пробоину, тем временем,
Латали изнутри.

3.

Как тяжело нам ни было,
Старт верный был нам дан.
Работа бодро двигалась,
Смягчился капитан,
Нас называл по имени,
Говаривал не раз:
— Должна быть
Ватерлиния
У каждого из нас!
И в слово, всем знакомое
С училищной скамьи,
Он вкладывал весомые
Понятия свои.

Большое и хорошее
В них чувствовалось нам:
«Под жизненной ношею
Не уступай волнам.
Неси, коль плечи приняли,
Любые багажи,
Но струнку ватерлинии
На уровне держи!»

4.

От Левшино до Вишеры
Колышется тайга.
Зеленым плюшем вышиты
Крутые берега;
Где дымом оторочены,
Как в зимнем куржаке;
Где просекой пристроены
К задумчивой реке.
На юге и на севере
Ждут камский лес порты.
На голубом конвейере
Качаются плоты.
Играет ветер с птицами...
«Бомбей», как ветеран,
Поблескивая плечами,
Обходит караван.
Смеется небо синее,
Дым гасит на лету...
Играет ватерлиния,
Как струнка, на борту!

ИВАН ИВАНОВИЧ ИВАНОВ — МЕХАНИЗАТОР

За окном поет ершистая, задирная уральская вьюга. Вихрастый мальчишка задумчиво смотрит пляску снежных жгутов и мечтает о весне. В руках у него книжка по механизации сельского хозяйства. Да, к новой пахоте он подготовится еще лучше!

Кто же он? Семиклассник средней школы Никольского совхоза Ваня Иванов, самый юный механизатор.

Вот уже два года в посевную и уборочную он трудится в свободное от уроков время с отцом, Иваном Дмитриевичем Ивановым. Давно отец заметил горячую тягу мальчика к тракторам и комбайнам. Жадно следил Ваня за переключениями рычагов, рукояток...

В тот день заходили над полем дождевые тучи. Иван Дмитриевич

устал: за штурвалом просидел уже почти сутки, а подмены не было. Наверное, заболел сменщик. И тут сын-пятиклассник робко попросил у отца на минутку взять в руки руль. К удивлению хлебороба, мальчик уверенно повел «ДТ-14» по полю.

Теперь часто сын и отец трудились вместе. Они организовали собственное механизированное звено, звено Ивановых: сын управляет трактором, отец работает на прицепных орудиях. Вместе сеяли морковь, свеклу, подсолнечник, кукурузу, фасоль...

...Всегда шумно и весело около совхозной кассы в дни выдачи полочки. Когда впервые появился здесь Ваня, раздался смех. Механизаторы шутили:

— Ты, что, малыш, забыл тут?

Ведь получают зарплату рабочие.

Курносый мальчишка, сдвинув лихо кепку на затылок, отыскал свою фамилию в графе и молча расписался.

— Сорок пять, пятьдесят, шестьдесят... — отсчитывал кассир.

Шутники невольно прикусили языки: да это настоящий работяга!

На столе учебники по химии, алгебре, литературе, русскому языку. И среди них самый любимый — по механизации сельского хозяйства.

Скоро никольские механизаторы поведут снова своих стальных коней на поля. И когда устанет Иван Дмитриевич, он с удовольствием уступит место на тракторе сынишке: ведь смена у него верная!

ВЛ. СВИРИДОВ

НА СЦЕНУ зрительного зала Дворца культуры Уралмашзавода один за другим поднимаются Борис Смирнов, Валерий Буркин, Александр Мирмович, Борис Буркин, Людмила Панченко, Вячеслав Фоменко и Виктор Соснин — участники Выставки достижений народного хозяйства СССР. Каждому из них вручают бронзовую медаль ВДНХ и приз — радиоприемник «Рекорд».

...Все началось три года назад: ребята занимались в кружках, делали всевозможные модели, участвовали в районных и областных выставках детского технического творчества.

Как-то ребята пришли на выставку действующих моделей продукции Уралмаша во Дворец культуры.

— Нам очень понравилась модель листопркатного стана, — рассказывает Боря Буркин из машиностроительного кружка. — Мы тут же решили — сделаем подобную. Зарисовали отдельные узлы стана, а потом, с помощью руководителя кружка Бориса Николаевича Бобкова, разработали чертежи. Действующую модель стана создавали все. Некоторые ребята сначала учились работать на станках, а затем им поручали изготавливать детали. Теперь наш листопркатный стан в Москве.

Кружок радиоэлектроники стал участником ВДНХ в 1960 году. Сначала ребята монтировали детекторные приемники. Они были очень большие, с малым эффектом звучания. Это не нравилось юным конструкторам. Стали искать схемы. Пересмотрели много технической литературы, но все безрезультатно. Наконец в журнале «Радио» нашли нужную

схему малогабаритного приемника на полупроводниках. В процессе сборки сократили число конденсаторов — качество приемника не ухудшилось. Работа требовала большого мастерства. Руководитель кружка Игорь Васильевич Фокин придирчиво рассматривал каждую деталь. Много приходилось переделывать. Но вот наступил момент, когда к приемнику подключили карманную батарейку и услышали голос родного Свердловска. Вскоре ребята создали второй приемник, еще лучше первого. Оба они экспонируются на ВДНХ.

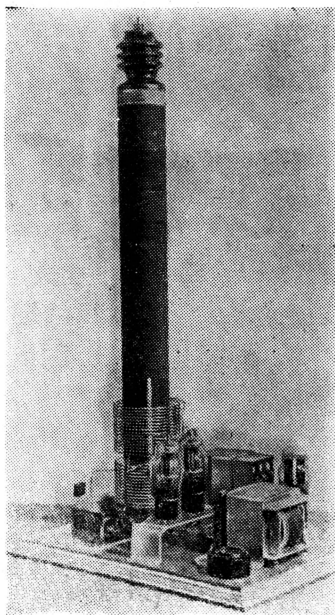
А ребят из кружка «Умелые руки» долго мучил вопрос: что отправить в Москву? Подсказала жизнь — вся страна следила за полетом искусственного спутника Земли. Так родилась мысль сделать сувенир «Полет в Космос». За работу взялись Вячеслав Фоменко и Люда Панченко.

— Было трудно, — вспоминает Слава Фоменко. — Сначала мы со-

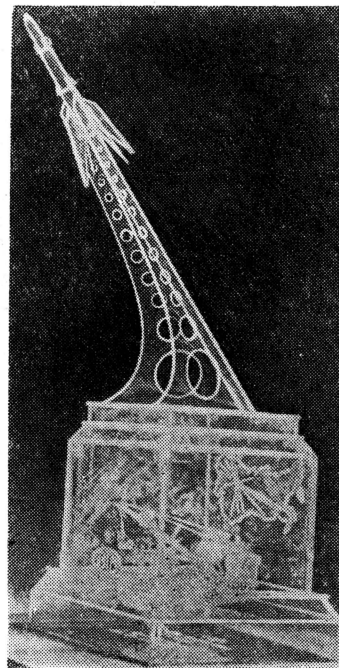
ставили несколько эскизов и вместе с руководителем выбрали самый лучший: со взлетной площадки устремляется ввысь ракета, внизу, в постаменте, миниатюрный экскаватор — продукция нашего завода. Долго не получался экскаватор. Тогда в техническом кабинете Дворца культуры мы взяли миниатюрный экскаватор, выполненный макетной группой одного из цехов завода, и стали снимать с него копию, уменьшая каждую детальку в три раза. Работа была очень кропотливой. Органическое стекло точили вручную. Через два месяца наш сувенир был готов.

Кроме трехклетьевого листопркатного стана, карманных радиоприемников на

Генератор высоких частот.

Полет в Космос.

полупроводниках и сувенира «Полет в Космос», на Выставку достижений народного хозяйства СССР ребята представили автомат для продажи карандашей, реле времени, емкостное реле, генератор высокой частоты для закалки металла. Каждый экспонат получил высокую оценку, а кружковцы по приглашению выставочного комитета побывали в Москве.

...Над Уралмашем опускается вечер.

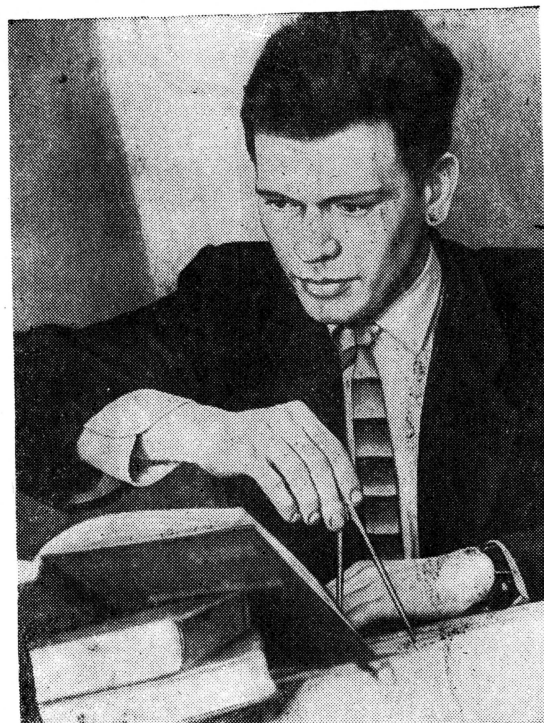
Вспыхивают окна Дворца культуры. Сотни ребят приходят сюда. Поиски нового продолжают. На Выставку 1962 года ребята готовят электрозакалочный автомат, автоматическую карту «Новостройки семилетки», автомат для штамповки кабельных наконечников, снимают кинофильм «У нас в детском секторе».

Добрый путь вам, юные мастера!

Л. КЕККЕЛЕВ

РОССЫПЬ ДУШИ

В городе Гае нет памятников старины. Ему всего два с половиной года от роду. Есть памятники нашего времени — день и ночь над зданием средней школы горят красные звезды. Их много, целое созвездие. Каждая зажжена в честь трудовой победы.

В Гае не мозолят глаза золоченые луковницы церквей. Зато много крестообразных сооружений: то высятся антенны теле- и радиолубителей...

В Гае, прямо скажем, нечего делать археологу. Здесь улицы говорят сами за себя: улица Строителей, Молодежная, Комсомольская, Октябрьская, Пионерская, Ленинская, палаточный поселок «Спутник»...

И тем не менее есть в Гае одно здание, которое со временем нужно будет сохранить как реликвию. Это штаб, комсомольский штаб. Сюда идут и днем и ночью. Идут с радостью и заботой, новостью и печалью. Идут молодые и старые. Штаб поможет. Всем. Без исключения.

Особенно людно здесь по вечерам, в зимнюю лихую пору. По-волчьи воет ветер, отплясывает метелица за стеной свой монотонный суровый танец, — а людям нипочем! Соберутся «гайчата», и ну мечтать! Каким будет город через два-три года? Сами они какими станут?..

Здесь, у веселого огонька, и началось знакомство с рабочим паренком Генкой Кочергиным.

* * *

Жизнь складывается порой не так, как мы хотели бы. Особенно в отроческие годы. Есть родители, за которыми не последнее слово. Генку Кочергина после семилетки отдали в железнодорожное училище. А он мечтал стать строителем, создавать новые заводы и города! Забудь, Генка, о своей мечте, быть тебе машинистом или путейцем! Но большая мечта имеет одно удивительное свойство: она может немножечко подождать,

пока паренек немного подрастет, накопит силенки, тогда будет бороться за нее уверенней и смелей!

Так и случилось. Едва услышал Генка о том, что севернее Орска начинается строительство мощного горнообогатительного комбината, сказал себе:

— Пора!

Принес заявление об уходе с Оренбургского паровозоремонтного завода, где работал слесарем. Начальник цеха даже обиделся:

— Разве тебе плохо у нас?

— Какой плохо! Очень даже хорошо. Но... нельзя медлить! Гай начинают...

Старый инженер понимающе кивнул головой:

— Задерживать не будем. Были, брат, и мы когда-то молодыми!

Секретарь комсомольского комитета Саша Безбородов искренне удивился:

— Почему едешь «диким» способом? В мае комсомольские путевки будем выдавать...

— Некогда, — упорствовал Генка. — Меня и так примут, не беспокойся. Скажу: или зачисляйте по-хорошему, или буду работать бесплатно.

Уже было с домашними. Мать тяжело вздыхала:

— Там, говорят, и жить-то негде. Голая степь! Подождал бы, обживут место, тогда и тронулся.

— «Подождал»!.. «Обживут»!.. Слова, мама, какие-то не комсомольские!

— Ну, чего ты его пытаешь, — вмешался отец. — Пусть едет, я и билет куплю на поезд. Пожалуйста! — в голосе отца звучала обида: уезжает сын не посоветовавшись...

Отец действительно приобрел билет, да еще в купейный вагон. Геннадий вспыхнул:

— Папа, ну зачем такая роскошь? Сами говорите: трудности! Так пусть уж с первых шагов. Поеду в жестком.

Трудности начались сразу. Сорок километров от Орска до курортного озера Гай. Близок локоток, да не укусишь. Дороги развезло так, что ни конному, ни пешему, ни машине туда не пробраться...

— Поживите недельку в Орске, дороги обсохнут, — посоветовали парню. Но тут подвернулась оказия. Комсомольские активисты города, шефы стройки, решили непременно пробиться в Гай. Проскочили ребята. Хотя трудно было понять, кто на ком едет: они ли на стареньком автобусе или он на их плечах...

И вот цель — Большой Гай! Стройка! Первая в жизни!

— Где хотите работать?

— Где буду нужнее...

— Пойдете к Денисову.

Это был своеобразный пароль стройки. Под словом «Денисов» подразумевался отдел главного механика — самое «узкое» по тем временам место.

Ребята встретили, словно старого знакомого: — Нашего полку прибыло. Чему обучен: по сантехнике или по сварочным аппаратам?

— Все могу.

Через полчаса Геннадий был здесь своим человеком. К вечеру пятеро хлопцев опробовали сварочный аппарат. Действует, как часы! А работы невпроворот. Нужно подвести нитку водопровода ко второй столовой, еще одну — к бане, оборудовать систему отопления в новых домах. Дел много. Это хорошо, это вполне устраивало парня с паровозоремонтного.

Высокий, жилистый, со светлыми лучистыми глазами, с девичьей улыбкой на полных и ярких губах, он запомнился многим гайстроевцам в те первые дни. Обутий в эцовские сапоги с широкими голенищами, ходил размашистым шагом по будущему городу, не обращая внимания на лужи, раскисшие внешние тропки. Это было в начале апреля 1959 года. Еще в комсомольских комитетах Оренбуржья только начинали звучать слова «Большой Гай», еще не высохли чернила на первых заявлениях, а Геннадий Кочергин строил город юности.

Подойдет к группе работниц, занятых на подголке котлована будущего здания:

— Привет, девчата! Я из штаба. Как у вас? Только не все сразу, я ж в стенографии ни бельмеса...

Он садился на кучу кирпича или на бревно, вынимал записную книжку и старательно заносил туда все «жалостливые» слова. Про бетон, кото-

рый «с перебоями», про лапшу, которую «заладили», про свежую газету, которую «днем с огнем не отыщешь»...

— Выше голову, девчата! Все будет в порядке, — обещал Гена. — Приходите в штаб, не стесняйтесь! — и он указывал на посеревший от бесконечных дождей домик, где разместились комсомольские активисты.

Этот дом стал для него родным. Он жил здесь первые недели, спал в обнимку с книжками — в штабе тогда размещалась первая в Гае библиотека и радиорелейная станция. Генке по душе пришлось такое соседство. В часы ночного дежурства можно еще раз перечитать «Мужество» Кетлинской или «Аэлиту» Толстого. Можно и переговорить с домашними:

— Мама, здравствуй! Как папа? У меня?.. Не жалею. Все под боком — курорт с целебными водами. Из библиотеки не вылезает. Когда Гай построим?.. Скоро. Когда домой на побывку?.. Вот тут надо подумать. С отпуском не шутят, раз в год полагается...

Рассказывают про Геннадия такое. Подошел он как-то к группе молодых рабочих. Только что приехали из Чувашии. «В чем нуждаетесь?» — спрашивает. Молчат.

— Ну, коли молчите, значит, живете на большой. — заулыбался Генка. — Сегодня субботник. Приходите! Кирпич привезут, сгружать будем. Ладно?

И тут не выдержал один парень:

— На субботник ты мастер агитировать...

А спроси нас, ели мы сегодня?

Оказалось, ребята приехали по вербовке. Уполномоченный насулил им золотые горы, а сам куда-то запропастился. Парни прожились, а до зарплаты далековато...

— Елки-моталки, что ж вы молчите! — ужаснулся Генка.

Он поднял штаб на ноги. Стали искать уполномоченного, тот, оказывается, застрял в Орске, будет только завтра. А людям не на что поужинать. «Была не была» — Генка скомкал в кармане последнюю пятидесятирублевку.

— Айда за мной! — скомандовал он хлопцам.

— На субботник, что ли?

— В столовую... Я немножко сэкономил денег, угощаю!..

Он заказал горячих щей и гречневую кашу с салом. Ребята ели аппетитно, собирая в ладошку каждую кроху пшеничного белого хлеба. Щеки их порозовели, глаза подобрали, руки сами потянулись к кисету.

— Спасибо, комсорг, за угощение! — сказал старший, почему-то определяя в Кочергине именно комсорга. — Какое там горячее дело приключилось? Веди на субботник!

Наступило первое гайское лето. Жаркое, забываемое лето. Оно принесло гайстроевцам много трудовых удач. В растущий центр цветной промышленности пришла электроэнергия. В городе выстроили первую школу. 24 августа басовитый гудок тепловоза возвестил об открытии железной дороги Круторожино — Гай. На конец сентября запланировали пуск водовода Урал — Гай.

В сооружении водовода Геннадий опять-таки отличился.

Механизаторы вырыли траншеи, трубоукладчики начали укладывать стальные трубы. И вдруг выяснилось, что труб не хватает. Украинские металлурги из города Харцызска замешкались, на тревожные телеграммы отвечают коротко: отгружаем более важным стройкам.

«Более важным»... А Гай, получается, не важная стройка! Комсомольский штаб высылает на завод Гену Кочергина.

— Помни, ты не «толкач», — напутствовал на прощание начальник штаба Виктор Поляничко. — Не ходи много по начальству, а сразу в комсомольский комитет; ребята, Гай хочет пить!

Приехал «гайчонок» на завод. Выписал пропуск и направил стопы свои в комитет комсомола. Был обеденный перерыв, на свежем воздухе металлурги играли в волейбол. У Генки моментально созрел план действий.

— Можно и мне?

— Становись! Рост подходящий, «гасить» можешь...

Славно поиграл новенький. Удары так и сыпались.

— Э-э, да вы играть-то не того... Сразу видно: как работаете, так и отдыхаете!

— Откуда такой сердитый взялся?

Игра остановилась. Ребята окружили Кочергина, который коротко рассказал о цели своего приезда. Вечером — комсомольское собрание. Молодые рабочие поклялись: гайский заказ бу-

дет выполнен в срок. И в свою очередь попросили: воду получите, немедленно вышлите письмо, а конверт обязательно подмочите! Интересно получить вещественное доказательство.

29 сентября по восемнадцатикилометровому водоводу в Гай хлынула уральская вода. Как водится, митинг. Но Генке было не до митинга: обмакнул письмо в воду, да так щедро, что оно размокло и буквы расплылись. В щель ящика не пролезает, на почте брать отказываются: мокрое... Долго внушал изумленным связистам:

— Так надо. Письмо — не послание, а вещественное доказательство.

Штаб дает очередное задание: нужен свой человек на новой железнодорожной станции. «Свой человек» Геннадий Кочергин идет туда работать диспетчером.

Дел у диспетчера пропасть! Поезда прибывают и прибывают... Все грузы срочные — кирпич, цемент, шлакоблоки, бутовый камень, сборные дома, стекло, шифер... А свободных путей раздва — и обделся!

Как на грех, разгулялись ранние декабрьские метели. На соседней станции завелся диспетчер-бюрократ. Позвонишь ему: на каком основании задерживаете составы? Ответ один: стихия... Можно сослаться на параграф такой-то.

Параграфы Генку не устраивали. Он садится на попутный эшелон — и через час-полтора диспетчеру-буквоеду приходится туго. Он сдается. Но сдается по-своему:

— Удивляюсь вашему энтузиазму, юноша! В мороз и пургу ехать к черту на кулички! Вмешиваться не в свои дела! Простите меня, это самоуправство. Где сказано, чтобы так поступал сосед-диспетчер? Делайте, что хотите, но я отвечать за ваши поступки не буду.

— Поступки, поступки... — невозмутимо отвечал гайстроевец. — Нам лес до зарезу нужен, а не поступки... Отправляйте эшелон и немедленно!

Несмотря на занятость и усталость, комсомольский диспетчер частенько заходит в свой штаб. Он всегда полон новостей, бодр и свеж. Но сегодня почему-то явно взгрустнул. Сел в уголок, зажал подбородок руками и молчит.

— Что с тобой, дружище?

— Скоро 8 Марта, день рождения... Матери обещал: приеду домой, отмечу сразу два праздника. Да не получается — дела!

— Дел хватает... — протянул кто-то. Другой кольнул за живое:

— А мать, поди, подарочек приготовила сыночку!..

— А как же! Я даже знаю, какой.

— Так уж и знаешь...

— Ну, конечно, знает! Он же диспетчер! — вставила одна из штабисток. — Графики движения подарков ему тоже доподлинно известны!

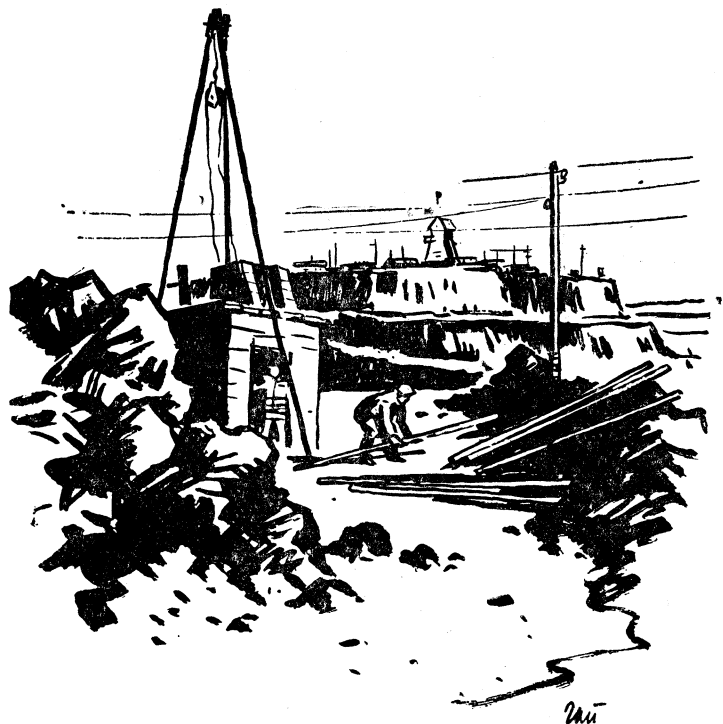
Комсомольцы засмеялись.

— Нет, я серьезно говорю, — поднял голову Геннадий. — Хотите, поделюсь со всеми?

Он пошел к телефону.

— Тома, закажи домашний, — коротко попросил дежурную телефонистку Тамару Круглову. Телефон не заставил себя долго ждать, об этом позаботилась Тамара.

— Мама, здравствуй! Как папа? Ну и чудесно! Прошу извинить, домой не приеду... Ты уграла — дела. Поздравляю с праздником 8 Марта! А еще... — парень немного помялся и продолжал: — у меня к тебе просьба. Заведи радиолу, поставь дареную...

Геннадий замолчал, напряженно вслушиваясь в трубку. Он глядел на ребят каким-то особенным взглядом, словно унесся куда-то далеко-далеко...

— Как хорошо, ребята! — наконец вздохнул он. — Кто желает послушать финал «Первого концерта» Чайковского?

...Они по очереди подходили к телефонной трубке, бережно брали ее обмороженными, шершавыми руками и, перехватив дыхание, слушали. Трубка рассказывала о борьбе. О счастье быть настоящим борцом. О радости победы. Могучие аккорды трогали ребячью душу, горячий комок подкатывал к горлу. Хотелось говорить хорошие, неповторимые слова. Идти навстречу ветру, снежному бурану, померяться силами со стихией, со злом, с любой несправедливостью...

А в это время нервничали абоненты, просили Орск, Ново-Троицк. Подруги то и дело окликали телефонистку: почему затянулся разговор? А верная гайстроевка Тамара, нарушив святые правила, сама подключалась к линии и никак не могла оторваться от бессмертной музыки Чайковского...

Наутро он подошел к окошку телефонистки. Тамара выписала квитанцию, получила деньги. За четверть часа. Ей стало жалко парня.

— Зачем ты так подолгу?.. Дорого же!

Геннадий бережно взял узенький листочек в свои пожелтевшие от работы руки.

— Знаешь, Томусь, мне всегда кажется, ты не квитанции выдаешь, а билеты в концертный зал Московской филармонии!

Но вот в оренбургской степи было выстроено полгорода. За спиной наступавших на подземные кладовые выросли хорошие тылы. Геннадий сказал членам штаба:

— Пожалуй, надо побеспокоиться и о себе. Доложу я вам, други, что приехал сюда не за

тем, чтобы в администраторах ходить! Хочу поработать на открытом карьере, до гайской меди самому дойти...

Так Гена стал рабочим бурового станка. Его задача — побольше сделать шурфов в породе, поглубже в землю запрятать заряд динамита. Чтоб на этом месте встал повыше куст взрыва. Карьер после каждого взрыва разрастается виришь и вглубь...

Недалек тот день, когда будет погружен в самосвал последний кубометр породы и восхищенным людям откроется сердце Гая — залежи медных руд! Ради них, ради общего народного богатства весенней топкою дорогой пришел сюда высокий жилистый парнишка в нескладных отцовских сапогах. Теперь он окреп, раздался в плечах, лицо его стало бронзовым от степного ветра и уральского солнца.

Счастливым человек — при жизни его коснулась бронза!

* * *

Нет мемориальных досок в Гае... Это город юности, город тех, кто вбивал первые колышки в степи, закладывал первые камни в первые котлованы. Они приехали в Гай первыми эшелонами. А чуть пораньше пешком притапал Генка Кочергин. Пришел открывать первые пласты, но сначала открыл людям себя. И увидели люди щедрые россыпи его души, его горячее, беспокойное сердце.

Говорят, Геннадий Кочергин недавно уехал из Гая. Что ж, у юности много дорог, а Гай уже обжит, отвоеван. Но где бы он ни был, чтобы ни делал — ярким светом будут сиять для него огни Гая. Светом открытия, простого, будничного подвига. Светом осуществленной мечты.

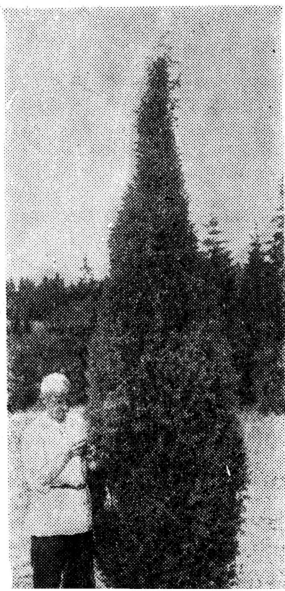
В. ПРОЛЕТКИН

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Северные кипарисы

В Пермской области растет верес с узкими, устремленными вверх кронами, напоминающий пирамидальные кипарисы юга. Это очень красивые деревья.

Так как верес плохо переносит

задымление и особенно сильно страдает от пыли, то лучше всего его высаживать на территории Домов отдыха, санаториев. Вересовые аллеи не уступят по красоте кипарисовым.

К сожалению, у нас нигде не занимаются разведением, выращиванием пирамидальных вересов. А в естественных насаждениях количество их настолько быстро уменьшается, что в ближайшие годы они могут полностью исчезнуть. Настало время взять их под защиту и приступить к искусственному разведению этих красивых деревьев.

А. ШАРЦ

Верес-гигант

Дорогая редакция! В первом номере журнала за 1961 год я прочитал об огромном кусте верес-

са около станции Хрустальной. Я часто бываю в лесу. Летом в Тугулымском районе мне повстречался редкий экземпляр вереса — дерево-гигант. Я его сфотографировал. Для сравнения поставил рядом с вересом своего товарища.

В. КУЗНЕЦОВ, ученик 9 «Б» класса Щелкеновской школы.

С К А З О НЕВЫДУМАННОМ ЛЕВШЕ

С легкой руки уральцев и Москва назвала его Левшой...

Происходило это в дни работы XXII съезда партии, на Выставке достижений народного хозяйства. Возле столика, занявшего скромный уголок павильона «Культура и быт народов РСФСР», и днем и особенно вечером толпился народ. Слышались восклицания:

- Талант!
- Редчайший!
- Левша! Настоящий Левша!

А он, белокурый, светлоглазый, с румянцем волнения на худощавом лице, казалось, не слышал лестных для него слов. Да и некогда было реагировать на второстепенное. Приходилось отвечать на вопросы делегатов съезда и знатных гостей из Советских республик, зарубежных туристов и дотошных корреспондентов печати и радио. Пока он рассказывал, лишь четверо могли одновременно видеть то, что находилось под стеклянным колпаком. Уговорить счастливых уступить место у линз, вмонтированных в колпак, было почти невозможно.

Что же могло вызвать восторг у людей, которые до этого посетили главные павильоны, видели уникальные творения советской индустрии, науки и техники?

Под колпаком из органического стекла вращался прозрачный диск, причудливо освещенный снизу. На диске — около тридцати экспонатов, до того мизерных, что все до единого они могли бы поместиться на окружности трехкопеечной монеты. Даже в линзах пятнадцатикратного увеличения не так просто разглядеть серебряный бюст Ленина на пьедестале, два самовара, у которых краники тоньше человеческого волоса, две велосипедные цепи из 178 деталей, свободно входящие в просверленное тело тонкой швейной иглы, или шесть бронзовых кубков, складывающихся один в другой (а наибольший из них диаметром меньше полмиллиметра).

На диске виднелись мелкие песчинки. Лишь с идеальным зрением распознавали через линзы, что это шахматные фигуры из бронзы, стали и пластмассы. Да и попробуй разберись, не песчинка ли это, если фигура имеет 0,35 миллиметра высоты, а толщина ее и того меньше.

На середине диска отливала серебром плантинка с рисунком шахты Буланаш-3 и надписью: «Урал — родина умельцев.

Г. Артемовский. Свердловской области.

Работа М. М. Сысолятина. Сентябрь 1961 г.»

О нем, нашем земляке, творце миниатюрных шедевров, живом, а не выдуманном Левше — Александре Матвеевиче Сысолятине — я и хочу рассказать.

* * *

В детстве Саша часто после уроков мастерил что-то на улице или в пристрое и наиболее удачные вещицы показывал отцу. Тот внимательно оглядывал продукцию младшего сына и, не принимая всерьез его мальчишеские затеи, добродушно бросал:

— Баловством занимаешься. Лет через пяток шахтером тебе быть.

Но и года не прошло, как Саше пришлось заменить в семье и отца, и трех старших братьев.

В начале войны на фронт ушли шахтеры Степан, Николай и Иван Сысолятины. За ними — и сам Матвей Аверьянович. Суровый, крутой с сыновьями, он на этот раз привлек к себе Сашу, сказал как равному:

— Оставляю тебя в доме хозяином — ты мужчина.

И «мужчина» в пятнадцать лет спустился в шахту «Ключи» не на час-два, как прежде, когда навещался к отцу и братьям, а как человек, работающий для фронта, для победы.

Его поставили электрослесарем, сказали: в забой рановато, поспеется. А уже через несколько месяцев забыли о возрасте Саши. Еще группу шахтеров призвали в армию, и Саша напросился совмещать работы — электрослесаря и взрывника.

В 1942 году смертью храбрых пал старший брат Степан, рядовой пехотинец. Согнулась мать, еще больше повзрослел Саша. Нередко две-три смены подряд не подымался на-гора маленький взрывник Сысолятин. У него уже седьмой разряд, его за хватку и мастерство уже величают Александром Матвеевичем, а ему все кажется, что делает мало, что братья и отец работали бы лучше... Война! Нужен уголь для промышленности. Нужен уголь, чтобы обогреть людей, которые работают и за себя и за ушедших на фронт. И сухошавый, вытянувшийся подросток успевает повсюду, где нужны его силы, зоркость, умение, на все способные руки. Ему нет еще семнадцати, а он уже комсорг шахты, признанный вожак молодежи, организатор трудового наступления юных и верных сердец.

Он приходил домой донельзя усталый и такой черный, что не только зубы, но и глаза казались белее снега. Мать подавала горячую воду, говорила нежно, с уважением:

— Садись, хозяин. Ешь.

Весной 1943 года и последний мужчина из шахтерской семьи Сысолятиных стал воином.

Солдаты Сысолятины

С Александром Матвеевичем я познакомился на шахте Буланаш-3 и в тот же день несколько часов побыл у него на работе и дома. С первых минут что-то очень знакомое увидел в открытом улыбочивом лице, прищуре глаз, в тонких, как паутина, светлого золота волосах и вспомнил сослуживца по армии Героя Советского Союза Сысолятина.

— Так это мой брат Ваня! — воскликнул Александр, услышав, что мне приходилось не раз встречаться с Иваном Сысолятиным. — Я уже был на фронте, когда газеты сообщили, что он отличился на Днестре. Сам Михаил Иванович Калинин вручил ему Золотую Звезду.

В разговоре Александр Матвеевич то и дело вспоминает отца и братьев.

— До сих пор не могу забыть старшего брата, Степана, погибшего под Калинин. Он мне был вторым отцом. И Николай для меня всегда служил примером. На фронте он воевал командиром пулеметного отделения, удостоен был ордена Славы.

Уже Александр поведал и о подвигах отца, и о том, что воины Сысолятины заслужили двадцать три боевые награды, а о себе лично так ничего и не сказал. С той же мягкой улыбкой, с какой запомнился Иван, Александр уклоняется от разговоров о себе. Пристанете с расспросами, снова расскажет о своих боевых друзьях, с которыми воевал в пехоте под Минском, а позднее, окончив училище дальней авиации, вылетал бомбить врага.

— Был случай, — вспоминает Александр, — подбили наш бомбардировщик над территорией противника. До нашенской земли, тем более до аэродрома, не надеялись добраться, уж слишком далеко были. И тут я узнал, что за душа у моего командира, какой он ас. Дотянул ведь.

О себе Александр только обмолвился, что хотя посадка была отличнейшая при тех условиях, а ребра все-таки подавило.

— Зажило, — смеется он. — Был я в том возрасте, когда кости быстро срastaются.

Первая миниатюра

Еще долгих шесть лет после войны Александр служил в авиации. Эти годы стали началом его творчества.

Механика электрооборудования воздушного корабля Александра Сысолятина не раз выручала присущая уральским умельцам «живинка в деле». Однажды потребовалось срочно сварить части машины. На беду электростанция выключила энергию на неопределенное время. Ждать? Приказ не будет выполнен. И тут пришли на помощь смекалка, желание и умение найти выход из любой трудности. Александр изготовил сварочный аппарат постоянного тока, не допустил задержки ремонта.

Классный механик самолетов, Александр изучает приборное, кислородное и радиооборудование. Он не только отлично ими пользуется в сложных условиях полетов, но вносит в них свои усовершенствования. Пятьдесят шесть благодарностей за успехи в учебе и ценные рационализаторские предложения украшали его воинскую карточку.

Чуткие командиры, инженеры-авиаторы Макшанов, Рымалов, Истомин обнаружили в Сысолятине тот дремлющий в нем с мальчишеских лет талант, который был приглушен громом войны.

Не забыть Александру первой миниатюры. Это был действующий мотор диаметром 8, длиной 12 миллиметров. На выставке творчества армейских изобретателей Военного округа Сысолятин был удостоен за свой мотор второй премии.

Диву даешься: как выкраивал часы сержант Сысолятин, секретарь комсомольского бюро полка, на дела творческие? Известно, что в армии время расписано жестко. Полеты, тренировки, общественные обязанности — они забирают все силы. А миниатюры требуют много спокойного времени и терпения.

Сохранилась фотография: Александр в казарме казармы шлифует микроскопические звенья велосипедной цепи. Много таких воскресных часов, оторванных от отдыха, проводил он, отделявая невидимые простым глазом детали и фигуры.

Лесков и Егоршинский умелец

Егоршино — шахтерский район, недалекий сосед деревни Елкино и станции Алтынай, где родился в 1926 году, где вырос и начал свой трудовой путь Саша Сысолятин. Сюда, в Егоршинский район, приехал он и после увольнения в запас. Был

комсоргом машиностроительного Артемовского завода, инструктором райкома партии, одновременно учился, закончил среднюю вечернюю школу. Работа и учеба занимали Александра без остатка, некогда было заниматься миниатюрами, и никто из его новых друзей не предполагал, какой талант скрывается в веселом, компанейском парне.

Однажды товарищ Сысолятина, инструктор райкома, явился на службу с новостью:

— Слышали радио? Деревянное ведро — в бутылке. Собрал за три месяца... Вот это мастер!

Сысолятин молчал. Только в глазах его блестели веселые смешинки.

— Что? — возмущился инструктор. — Ты, поди, и табуретку не сколотить, а смеешься.

Александр протянул руку к тумбочке, взял графин, вылил из него воду.

— В этом графине собираю кадушку.

— За сто лет, наверно.

— За полгода.

— Спорим!

— Спорим!

Свидетели спора приняли все это за шутку. Они уже стали забывать о заключенном пари, как неожиданно через два с половиной месяца Александр принес тот самый райкомовский графин. В нем поместилась собранная из 34 деталей кадушка, тщательно отделанная и скрепленная серебряными обручами из нержавеющей стали. В кадушку влили три с половиной стакана воды — ни одна капля не просачивалась, ни одной щелчки в кадушке не было.

Вечером в компании друзей разговор зашел о тульском левше. Одни говорили: левша личность историческая, другие доказывали, что образ целиком вымышленный.

Этот вопрос интересовал и Александра Сысолятина, не раз перечитывавшего сказ Лескова о тульском левше и стальной блохе. Он задумывался над тем, мог ли в действительности быть такой человек в измученной рабством Руси. Чем-то похоже на левшу люди, конечно, жили, возможно, пытались создать шедевры искусства в миниатюрах. Но их ломала, душила жизнь, и они погибали, не успев расцвести. Может быть, Лесков именно это хотел сказать? Может быть, за его вымышленным образом и надо видеть талантливого русского народ, которому не давали расправить крылья творца?

Утром из Егоршино ушло в Москву письмо известному литературоведу. Вскоре пришел и ответ. Он подтвердил догадку Сысолятина.

80 лет тому назад, в конце октября 1881 года, в журнале «Русь» впервые был напечатан «Сказ о тульском косом левше и стальной блохе» Лескова. Уже тогда многие читатели сказа и те, кто слышал его в устном изложении, верили, что левша не выдуманный персонаж, что Лесков лишь расцвел действительность, обогатил ее своей фантазией.

Некоторые критики и того далекого, и более приближенного к нам времени поняли предисловие Лескова к «Левше» буквально и считали, что Лесков просто пересказал услышанное. Между тем, это был литературный прием, о котором сам Лесков писал уже в 1882 году:

«Все, что есть чисто народного в «Сказе о тульском левше и о стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет «о блохе», а в «левше», как о герое всей истории и о вырази-

теле русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что, — приходится признаться, — я весь этот рассказ сочинил в мае месяце прошлого года, и левша есть лицо мною выдуманное».

Получил Сысолятин ответ литературоведа из Москвы и передал содержание письма своим друзьям. Те удивились:

— Дотошный ты человек. Не задумал ли «агличкую» блоху сотворить, «дансе» заставить ее танцевать?..

Блоху? А что ж... Еще в дни армейской службы появлялось желание сделать из стали блоху, но это казалось ребячеством — не выставлять же ее на армейской выставке! А теперь покоя не давала строчка письма литературоведа: «Левши в действительности не было». А почему ему не быть?

Для этого дела понадобился помощник. Выбрал шестилетнего сына.

— Тащи, Юрик, соседних кошек и собак.

— Сразу всех?

— По одной.

— Зачем?

— Санитарную обработку проведем, блошек выловим.

— Мама заругается, — предостерег Юрик.

— Нет. Мы ненадолго. Тащи в нашу рези-денцию.

И в папину «резиденцию» — узенькую маленькую мастерскую, оборудованную в кладовке, — Юра приносил зверюшек на «санитарную обработку», тарасил любопытные, с рыжинкой, глазенки, удивляясь тому, что это папа с блошками выделяет. А папа изучал их прыжки, сопоставлял, сравнивал и стал снимать с них как бы копии — первую из свинца, сантиметра на полтора, вторую, поменьше, — из бронзы. На этих пробных тренировал пальцы, глаз, готовил специальные резцы для создания уникальной серебряной блохи.

Прошло около полугода, и опять к Сысолятину началось паломничество друзей и знакомых. Механическую блоху, двигающую головкой, усиками, ножками, разглядывали в сильную лупу. Стоило чуть задеть блошку, как срабатывала невидимая, помещенная в брюшко машинка подпрыгивания, и насекомое начинало забавный танец из высоких, постепенно затухающих прыжков.

Шахматы

для чемпиона мира

Уже успели улечься страсти после второго поединка Таль — Ботвинник. Уже первый шахматист мира с головой ушел в свою научную работу, когда его пригласили в Центральный Комитет партии. «Зачем бы это?» — думал Ботвинник, польщенный приглашением и удивленный им.

В здании ЦК удивление перешло в радость.

В торжественной обстановке, в присутствии работников Центрального Комитета, представителей советской и иностранной печати Михаилу Ботвиннику вручили посылку — подарок с Урала. Из посылки был извлечен маленький прозрачный кубок, а в нем — шахматный столик из серебра, на столике тридцать две шахматные фигурки из синей и белой пластмассы. Уж как ни пытались репортеры сфотографировать для

газет и журналов шахматы, попытки оказались напрасными: никак не могли уловить и зафиксировать микроскопические фигурки высотой меньше миллиметра, а толщиной в паутинку.

Выточил такие фигурки, создал самые малые в мире шахматы Александр Сысолятин. Он не знал адреса Михаила Ботвинника и подумал, что если подарок будет послан в Центральный Комитет партии, то обязательно попадет в руки чемпиона мира. Так оно и произошло.

Михаила Ботвинника по-хорошему взволновал подарок умельца. Возвратившись домой и налюбовавшись шахматами, он в тот же вечер написал письмо Сысолятину.

«Уважаемый Александр Матвеевич!

Как победителю в матч-реванше мне сегодня в ЦК КПСС вручили Ваши шахматы.

Ничего подобного я в жизни не видел. Ваше мастерство, настойчивость и терпение заслуживают полного признания. Я немного огорчился, что белые король и ферзь неправильно стоят, но я оставил их в той же позиции, чтобы не тревожить фигурки.

Редакция «Советского спорта» хотела опубликовать снимок, но в фотолaborатории газеты не сумели сфотографировать столь малые фигурки.

Глубокая Вам благодарность.

Желаю успеха и здоровья.

Искренне Ваш М. Ботвинник.

Москва, 15. 6. 61 г.»

С ответом Ботвиннику Сысолятин задержался. Было много неотложных дел в лаборатории автоматки треста «Егоршинуголь», в которой Сысолятин работает теперь на должности конструктора, да и собраться с мыслями хотелось после признания его миниатюр в Москве. Лишь через месяц взялся за перо.

«Уважаемый Михаил Моисеевич!

Не скрою, что мне было приятно почувствовать теплоту Ваших слов, которыми Вы оценили мой труд. Работая над этим подарком, я преследовал одну цель: суметь, насколько это возможно, выразить свое уважение и гордость за наших советских шахматистов.

У Вас много друзей и много учеников. Буду рад, если к числу своих друзей Вы отнесете и меня.

Михаил Моисеевич! Вы немного были огорчены, когда разглядели неправильно расставленные на шахматном поле фигурки: короля и ферзя белых. Хочу пояснить, что это сделано умышленно, и цель, которую я преследовал этой «ошибкой», к моему удовольствию, достигнута. Ваше замечание убедило меня в том, что мою миниатюру рассматривали достаточно внимательно.

Я предусмотрел исправление этой «ошибки». Фигурки на шахматном поле стоят свободно, но чтобы они не двигались внутри кубка во время перемещения миниатюры, я поставил их на доске на тонкий слой машинного масла, так что король и ферзь могут занять свои места.

Я немного огорчился тем, что фотокорреспонденты не сумели сфотографировать шахматы. Не теряю надежды, что они в скором времени достигнут этой цели, хотя, видимо, это сделать не менее трудно, чем изготовить миниатюру.

С искренним уважением к Вам — А. Сысолятин.

г. Артемовский, 12. 7. 1961 г.»

Так началась дружба лучшего шахматиста мира с уральским умельцем.

В день приезда Сысолятина на выставку

в Москву его встретил Михаил Ботвинник и повез на свою квартиру. Потом они посетили шахматный клуб и чем чаще встречались, тем больше нравились друг другу.

Многое оказалось общим у Михаила Ботвинника — доктора технических наук, человека, не раз увенчанного лаврами чемпиона мира, и Александра Сысолятина — шахтера и воина, мастера невидимых простым глазом миниатюр. Их сближало и роднит тонкое восприятие искусства, недюжинное терпение, редчайшее упорство в достижении цели.

Эстафета ТАЛАНТЛИВОСТИ

Уютная, небольшая, скромно обставленная двухкомнатная квартира в доме шахтерского поселка Буланаш. Здесь, в этой обычной квартире, я вхожу в сказочный мир.

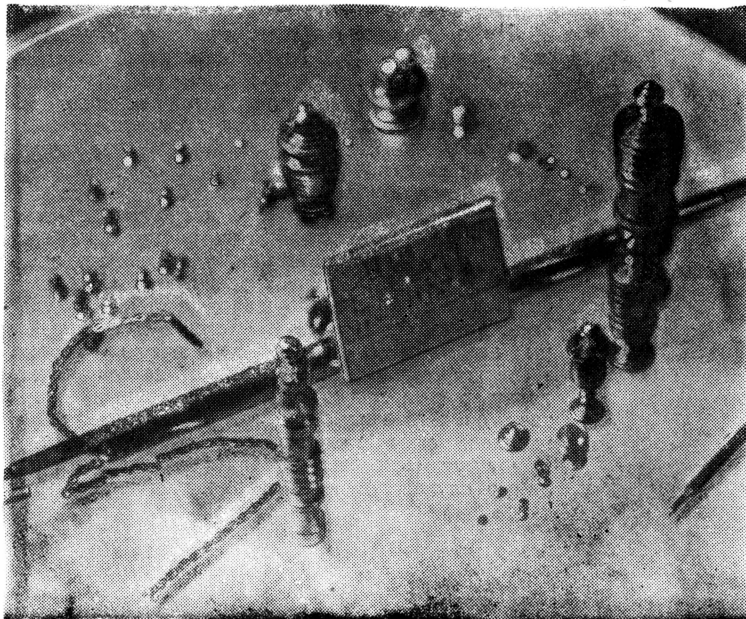
Маленький, точно игрушечный, мотор у маленького, точно игрушечного, станка. Тисочки. На них Александр Матвеевич готовит оснастку, резцы и приспособления для работы над миниатюрами. Справа на столе — еле видимый штамп. Александр Матвеевич сделал его для штамповки щечек велосипедных цепей. Вот и сами цепи, их две, они состоят из 178 деталей и имеют зазор между звеньями в два раза тоньше человеческого волоса. Как кудесник, вынимает Александр Матвеевич две цепи из просверленного нутра обыкновенной швейной иголки. Какими чувствительными должны быть эти тонкие пальцы, чтобы выточить оси и втулки таких цепей!

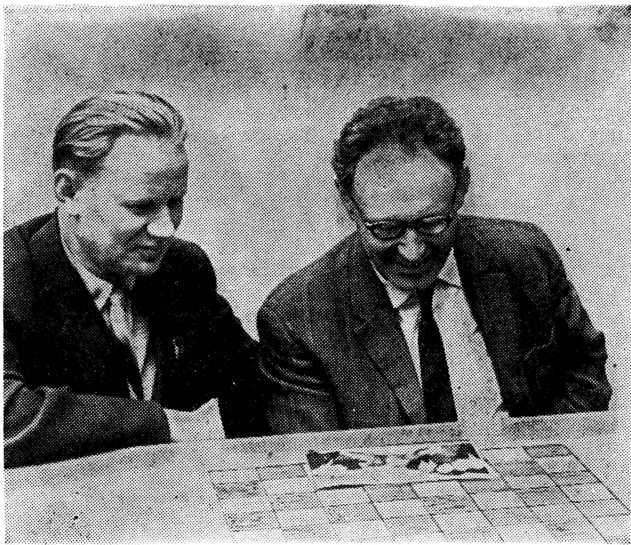
Бережно раскрывают пальцы коробочку, подносят ее под лампу.

— Возьмите дупу.

Беру, пристраиваюсь и так и сяк. Наконец вижу, что это шахматные фигурки конь и пешка — те самые, которые потом попали на выставку в Москву.

На площади величиной с ладонь — и шахматные фигурки, и кубки, и самовары, и велосипедные цепи с иглками, в которые входят эти цепи.

Михаил Ботвинник и Александр Сысолятин.

— Это первые фигуры новых шахмат,— объясняет Александр Матвеевич.— Хочу их сделать месяцев за шесть и, подарить нашим индийским друзьям. Там знаменитые мастера миниатюр!

И он с восхищением рассказывает о замечательных умельцах Индии, сумевших создать сорок миниатюрных слоников и поместить все это «стадо» в разъемную горошину диаметром 17 миллиметров.

— У меня фигуры будут помельче слоников. Сделаю прозрачный кубок размером в их горошину. Внутри него помещу второй, а в этом втором кубке — шахматный столик. Представьте себе торец спички — такой будет размер шахматной доски. На ней разместятся тридцать две фигуры.

Издавна мастера народного искусства России, Китая, Индии создавали крохотные шедевры из дерева и стали, слоновой кости и бронзы. Лучшие из этих произведений дошли до нас через века и тысячелетия, хранятся в музеях. Александр Сысолятин подхватил, высоко поднял и понес вперед эстафету талантливости русских умельцев.

* * *

Ну, а зачем они нужны, какая от них польза? — услышишь иной раз от какого-нибудь «сомневающегося». И ответишь: да, нужны. И очень.

В наш бурный, стремительный, как полет ракеты, век быстро развивается радиоэлектроника, создаются новейшие автоматические, телемеханические системы, машины и приборы, о которых вчера еще только мечтали. Среди этих систем, машин и приборов есть и будут как великаны, так и лилипуты. В иные приборы требуются детали, которые можно разглядеть лишь под микроскопом. Такие крохотные изделия надо создавать в больших количествах. Могут сказать: для массового производства будут конвейеры, автоматы. В перспективе — да, но первые экспериментальные миниатюрные детали будут делать руки и только руки человека. Он их испытает, он изготовит оснастку, приспособления и, наконец, сами машины для их производства. И вот тут мастерство Сысолятинных сослужит великую службу. Я не оговорился: именно Сысо-

лятинных. Таких умельцев, творцов миниатюрных шедевров, как Александр Матвеевич, должно появиться множество в нашей стране.

Александр Сысолятин мне представляется в этом смысле разведчиком будущего, хотя он не состоит в коммунистической бригаде, и труд его над миниатюрами пока что труд одиночки. Верится, за ним пойдут. У него будут ученики, будут последователи в самых различных областях производства и техники. И среди самых горячих последователей, конечно же, — наша горячая, пытливая, творческая юность.

Нет предела совершенствования техники и совершенствования самого человека. Иной раз слышишь голоса: мол, при коммунизме будет легко и просто — нажимай себе кнопки, и автомат за тебя все сделает. Надо ли доказывать, насколько поверхностны и наивны подобные взгляды! Человек никогда не будет придатком машины, автомат никогда не сумеет полностью заменить человека. Он — творец машин, и чем дальше по времени, тем выше станет его творческий гений. Он будет пробираться в глубь космоса и в глубь земных, еще не опознанных, не раскрытых до конца процессов жизни. Разве не ясно, что человек коммунизма должен быть мастером — упорным, трудолюбивым, зорким и талантливым.

* * *

Когда я заканчивал очерк и раздумывал над его заключительными строками, принесли свежие газеты. В одной из них — в «Уральском рабочем» от 30 ноября 1961 года — встретилась заметка из г. Артемовского. Не могу не привести ее целиком — она и есть лучшая концовка к очерку.

«Заказ ученых умельцу»

Артемовский. Из Москвы вернулся работник лаборатории автоматики треста «Егоршинуголь» А. Сысолятин, где он демонстрировал на ВДНХ свои миниатюрные изделия.

Уральский умелец рассказал много интересного о встречах с делегатами XXII съезда КПСС, с зарубежными делегациями, туристами. Его оригинальными работами заинтересовались и ученые.

От имени кафедры генетики и селекции биолого-почвенного факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова через Свердловский совнархоз к Александру Матвеевичу обратился заместитель декана С. Яшков с просьбой изготовить микроинструменты, которые крайне необходимы для научно-исследовательских работ по микрохирургии клетки.

Нужно сделать полую иглу для шприца, плоский скальпель, крючок, петлю, лопатку, ножик, пинцеты, ложечку. Все это из нержавеющей стали с деревянными ручками. Диаметр поллой иглы 0,1 мм, а длина 1 см. Подобные размеры должны иметь и остальные инструменты.

Несмотря на сложность этого заказа, А. Сысолятин взялся его выполнить.

К. Максимов.»

Добавлю только, что Сысолятин выполнил заказ, уменьшив заданные размеры в два раза!

Я. РЕЗНИК

ВОЙКОВ И МАЯКОВСКИЙ

В Октябрьской поэме Владимира Маяковского «Хорошо» есть строки:

Вот с этим
 виделся,
 чуть не за час.
Смеялся.
 Снимался около...
И падает
 Войков,
 кровью сочась,—
и кровью
 газета
 намокла...

Строки эти посвящены П. Л. Войкову, комиссару снабжения Уралсовета в годы гражданской войны, затем видному советскому дипломату, нашему полпреду в Польше, убитому седьмого июня 1927 года белогвардейцем Ковердой на перроне Варшавского вокзала.

С Войковым Маяковский познакомился в середине мая 1927 года, когда по приглашению двух писательских организаций «Блока» и «Пен-клуба», приехал в Варшаву. За десять дней, проведенных в польской столице, поэт часто встречался с Войковым, а под конец и совсем перебрался жить в советское полпредство, в пустующую комнату для дипкурьеров.

— Считайте меня,— сказал он Войкову за обедом,— тоже послом великой державы... литературы... Значит, друг к другу нам надо обращаться официально: вы — господин посол и я — господин

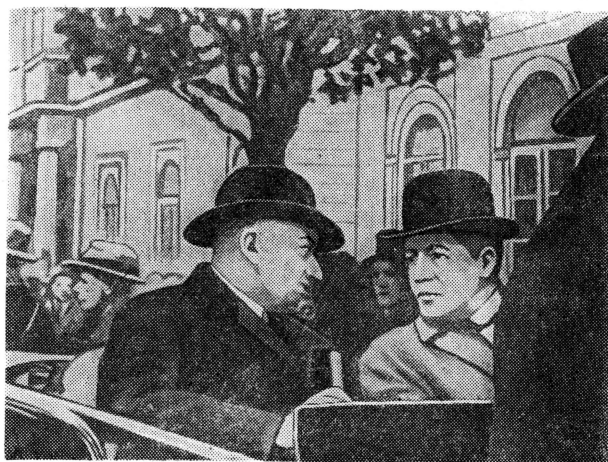
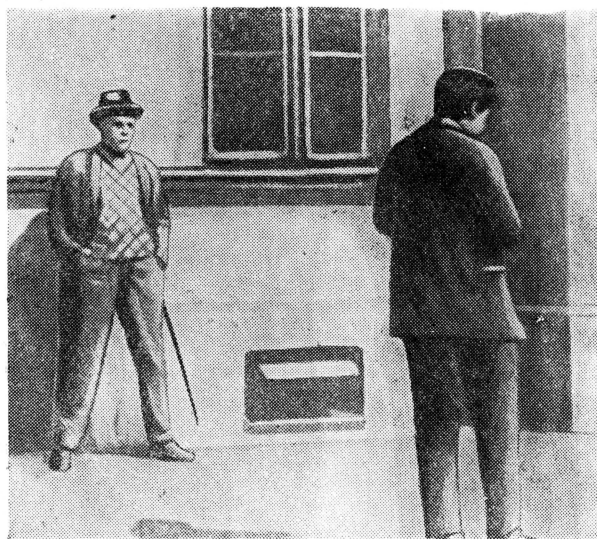
посол. А как же мне величать вашу жену?.. Видимо, госпожа пословица?..

Перед отъездом Войков решил сфотографировать Маяковского около здания полпредства, но пока возился со своим фотоаппаратом, кто-то из сотрудников снял их обоих...

Видимо, этот момент и имел в виду Маяковский, когда писал в поэме «Хорошо», что он «снимался около» Войкова.

Фототека «Следопыта» публикует еще одну редкую фотографию с П. Л. Войковым, где он снят в 1925 году на улицах Варшавы вместе с народным комиссаром иностранных дел СССР Г. В. Чичериным.

с. 3.

Ю. КУРОЧКИН
Рисунки В. Бубеницкова

ЛЕГЕНДА

а, я помню этот поход и эту печальную зиму.

Шаманиха привлекла меня случайно — я услышал, что на нее никто еще не восходил, хотя, казалось бы, ничего сложного в этом не предвиделось: вершина не высокая и не трудная, не так уж далеко от населенных пунктов. Ее можно было одолеть одному, без группы. Одному — это меня особенно привлекало. Я не любил коллективные походы и штурмы, где подвиг становился строго рассчитанной работой, где возможность опасности взвешена на аптекарских весах и застрахована тысячами пилюль предосторожностей.

Я всегда думал, что подвиг — это аффект, душевный порыв, а не математический анализ, что он продукт взволнованного сердца, а не трезвого ума.

Я знал эти взлеты, они окрыляли меня — и тогда, когда я еще маленьким, слушая молотом стучавшее в груди сердце, пришел ночью на кладбище и, зайдя в дальний угол его, сорвал цветок со свежего венка; и тогда, когда, привязав себя к плоту, бурной ночью носился по волнам Исетского озера; и тогда, когда один в чьей-то самодельной байдарке в половодье штурмовал пороги кипящей Катунь; и когда один взял вершину в Забайкалье, которую с трудом освоил большой туристский отряд.

Холодок опасности приятно щемил сердце. Я чувствовал себя покорителем в схватке со стихиями и был сильнее их. Волновали и восхищенные взгляды знакомых, и слава неустрашимого.

Окончание. Нач. см. № 1, 2, 1962 год.

— Ярый ты до славы-то, парень, — сказал мне как-то старик алтаец, сидя у костра и слушая мой рассказ. Он выловил меня тогда полуживого из прибрежного тальника, куда забросили мой челн вздыбленные ветром воды Катунь.

— А что, разве плохо? Чем плоха слава? Она движет людьми, толкает их на подвиги.

— Это верно, — заметил он, почесывая за ухом и прищурившись. — У нас вон Марья Оглоблина, доярка, лодырь была по всем статьям. А тут вдруг слышим, на собрании обязательство берет: перегоню, говорит, Люську — и все тут. А Люська, это, брат, деваха стоящая. Самонаилучшая доярка, то есть. До нее дотянуться — семь потов спустить надо.

— Ну...

— Ну, и перегнала Люську. В газетке писали...

— Ну, вот видишь...

— А за Марью мы потом всем колхозом краснели, — продолжал, словно не слыша меня, дед. — Не тот путь выбрала — удои-то она водичкой разбавляла. А приемищик, прехехе ейный, помогал в этом. Ну, конечно, обоих погнали...

— Ну, это ты, дед, ни к селу, ни к городу, — проворчал я недовольно.

— Не знаю, как к городу, а к селу — это уж верно получилось...

Нет, это не было голым честолюбием, хотя, не скрою, славы я не чуждался. Не это было главным. Мне нравилось быть выше других, прежде других. Мне казалось, сильные личности всегда нужны человечеству. И я воспитывал эти черты в себе. Но для чего нужны они человеку — не думал.

...Шаманиху я не знал, но особенно не смущался этим. В литературе о ней и не могло ничего встретиться — по-видимому, никто до меня не восходил на нее.

О ЗОЛОТОЙ БАБЕ

Но это-то и было интересно — почему никто? Только ли потому, что она ничем не примечательна, или по чему-то другому?

Знал лишь только, что подходы к горе очень заболочены, и поэтому пошел туда зимой.

Пробег от конечной железнодорожной станции до далекого таежного селения, ближнего к Шаманихе, прошел великолепно. Вместе с ночевкой в лесу он занял полтора дня. В селение я пришел днем, чтобы, отдохнув и осмотревшись, через день двинуться к вершине.

Но здесь мне предстояла встреча, которой я ждал давно, но только не в этот раз.

Там была Фая.

Чем занозила мне сердце эта дивчина, я не смог бы ответить и самому себе. Собранная спортивная фигурка, непослушная копна золотых волос с упрямой прядью на лбу, простое кругловатое лицо, — во внешности ничего особенного. Разве только большие, чуть печальные и чуть озорные глаза...

Знакомство было несколько необычным. Впрочем, у Фаи в тетради оно описано довольно верно. Она только не знала, что негодяй, пристававший к ней, лицо мне давно известное — Нутик-меняла. Мне доставило большое удовольствие «нанести оскорбление действием» этой скотине и защитить девушек. Знакомство состоялось, но продолжения не последовало: Фая избежала «проводин», не пришла и на свидание, которое я попытался назначить на следующей, случайной встрече. Это задело меня.

Я стал искать Фаю и ждать встречи с ней. Находить ее удавалось (трудно ли, зная, где она учится!), но встреч не получалось. Я не решался подойти к ней. Это и злило, и радовало.

И вот она здесь, в тайге! Конечно, она была не одна, с группой. Они, кажется, тоже шли на Шаманиху.

* * *

Конечно же, мне не хотелось попускаться первенством. Тем более, что я заявил о желании посвятить свое восхождение дню рождения Фаи и назвать гору, пусть неофициально, ее именем. Правда, от этой «честь» она отказалась. Отказалась она и от подарка. Но я сунул компас насильно в карман ее штормовки.

О, это был памятный компас — он прошел со мной почти все походы. Он

был моим талисманом. Но он... не был компасом. Это подарок покойной матушки. Весьма далекая от туризма и от физики, она решила как-то подарить мне в день рождения компас с золотой стрелкой. Ювелир удивился, но переделал, как заказали. На обороте ее было выгравировано: «Мама — Славе».

Компас, таким образом, стал только талисманом, особенно после смерти матери. Я всегда брал его с собой. Но я не подумал, что он может стать причиной несчастья...

... По карте я видел, что к Шаманихе легче всего пробраться по замерзшему руслу речушки, берущей свое начало у отрогов горы, а там с километр пути — и я у подножия. Если выйти утречком, то к полудню я буду на «исходном рубеже атаки», а к вечеру возьму вершину. Вопрос казался настолько ясным, что я не стал никого расспрашивать о маршруте.

После ухода Фаи я посидел у окна, глядя на багровый закат и чернеющий на фоне его конус Шаманихи, и залег спать. Утро вечера мудренее.

* * *

Оно действительно оказалось мудреным, это утро 12 февраля.

Утром хозяйка, узнав, что я иду на Шаманиху, заявила, что на гору эту никто никогда не ходит. Гиблая она. Раньше святой считалась. Теперь, конечно, в это никто не верит. Однако, кто их знает, что там шаманы настроили.

Я все же решил идти.

— Ну, твое дело. Прощевай, ли чо ли! — напутствовала меня хозяйка. — Возвращайся живой.

Не успел я отойти и десяти метров от дома, как вспомнил, что забыл термос — оставил его на шестке, когда наливал горячий кофе. Попуститься было нельзя, хотя возвращаться очень не хотелось.

Хозяйка встретила меня на крыльце с термосом в руках.

— Догнала бы, — сказала она недовольно. — А теперь вот удачи не будет. Хотя, молодые вы, не верите... Да и чо на нас, старых дур, смотреть!

А я верил. Стыдно признаться, но верил, оправдывая себя то шуткой («чего с чертями связываться!»), то историческими параллелями («Пушкин тоже был суеверным»), то тем, что это не больше как случайное совпадение с моим желанием («я и в самом деле уже не горел стремлением покорить Шаманиху»).

Но и не идти было обидно, и я двинулся дальше, стараясь не вспоминать о возвращении за термосом.

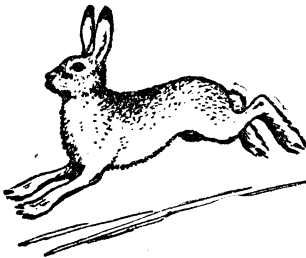
Так миновал я добрую половину пути. Лыжи легко скользили по крепкому насту. Узкая лента речушки виляла среди болот, покрытых щетиной мелкого осинника с редкими, в беспорядке натыканными елками. Временами она словно ныряла в густой березняк и становилась там поуже, спокойнее, прямее. На одном из таких участков, когда я остановился, чтобы поправить крепление, шагах в пяти от меня откуда-то из-под пня выскочил заяц.

Он на секунду замер, глядя на меня скорее с любопытством, чем испуганно, и подергивая черненьким носиком. Потом сердито топнул лапой и, не торопясь, перебежав речку, скрылся в березняке, как растаял.

Он пересек мне дорогу!

В обход идти было бессмысленно — ни вправо, ни влево не проберешься.

Я долго простоял, опершись на лыжные палки. Вот и Пушкин, говорят, не доехал до мятежного Петербурга в декабре 1825 года тоже из-за зайца. Почему он, умнейший человек эпохи, атеист и совсем не трус, повернул кибитку назад, завидя ковыляющего через дорогу кого-го? Причуда, странность? Но почему и я не имею права на странности, на причуды?

Я повернул назад. Черт с ней, с Шаманихой!

С гадким чувством в душе, не уважая себя, я плелся обратно по своей лыжне, уже не придумывая оправданий случившемуся. Мне просто было стыдно.

Ночевать я нарочно устроился в другом месте — новым хозяевам можно сказать что-нибудь другое.

Ворочаясь на широкой лавке, где мне постелили тулуп вместо матраца, я сквозь сон услышал, как хозяин с сыном заговорили о приближавшемся буране.

«Хорошо, что вернулся. Был бы мне капут... — подумал я, засыпая. — Утром уйду».

Но уйти не удалось ни утром, ни днем. Всю ночь надрывно выл в трубе ветер, гудел за окном, дробно стучал в ставни

снежной крупой. Ночная, чернильная мгла сменилась дневной, молочно-белой. Облака снега носились с ужасающим воем. Казалось, что это не снег несется мимо, а сам дом, взобравшись на какое-то сумасшедшее облако, несется в белесом вихре то вверх, то вниз.

— Не дай господи, кто в пути, — скрипела древняя старуха, мать хозяина, тербя узловатыми пальцами концы своего черного платка и сердито посматривала на меня, словно именно я — виновник этого светопрествления.

Через сутки буран начал стихать, и утром я, наспех попрощавшись с хозяевами, отправился в обратный путь. Через три дня я был уже дома.

* * *

«Что их заставило свернуть с пути и отправиться на Шаманиху? Они хотели опередить меня, боролись за первенство?» — размышлял я, когда месяц спустя узнал о гибели Фаи и Тимофея.

Душевный покой, которым я так гордился всегда, куда-то испарился. Забросив рюкзак в чулан, я больше не брал его в руки. Хватит походов, я походил свое!

Покой внешний был, но ведь «покой нам только снится»...

Я полюбил стихи. Чеканные строки

Блока, мудрая проникновенность Тютчева, мятущаяся тоска Есенина, скорбные «Диалоги и мысли» Леопарди стали моими спутниками. Я разлюбил свою специальность: зачем мне радио и зачем я ему? Стал готовиться экстерном за университет. Это несколько отвлекло от дум, от стихов, от самокопания. За два года я сдал все курсовые экзамены, осталась лишь дипломная работа. Будущим летом в мире должен был прибавиться еще один историк. Душевная смута как будто улеглась...

Я не очень раздумывал над темой дипломной работы. Что дадут. «Коллективизация хозяйства у малых народностей Северного Урала!» Я безропотно согласился — тема не лучше и не хуже, чем у других. Мне не хотелось быть лучше других, прежде других. Мне вообще ничего не хотелось, и я злорадно твердил себе перед сном: ложись спать, неудавшаяся сильная личность! Завтра будет то же, что и сегодня — серый день без солнца, но и без грозы. Ты этого хотел, Жорж Данден!

Кажется, примерно это же я твердил себе, когда в тот неяркий весенний день шел по скверу к своей любимой скамье под акациями, чтобы в тишине и покое рассмотреть данные мне руководителем диплома материалы: коллективизация малых народностей ждала своего историка.

На «моей» лавочке сидел человек. Приглядевшись, я увидел, что это не че-

ловек. Это Нутик. Вот как свела судьба! Долго же мы не виделись. Может быть, он все же скоро уйдет, этот слизняк? Я остановился в ожидании.

Меняла что-то читал. Нет, конечно, только просматривал — изящная, а тем более научная литература не его призвание. Ну да, это тетрадь, а не книга. В серой парусиновой корочке с ляпочками, как у канцелярской папки. Зачем ему такая?.. Ага! Он хранит в ней деньги... Тогда зачем же перекладывает их в карман, завернув предварительно в клочок бумаги, взятый из тетради? Сама тетрадь летит в газон. В руках остается другая — тоненькая в голубой бумажной обложке. Он что-то беспокойно рыщет взглядом. Видит меня. Смывается, сунув тетрадку за пазуху. Ползи, слизняк. Ползи, пока тебя кто-нибудь не раздавит. Как тебя держит земля?

Я сел на лавочку и хотел было приняться за чтение, но что-то не давало покоя. Что? Ах, да — тетрадь в газоне. Нужно ли ее поднять? Пожалуй, можно. Я нашел ее в траве и начал просматривать.

Кем-то собран обширный материал о Золотой Бабе. И обстоятельно обмозгован. Есть интересные мысли. Это могло бы даже стать темой диплома. Нет, нет, не моего, конечно!!

На обороте обложки я нашел имя автора записок: Тимофей Лебедев.

Да... Тетради, видно, как и книги, имеют свою судьбу.

Я знал его только заочно, как опытного и смелого туриста. Знал и то, что он не любил меня. Тоже заочно. Это его дело. Я же не питал к нему ни любви, ни ненависти. Мы были разные люди, вот и все. Но я уважал его, а он меня — нет. Впоследствии я узнал, что чуть было не встретился с ним тогда, у Шаманихи.

И вот его тетрадь у меня. Что с ней делать?

Вернувшись домой, я снова набросился на тетрадь. Да, это увлекательно! Но где же начало? В нем должен быть свод исторических сведений о Золотой Бабе — полные тексты Меховского, Герберштейна, Гваньини и других. Интересно было бы познакомиться!.. А не работал ли кто-нибудь еще над этой темой?

Схватив клочок бумаги, я наспех набросал небольшое письмо в музей. Для убедительности добавил что-то о туризме и антирелигиозной пропаганде. Потом,

выяснив в справочном телефон Менялы, я записал его, кажется, на том же письме и хотел было звонить ему, чтобы выяснить, откуда он добыл тетрадь. Оказалось, что телефон уже давно принадлежит кому-то другому. Я побежал опустить письмо. Только бросив его в ящик, вспомнил, что не указал своего адреса. Там стоял лишь номер телефона, который я не успел стереть. Неважно, приду сам!

Но не пришел. Наутро интерес к Золотой Бабе пропал. Воспоминания о Шаманихе снова повергли меня в хандру.

* * *

И вот этот визит. Он многое заставил меня вспомнить.

Чтобы воспитать человека, нужны годы. Чтобы перевоспитать — тоже. Но иногда достаточно одной ночи, чтобы человек стал иным.

Тяжелые сумрачные сутки... Сколько передумано, взвешено, сколько позади сожжено мостов, сколько переоценено ценностей! Я начал видеть себя со стороны, чужим взглядом.

Нет, виновен не заяц. Там, у подходов к Шаманихе, я сам перебежал себе дорогу. Рано или поздно это должно было случиться.

В чем дело? — думал я. — Все меня считали способным малым, не обидела судьба и другими данными, люди щедро дарили меня своим участием, любовью, заботами, все в жизни мне давалось легко, а жизнь все-таки не получалась. Не было в ней изюминки, не было той светлой радости от содеянного тобой, которую я видел у других людей, даже менее даровитых и менее удачливых.

Вот Иван Назарович. Уже тридцать лет подряд он ежедневно уходит рано утром в свою спецшколу, чтобы учить грамоте глухонемых от рождения детей. Представляю, как это трудно! Зарплата его невысока, ходить на работу ему далеко. Я знаю, он блестящий математик, ему не раз предлагали хорошее место, но он неизменно отказывался. Глаза его лучатся теплом, когда он говорит о своих воспитанниках, о том, что какой-то Вася, кончивший школу несколько лет назад, теперь заведует цехом в мастерской, а какая-то Маша замечательно рисует.

Вот телятница тетя Поля, которую я видел в деревне, когда ездили в колхоз убирать картошку. С какой любовью она

возится со своими питомцами, ухаживая за ними, как за детьми. Какую радость она видит в этой невидной работе?

Почему довольны своей работой Иван Назарович и тетя Поля? Ведь они дают людям больше, чем получают от них.

А может, в этом — то и дело? Может быть, именно потому что я больше заботился о себе, о радости и пользе для себя, — эта радость была непрочной и недолговечной.

Я жил в коллективе, но не с коллективом и не для коллектива. Мои туристские «подвиги» тоже были нужны только мне и не приносили никому ни пользы, ни радости.

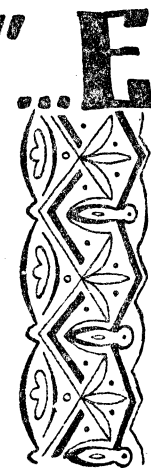
И вот итог. Я даже не подумал о том, что моя судьба может обеспокоить ребят, что меня, соперника, они пойдут выручать, рискуя жизнью.

Что же мне делать теперь, когда я знаю все, когда увидел себя в истинном свете?

Стиснуть зубы и начать жить по-новому! Начать «по капле выдавливать из себя раба», — как сказал Чехов. Раба своего «я», раба славы и эффекта. Пока не поздно, пока болезнь не стала неизлечимой. Северные народности Урала получают честного историка!

Пусть приходит брат Тимофея — я смогу теперь смотреть ему в глаза. Вместе с тетрадью брата он получит и эту тетрадь, мою исповедь.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ, ЗАПИСКИ ТИМО- ФЕЯ ЛЕБЕДЕВА

й приносили в жертву черных соболей и куниц, а также убивали диких зверей и мазали кровью их ее рот и глаза. Жрецы спрашивали ее о будущем, и она давала ответы подобно Дельфийскому оракулу».

Это писал шведский путешественник Петр Петрей де Эрлезунд в 1620 году. В XVII веке это, кажется, единственное свидетельство о Золотой Бабе. Поэтому я искал его особенно настойчиво. Оказалось — зря: ничего нового по сравнению с предыдущими оно не добавило.

Впрочем, это тоже важно — узнать, что ничего нового историк не добавил. Это дает простор для дальнейших важных размышлений и выводов.

* * *

Но пора сделать кое-какие обобщения. Переворочено изрядное количество книг и журналов, накопилась толстая тетрадь выписок. Однако, все это сырье, руда, из которой надо выплавить металл, — выводы. Установить главное — есть ли во всем этом что-либо полезное для сегодняшнего дня. Иначе Баба, будь она не только Золотой, а даже бриллиантовой, мне не нужна.

Вспоминаю сейчас, как я заинтересовался ею.

Когда я проходил первую институтскую практику в Леспромхозе на Северном Урале, старик, работавший у нас сторожем на шпалорезке, рассказал как-то собравшимся на перекур ребятам одну историю.

— Живет тут у них в лесах Золотая Баба. Только где она, никто не знает. И какая она, тоже никто не видывал. Еще когда Ермак пошел на Сибирь, унесли ее вогулы — спасать. Кто говорит в низовье Оби, кто — на Конду, а кто заверяет: здесь осталась. Только схоронили крепко. Молились ей когда-то, давно очень, а потом, видать, забыли — нынешние

манси (вогулы по-старому), мало кто и знает, поди. А дед мой рассказывал — помнили старики, что была когда-то здесь такая. Потом уж другим богам стали молиться. А Баба, я думаю, здесь где-то. Чего бы им так далеко тащить ее — на Обь там, или на Конду? И здесь так упрятать можно, что никакой черт не найдет. Шаманы, которые прятали, померли, а другой никто не знает. Вот и потеряли ее...

Шпалорезчики, разморенные теплом сторожки, лениво посасывали «Север», слушали старика с интересом, но и не без доли недоверия. Даже вопросов лишних не задали — выслушали, как обычную байку: не любо — не слушай, а врать не мешай.

Мне это тоже показалось сказкой, таежной легендой, каких немало ходит в этих краях. Но я был очень удивлен, когда, вернувшись домой, однажды встретил упоминание о Золотой Бабе в научной литературе. Оказывается, она известна еще с XI века. Значит, легенда, которую рассказал сторож шпалорезки, имела какую-то реальную почву! Может быть, он прав и в том, что Золотая Баба до сих пор стоит, забытая где-то в уральской тайге? И если это такой древний идол, то он, наверное, будет очень интересен для науки.

Но где ее искать? Конечно, прежде всего в книгах. Какая она была, кто ее видел, где, когда? Знакомство с литературой отняло у меня почти целый год. Теперь пришла пора разобраться в собранном. Это поможет ответить и на главный вопрос: стоит ли ее искать.

КАКАЯ ОНА?

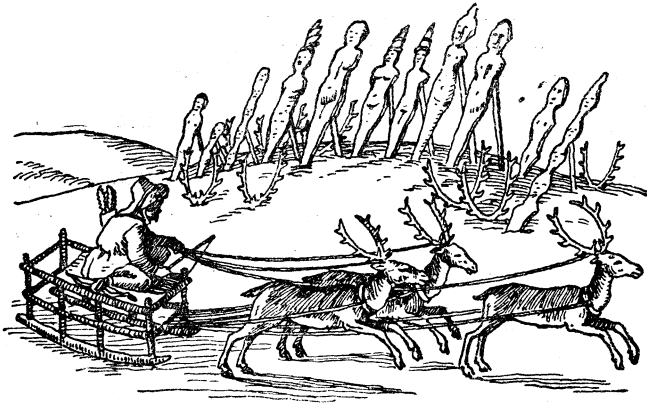
Трудно представить себе что-нибудь более противоречивое, чем сведения о Золотой Бабе, скопившиеся почти за целое тысячелетие. Особенно о внешнем виде ее.

Была ли Золотая Баба золотой? Может, она была каменной, деревянной, медной, серебряной?.. Мало ли почему ее могли называть Золотой!

В самом деле, почему бы ей не быть, например, КАМЕННОЙ?

Вспомним, что первое русское известие о Золотой Бабе в Софийской летописи тоже говорило о камне. «...Моля-

...ся идолом... и камню, и Золотой Бабе...» Может быть, Золотая Баба была лишь одним из священных камней?

Гваньини свидетельствует без обиняков: «... истукан, высеченный из камня». Флетчер тоже: «... скала, которая от природы имеет вид женщины». Вот и Герберштейн, со слов русского толмача Григория Истома, упоминал о священных камнях-утесах на берегах северных русских морей. Венгерский путешественник Регули приводил данные о священной горе на притоке Печоры — Щугоре. Гору называли Не-Пуби (или, по-ненецки, Нье-Гэгэ), что значит «женский кумир». Русский этнограф Иславин описывал камень Неве-хэгэ, то есть «мать болванов». Каменных идолов встречали на Конде и на Оби.

Почему бы ей не быть и ДЕРЕВЯНОЙ?

Деревянных идолов у северных народностей было множество. И не случайно: материал всегда под рукой, обработка доступна примитивным инструментам.

Идолов изготавливали сотнями. Кто только из путешественников ни описывал их! О деревянных идолах в Биармии сообщают норвежские саги. Английскому мореплавателю Степану Борро северный промышленник Лошек (Ложкин?) в 1556 году показывал где-то на острове кучу идолов «...числом около 300». Они изображали мужчин, женщин и детей. Где-то у северных берегов России француз Мартиньер в 1647 году видел «обрубленные древесные стволы, на которых грубым рельефом была вырезана фигура человека». Он же добавлял, что «в этих идолах входит дьявол и произно-

сит свои предсказания». Предсказания! Золотая Баба тоже занималась этим делом.

В книге Исаака Массы (1612 год) изображена оленья упряжка, мчащаяся мимо капища с множеством деревянных идолов. Годом позже Иероним Мегизер сообщал о самоедах (как тогда звали ненцев), что «у них есть также идолы, вырезанные из дерева».

Уже упоминавшийся выше Иславин говорил о «древнейшем и знаменитейшем идоле... седмичном (?), деревянном», которого в 1727 году сожгли миссионеры. Вместе со «Стариком» (так звали идола) тогда же сожгли около 400 деревянных истуканов.

Множество деревянных идолов уничтожил по Оби и ее притокам тобольский митрополит Филофей, о чем свидетельствует его сподвижник по «крещению инородцев» Григорий Новицкий.

Он же описывает найденного в Шоркоровских юртах кумира: «Бе.. иссечен из дерева на подобие человеке, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным проглагола бездушный и предвозвести находящее себе близь разорение...» Проглагола! И этот говорил и предсказывал! Отчего бы и ему не быть названным Золотой Бабой, тем более что лицо у него металлическое?

Позднее путешественники видели деревянных идолов в Чаньвинской пещере (на р. Чаньве, впадающей в Яйву).

Путешественник П. П. Инфантьев в 1910 году описал виденного в Печерах-Пауле деревянного идола Чангва-еква, изображавшего женщину. Женщину! Бабу! (простите за выражение).

Но, может быть, и не каменная и не деревянная, а ЕЩЕ КАКАЯ-НИБУДЬ?

Немецкий ученый Г. Михов, собравший сведения о Золотой Бабе в своей книге, изданной в Гамбурге в 1884 году, предполагал, что она была «сделанной из глины и позолоченной статуей».

Стоит вспомнить, что еще в XV веке

статуэтка III в. до н. э.

Статуя Августа из
Прима Порты.
Нал. I в. н. э.

(около 1480 года) римский историк Юлий Помпоний Лэт (по прозвищу Сабина) в своих лекциях упоминал, что

«...угры приходили вместе с готами в Рим и участвовали в разгроме его Аларихом... На обратном пути часть их (угричей) осела в Паннонии и образовала там могущественное государство, часть вернулась на родину, к Ледовитому океану, и до сих пор имеет какие-то медные статуи, принесенные из Рима, которым поклоняются как божествам».

Позднейшими исследованиями ученых подтверждено: да, современные ханты и манси — ближайшие братья венгров. У них и в языке много общего. Так что известие Лэта об унесенных к берегам Ледовитого океана медных статуях тоже может быть правдой. И не стала ли одна из них

тем самым идолом, который потом получил имя «Золотая Баба»?

А что? Среди известных нам древнеримских скульптур немало таких, которые чем-то напоминают описания и изображения Золотой Бабы. Взять, например, статую Августа из Прима Порты. Одежда похожа на женскую; в руке — копьё; у ног — ребенок (амур?). А статуя римлянина из дворца «Палаццо Барберини», с портретами предков в руках? Достаточно бегло взглянуть на нее, чтобы убедиться, как легко принять ее за женскую фигуру с детьми. Это взятые наугад две статуи. А сколько можно найти еще более похожих, если изучить изображения всех сохранившихся скульптур — римских, греческих, египетских, восточных!

А может, она была СЕРЕБРЯНАЯ?

Закамская сторона издавна славилась обилием серебра, вернее, изделий из него, хотя на Урале серебряных руд почти нет. До сих пор находят в земле высокохудожественные блюда, кубки, броши, браслеты и другие украшения, которые когда-то, очевидно, массой шли на Урал в обмен на пушнину.

О богатстве Биармии серебром знали скандинавы.

Летописи свидетельствуют, что югричи платили Новгороду дань, кроме пушнины, еще и серебром. Археологи утверждают: «На

территории Пермской области найдено больше половины всех известных в мире находок иранских серебряных изделий.

Почему так? Как и все в мире, это тоже имеет свое объяснение.

В III и VII веках нашей эры далеко шла слава о золотых и серебряных делах мастеров богатого и могучего государства Сасанидов, существовавшего на территории современного Ирана. По всему Ближнему Востоку расходились их изделия — литая и чеканная золотая и серебряная посуда, утварь, украшения. Прихотливый орнамент, живые, полные движения и изящества сцены охоты, фантастические сюжеты на блюдах, чашах, ковшах и кувшинах до сих пор изумляют историков-искусствоведов богатством композиции, точностью рисунка, мастерством деталей.

Арабы, завоевавшие в VII—VIII веках Ближний Восток, положили конец династии Сасанидов и искусству ее мастеров. Мусульманская религия, которую принесли с собой арабы и которая стала господствующей, не разрешала изображать людей и животных. Бытовые изделия и украшения обрели новую форму: на блюдах и чашах появились новые мотивы.

А как же быть со старой? За несколько веков правления Сасанидов ее в стране накопилось изрядно.

Посуду и украшения пришлось сбывать «на сторону». К приятному удивлению ближне-восточных торговцев, «греховные» изделия стали охотно брать северные племена. Особенно посуду. Жрецы всевозможных северных богов и боженят быстро смекнули, что богатые изделия из неизвестного здесь блестящего металла с изображениями людей и животных незнакомого, фантастического облика можно удачно использовать в культовых целях. Приколотил блестящее блюдо на дерево — считай, что это символ солнца, и поклоняйся ему. Мелкие изделия можно положить в амбар к идолу и тем самым возвеличить его богатство, а значит и уважение к нему.

Еще две-три сотни лет назад в иных таких амбарах находили десятки пудов старого серебра в изделиях.

Между прочим, это пристрастие к серебру не раз использовали разные пройдохи и мошенники. Даже в близкие к нам времена на Севере выгодно сбывали краденую церковную посуду. Иные, не затрудняя себя кражами, просто дела-

Статуя римлянина из
Палаццо Барберини
I в. до н. э.

Серебряное бимбо тогчи Савамидоф
 16 до н э

ли ее сами. Сообщают, что в Тобольске в прошлом веке жил «один поляк Р.», который тайно имел специальную мастерскую для изготовления подобных изделий и весьма небезвыгодно сбывал их шаманам. Когда типов, подобных «одному поляку Р.» не оказывалось, шаманы отливали изделия сами.

Наш уралец, писатель-путешественник К. Д. Носилов, отдавший много лет жизни изучению Северного Урала, в одном из своих очерков, написанных в начале нашего века, приводит что-то подобное.

«Она не здесь,— рассказывал вогул,— но мы ее знаем. Она тогда же (с приходом русских) через наши леса была перенесена верными людьми на Обь; где она теперь, у остяков ли где в Казыме, у самоедов ли где в Тазу, я точно не знаю, но с той поры, как она здесь была, у нас остался с нее слиток — «Серебряная баба», которая до сих пор хранится у одного вогула в самой вершине нашей реки (Конды).

— Ты ее видел, дедушка?
 — Не раз, не два видел на своем веку,— ответил Савва.

— Какая же она?
 — Серебряная...
 — На кого походит? Как сделана?
 — На бабу походит, бабой и сделана.
 — Одетая?
 — Нет, голая... Голая баба — и только. Сидит. Нос есть, глаза, губы, все есть, все сделано, как быть бабе...

— Большая?
 — Нет, маленькая, всего с четверть, но тяжелая такая, литая: по Золотой Бабе ее и лили в старое время; положили ту в песок с глиной, закопали в землю, растопили серебра ковши и вылили и обделали, и вот она и живет.

— Где же она у этого ямнельского вогула хранится?

— В юрте хранится, в переднем углу. Как зайдешь к нему в юрту, у него в пе-

реднем углу полочка небольшая сделана, занавесочкой закрыта, за ней в ящичке старом она и сидит. Как откроешь ящик — и увидишь ее на собольей шкурке.

— Что же ей приносят?

— Большие шелковые платки, потом серебро она любит, шкурки дорогие.

— Куда же это все после идет?

— На нее идет, серебро кладут в ящик, шкурки стелют под нее; платками ее закрывают, окутывают...»

Значит, идол был золотым, а копии его — серебряными?!

Но, может быть, собеседник Носилова «сочинил» все это?

Однако, примерно в те же годы о серебряном женском идоле в Юмнель-Пауле сообщал этнограф П. П. Инфантьев. Составитель остяцкого словаря Х. Паасонен тоже слышал от одного местного жителя о серебряном божке величиною с фут, хранившемся в специальном амбаре у верховного жреца в Нахрачах. И Оронтур-Пауль, и Юмнель-Пауль, и Нахрачи — это все один район, в бассейне Конды.

Возможно, следовательно, что первоначальный идол был ЗОЛОТЫМ.

Промелькнуло же лет сто назад в одном из изданий Русского географического общества сообщение о каком-то золотом идоле в пещере в верховьях Сосьвы. Не туда ли унесли его жрецы? Но кто возьмется утверждать это наверняка?

КТО ЕЕ ВИДЕЛ?

Чем же объяснить, что сведения о Золотой Бабе столь противоречивы?

Уж не тем ли, что ее никто не видел?

Вот одно из первых свидетельств барона Герберштейна, относящееся к 1549 году:

«...Не мог указать ничего наверно от какого-нибудь такого человека, который видел бы это собственными глазами».

А вот одно из последних. Ипполит Завалишин в своем «Описании Западной Сибири», вышедшем в 1860-х годах, писал, что

«...внешний вид и устройство его (идола) неизвестны были и самим обоготворявшим. Постоянно охраняемая двумя стражами в красных одеждах, с копиями в руках, его кумирня была закрыта для вогулов. Один только старейший и главный шаман

Охотна на пюленей.
 (Детали карты Мамуса,
 1539 г.)

„Золотая баба“
из „Космографии“
Тевэ, 1575 г.

имел право входить в ку-мирню».

В промежутках между этими, так далеко отстоящими друг от друга сведениями, — та же картина: среди людей, описывавших Золотую Бабу, нет ни одного, кто бы видел идола своими глазами. Больше того, ни один из них не говорит о том, что рассказывает со слов лиц, лично видевших Золотую Бабу.

Значит, рассказы о ней получены даже не из вторых или третьих, а не ближе чем из четвертых — пятых рук. Как они, эти рассказы, обрастали при этом домыслами, можно только догадываться, вспоминая детскую игру в «глухие телефоны».

Эти рассказы. Еще хуже с изображениями. Авторы их действовали каждый по своему разумению, отталкиваясь только от немногословного и туманного описания.

Достаточно посмотреть, как, отталкиваясь от одной строчки Меховского, художник, «разделявавший» карту Олая Магнуса, изобразил на ней тюленей. Меховский, сам никогда не видевший тюленей, но слышавший о них, назвал тюленей морскими собаками. Художник же, не имевший перед собой ничего другого, кроме этой одной строчки ученого профессора, изобразил на рисунке плавающих в океане и разгуливающих по льдинам огромных собак, похожих одновременно и на тигров. Так рождались изображения, еще более затруднявшие достижение истины.

Стоит взглянуть также и на рисунок Золотой Бабы, приложенный к «Космографии» Андре Тевэ и полученный якобы им от одного поляка, с которым он встретился в Турции. Не говоря уже о самом идоле, изображающем собою скорее католическую мадонну, — природа, строения и прочее на рисунке не оставляют сомнения в источнике, которым пользовался художник: все это явно европейское.

Конечно, вполне возможно, что было время, когда доступ к Золотой Бабе (если она существовала) был свободнее, чем впоследствии, что ее могли видеть многие. Если она и охранялась, то не более, чем всякая другая святыня в любой другой стране. Но эти очевидцы, к сожалению, не оставили свидетельств.

Зато строки из Софийской летописи по случаю кончины епископа Стефана Пермского, жившего «посреде неверных человек», молящихся Золотой Бабе, можно понять как свидетельство того, что Золотой Бабе в то время поклонялись, невзирая на запрещения миссионеров. То же самое можно понять и из послания митрополита Симона «великопермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людям и меньшим». В гневном послании митрополит Московский и всея Руси пробирал пермичей и их князя за поклонение Золотой Бабе и болвану Войпелю. Очевидно, пермичи не очень обращали внимание на угрозы издали — москвиты еще не весьма прочно стояли на Каме.

А Матвей Меховский, краковский профессор медицины? По его словам, «..никто проходящий поблизости... не минует ее», то есть Золотую Бабу. Никто! Значит, даже обязаны были знать о том, где Золотая Баба, обязаны были побывать у нее.

Последующие описатели — Дженкинсон, Бельфоре, Гваньини, Петрей — все они сообщают о поклонении не заочном, а в общении с идолом — с жертвами, гаданием, беседами с оракулом.

Даже на рисунках у А. Вида, А. Тевэ, С. Мюнстера, на карте Неизвестного космографа около Золотой Бабы изображе-

„Некие чудовища“ Восточной Азии.
(Из „Космографии“ Мюнстера, 1544 г.)

ны молящиеся. Правда, это могло быть фантазией художника, однако... Однако, именно этот момент — общий для многих, очень разнохарактерных изображений Золотой Бабы!

Доверчивость, бывшая неотъемлемой чертой мирного маленького лесного народа, со временем могла смениться настороженностью. Погоня за Золотой Бабой охотников до наживы, охота на нее церковников вынудили, в конце концов, хранить местопребывание идола в тайне — сначала от чужих, а потом даже и от своих: ведь среди своих тоже могут оказаться предатели.

Вот и оказалось, что о Золотой Бабе все знали только понаслышке. А в этом случае как не заподозришь в каждом из описаний возможность преувеличений.

К тому же, очень мало знали в те времена в Европе о странах и народах на северо-востоке Русского государства. Недостаток знания восполняли выдумками.

А причины преувеличений в каждом отдельном случае могли быть разные.

Люди торговые — стремились устранить конкурентов описанием ужасов и трудностей.

Люди ратные — не лишали себя удовольствия иногда похвастать своими доблестями, хотя бы и вымышленными. В их рассказах противник и условия сражений всегда страшнее, чем они были на самом деле.

Находились, конечно, и просто не критичные люди, воспринимавшие как действительность местные предания и эпос.

И хотя какое-то зерно правды всегда можно было найти в любых, самых диковинных выдумках, — как трудно отделить правду от вымысла!

Что же все-таки известно о Золотой Бабе достоверного?

А пожалуй, ничего.

Что был идол? — никто не взялся бы утверждать это ценой собственной головы. Да и был ли он один или их было несколько — все это неизвестно.

Что он был где-то на Северном Урале? Но где именно — никто за тысячелетие не сказал точно.

Что он был золотым? А, может быть, это только имя идола — ведь никаких иных подтверждающих деталей никем не приводилось.

Обо всем остальном нечего и говорить, все это еще более противоречиво и неясно.

Может быть, все это и в самом деле только сказка, одна из тех, что во множестве ходили по миру о нашей стране в давние времена? Примечательно, что с ростом истинных представлений о северных землях сообщения о Золотой Бабке исчезают со страниц географических сочинений. Еще более примечательно, что в «Отписках» (отчетах) русских землепроходцев конца XVI — начала XVII веков, этих основных документах тех лет, нет и намека на Золотую Бабку. А уж им ли было не знать!

КУДА ОНА ИСЧЕЗЛА? НЕ ЕРМАК ЛИ?

А может, сообщения о Золотой Бабке исчезли потому, что исчезла она сама?

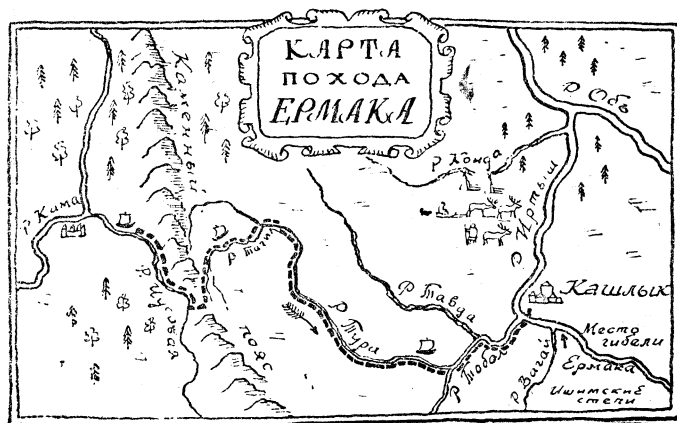
Тогда куда же могла деваться?

Ну, деваться-то было куда.

Кто-то из историков, на основании анализа норвежских саг, высказал предположение, что капище Золотой Бабы разграбили древние скандинавы и увезли идола с собой.

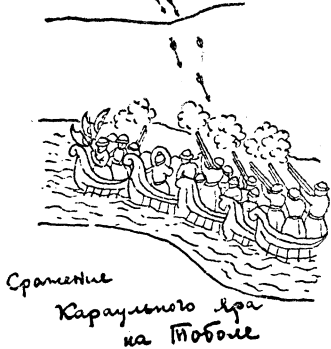
Его могли захватить и новгородцы или москвиты в один из своих опустошительных походов. Захватить, разбить на куски, превратить в доступный к сбыту драгоценный металл.

К началу 1583 года дела Ермака шли неплохо. Осенью он без боя (решающие бои уже были позади) занял Кашлык, столицу Сибирского царства; коварный Кучум «бегаша на степь в казачью орду»;

Малый поход

Сражение

Караульного Яра на Тоболе

Рисунки к походу Ермака
Кунгурской летописи XVII в.

главнокомандующий татар, любимый племянник хана Махтумкули был взят в плен; остяцкий князь «именем Бояр, со многими остяки», а за ним и мансийские князьки Суклей и Ишбердей пришли (добровольно) с дарами просить мира и покоя.

Можно было отдохнуть, подлечить раны, пополнить запасы, укрепить городки в предвиденьи возможных битв.

Однако, Ермак занимается в это время отнюдь не такими приятными и легкими делами.

В начале марта, еще до того как вскрылись реки, он посылает своего любимца — пятидесятника Богдана Брязгу с отрядом казаков вниз по Иртышу.

Зачем? Летопись говорит — собирать ясак.

Летописи... Ох, и доставили они хлопот позднейшим исследователям, вынужденным докапываться, кому служил автор каждого такого «сказания»! Ибо только таким путем можно было выяснить, где он должен был соврать, а где сказать правду.

Странно, однако, что Ермаку захотелось в такой момент пополнить свои запасы соболей и белок, а не заняться подготовкой к будущим боям и голодным осадам — Кучум-то готовился к ним. Что-то уж слишком часто в описании похода Брязги встречаются имена преследуемых идолов и разоренных мольбищ!

Может быть, смекалистый атаман предвидел, что, захватив святыни, он легче привяжет к себе «инородцев»? А исключить эту силу из дальнейшей борьбы за Сибирь Ермаку, несомненно, хотелось.

Пойдя вниз по Иртышу, Брязга взял Аремзянскую волость с ее укрепленным городком, разбил татар на Тургаском городище и, не задерживаясь, на конях добрался до устья реки Демьянки, «до большого их сборного княжца Демаяна». А что было дальше, стоит послушать ученого немца Г. Ф. Миллера, состоявшего

на русской службе при Академии наук и по ее поручению составившего в 1740-х годах первое научное описание истории Сибири. Миллер писал:

«Демьян, или Нимнян, собрал до 2000 человек остяков и вогулов, которые, вероятно, пришли с реки Конды. Он ожидал казаков с тем большей смелостью, что для обороны имел на горе большой и крепкий городок. Казакам было весьма трудно овладеть этим местом. В течение трех дней они упорно старались взять городок, но ничего не достигли... Брязга случайно узнал от татар, которые служили у него в обозе подводчиками, о причине упорства остяков. Среди татар был один чуваш, которого хан Кучум когда-то вывез из Казани; он часто бывал прежде среди остяков; по его словам, у них имеется идол, про которого остяки рассказывают, что он привезен к ним из России, где его почитали под именем Христа. Этот идол вылит из золота и сидит в чаше, в которую остяки наливают воду, и после того как они выпьют этой воды, они твердо верят, что с ними не может случиться никакого несчастья. Вероятно, это и является причиной их упорства. Он прибавил, что, если ему разрешат, он отправится к остякам и попытается украсть идола; во всяком случае, он надеется проведать намерения остяков для того, чтобы казаки могли принять свои меры.

...Вечером того же дня чуваш был отпущен в городок к остякам под видом перебежчика. На следующее утро он опять был в казацком лагере и принес следующее сообщение. Остяки находятся в большом страхе, они поставили идола на стол, а вокруг него жгут в особых чашах сало и серу... При этом они гадают — сдастся ли им казакам или продолжать сопротивление и уже пришли к тому заключению, что лучше сдаться.

После этого казаки с новой силою начали наступление, которое едва только началось, как большинство остяков и вогулов бежали из городка и рассеялись по своим юртам. Оставшиеся прекратили сопротивление, и казаки могли без особых усилий овладеть этим местом.

Нужно сказать, что после сдачи городка казаки искали идола, но нигде его не нашли. Если на этом основании рассказ об идоле считать за басню, то можно впасть в ошибку, потому что легко могли скрыть свою святыню... Как известно, остяки еще в недавнее время, после того как их привели в христианскую веру, тщательно скрывали своих важнейших идолов, и спустя многие годы о них нельзя было получить какие бы то ни было известия. Что же касается того обстоятельства, будто бы упомянутый идол был привезен из России и что остяки его называли именем Христа, то, судя по описанному изображению его, как сидящему в чаше, то сообщение о происхождении его из России вызывает большие сомнения, и надо думать, что это добавление принадлежит составителю летописи».

Пожалуй, Миллер в своих сомнениях прав. Что-то не было известно до сих пор о золотых статуях Христа в русских церквях.

Но казаки искали идола после сдачи городка. Значит, именно он был за чем-то им нужен!

Мало того, дальнейшие остановки отряда Брязги связаны тоже со священными местами остяков и вогулов:

«...Миновав опустелое мольбище остяков — Рачево городище, поплыл до Цингалинских юрт и до Нарымского городка, что нынче Сотниковские юрты, где встретил только женщин и детей, объятых страхом... Далее поплыл в Колпуховские волости... Приплыл в Самарово».

Но и в Самарове (ныне Ханты-Мансийск) — одном из крупнейших остяцких городков, резиденции местного князца — Брязга долго не задержался. Уже через неделю он пристал у Белогорья — «Ту бо у них мольбище большое», — говорит летописец.

Опять мольбище! Но, может быть, казакам там нужно было что-нибудь иное? Обратимся опять к Миллеру.

«Близость реки Оби позволила Брязге произвести разведки по ее берегам. Он дошел только до Белогорской волости, которая была первой от устья Иртыша вниз по течению... Как рассказывает летопись, там в древние времена было место поклонения некоей знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая... Эта богиня, перед которой тогда как раз собралось множество народа, при приближении казаков приказала себя ухоронить, а самим остякам куда-либо спрятаться. Это было исполнено, и когда казаки высадилась на берег, то они не нашли там ничего, кроме пустых юрт».

Как это все похоже на описание Золотой Бабы и у Меховского, и у Герберштейна, и у многих других! Может быть, это она и есть? Но Миллер не очень верит здесь летописи:

«Некоторое сходство с этим рассказом имеет еще более древний рассказ про языческую богиню, державшую ребенка на коленях, которую почитали в низовьях реки Оби под именем «Златой Бабы». Я спрашивал про нее тамошних остяков и самоедов, но ничего не узнал, и то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, совсем непохоже на вышеприведенный рассказ».

Достоверно лишь то, что белогорские остяки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания представленный к нему шайтаничик. Вероятно также и то, что при приближении казаков

шайтаничик укрыл свою святыню и посоветовал остякам также спрятаться от казаков».

А что же Брязга? Пошел, не задерживаясь, дальше? Ведь там, ниже по Оби, крупные остяцкие городки. Увы, нет! Как пишет тот же Миллер,

«Хотя Брязга не имел случая заняться распространением в этой местности русской власти, он все же пробыл там три дня».

И только потом... повернул назад. Да, повернул назад, а не пошел вперед!

Зато, едва успел вернуться отряд Брязги, как по его следам отправился сам Ермак Тимофеевич.

Взглянув на карту, видишь, как далеко ушел он, по сравнению с Брязгой. Кодские городки — это село Кондинское на Оби, до которого Брязга так и не дошел.

Схематическая карта

Казымский городок, Юильский он же, — при реке Казым. Это уже на параллели Березова — на 64 градусе северной широты. Ермак первый пришел с юга в те края, куда русские еще полтора-два десятилетия назад добирались с севера. Он замкнул круг географических путей в Сибирь.

Но дальше он не пошел — на Казыме был крайний северный предел его предпрятий.

Зато, вернувшись в Кашлык 20 июня, он уже через десять дней пошел в другую сторону — на юг и на запад. Поднявшись по Тоболу, он вошел в устье Тавды и двинулся вверх по ней, как бы охватывая в кольцо бассейн реки Конды, области иртышского левобережья — болотистые, озерные, густотаежные, а потому труднопроходимые. Паченка, Кошуки, Чандырь и Таборы — основные вогульские городки на Тавде — поклонились знамени Ермака. У устья Пелыма он повернул обратно: стоял уже октябрь, реки вот-вот мог сковать мороз. В ноябре, вероятно уже не на стругах, а на конях, казаки вернулись в Кашлык.

Можно представить себе, каково было в этот удачливый для русских год тем, кто охранял идолов! Золотая Баба, если она была в этом районе (или какой-то другой главный идол), вероятно, все время находилась в «походном состоянии», готовая к экстренному перенесению на новые места. Может быть, ее, надоевшую, уже забросили где-нибудь в казымских болотах? Или схоронили где-то поблизости. А может, это она разлетелась вдребезги от пушки воеводы Мансурова во второе лето после гибели Ермака? Вот как об этом рассказывал Миллер:

«Множество остяков, живших на Иртыше и на Оби, подошли однажды к городку и целый день с такой силой наступали на него, что русские только с великим трудом могли их отразить. Хотя к ночи остяки и отступили, но на следующий день, еще до рассвета, они стали готовиться к новому, более сильному наступлению. Они принесли с собой своего знаменитого шайтана, которого белогорские остяки почитают больше всех других, поставили его в виду городка на дерево и приносили ему жертвы, прося его помощи для победы над русскими. Но благодаря этому шайтану русским удалось освободиться сразу от всех вражеских нападений. Мансуров велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, то этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже

больше не могли надеяться. Они направились назад в свои юрты, а те, которые жили поблизости, через несколько дней вернулись к Мансуровскому зимовью с ясаком и поминками, прося установить с ними мирные отношения, чтобы им больше не опасаться русских».

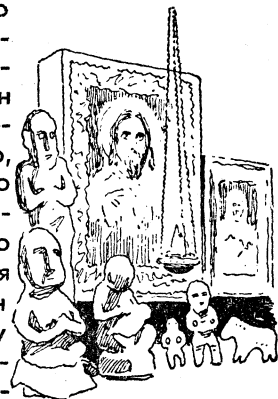
Но, может быть, это другой идол, так сказать заместитель его, а сам он пребывал в то время где-нибудь на Конде — единственной крупной реке, не освоенной Ермаком?

А МОЖЕТ БЫТЬ, ВИНОВАТ ФИЛОФЕЙ?..

Сто с небольшим лет спустя, за идолами народов, населявших бассейн Оби, открылась новая охота. Основательная. Говоря языком нашего века, тотальная.

В 1702 году в Тобольск прибыл новый (десятый уже) митрополит Тобольский и Сибирский — Филофей, в миру Лещинский. Воспитанник Киевской академии, дававшей весьма солидное по тому времени образование, Филофей был человеком разнообразных и порой весьма неожиданных увлечений. Он, например, писал стихи, завел в Тобольске первый на Урале и в Сибири театр, для которого сам «славные и богатые комедии делал», создал первую на Урале и в Сибири славяно-латинскую школу. И было у Филофея еще одно увлечение, правда имевшее прямое отношение к его служебным обязанностям. Он любил крестить «кинородцев», обращать их из языческой в православную веру.

Все девять предшествовавших ему сибирских митрополитов, вместе взятые, не окрестили столько татар, остяков и вогулов, сколько окрестил их Филофей. Он развил в этом отношении активнейшую, прямо-таки бурную деятельность. С поразительной для его возраста и здоровья настойчивостью он предпринимал одну за другой опаснейшие далекие экспе-

диции и крестил, крестил, крестил... Всех, кто попадался под руку.

Надо сказать, что остяки и вогулы довольно легко соглашались на обряд крещения. Надеть на шею блестящий крестик, испить ложечку красного вина, дать себя помазать масляной кисточкой по лбу — это даже нравилось (они и сами мазали своим богам губы салом и кровью жертвенных животных!). Получить новое имя тоже неплохо (что-то вроде запасной одежды!). Даже выстроенные для них русскими церкви можно терпеть (пусть себе стоят, они нас не трогают!). Вот только с идолами своими им расставаться не хотелось.

— Терпим! — говорили они с детской хитрецой. — Нам не мешают. А на охоту идешь — помогают. Пусть наши с вашими стоят. Не подерутся.

На этой почве возникало немало недоразумений: то в церкви у алтаря попы найдут языческих идолов, то Христу прихвостней кровью вымажут губы... Многих оленьих крестить дважды: имя христианское забудет, крест потеряет, в какого бога верует — не помнит.

Было и другое. Не всегда одной лишь проповедью обходились Филофей и его прислужники. Еще в 1703 году в своей большой челобитной царю Петру («о 25 статьях») он просит разрешить ему сурово преследовать иноверцев, уклоняющихся от обращения в христианство, вплоть до «умерщвления». На сие Петр не согласился, уговаривая фанатичного миссионера быть помягче. Но «до неба высоко, до царя далеко», и даже в апологетических «житиях» Филофея и то проскальзывают недвусмысленные упоминания о его жестокостях.

Детски-наивные и в общем-то мирные, «инородцы» научились соответственно реагировать на это. Бывало, и церковка сгорит дотла, бывало, кто-то из миссионеров еле ноги унесет, а иной и головой поплатится за слишком ретивое приобщение к вере христовой. Бывало, и самого Филофея за бороду хватали.

Сподвижником Филофея во многих походах его и бытописателем их был воспитанник киевско-могилеанской коллегии Григорий Новицкий, попавший в Тобольск не по своей воле, а, говоря его словами, «брани смущения междуособные и времен злоклучение предаша неволи». Короче говоря, отправился в «места не столь отдаленные», в ссылку.

Грамотный и толковый человек, хорошо знавший Овидия, не чуждый и сам виршеплетству, Новицкий оставил нам блестящее описание походов Филофея.

Новицкий очень интересно рассказывает и о «лдином окиане», и о «пределах полуночных», и о костях легендарного зверя «маманта» (который «иже влагоу земного живет и в пещерах земных обретается»), и о многом другом. Но есть в этом описании места, могущие нас в данном случае заинтересовать.

Это рассказы о преследовании идолов и об уничтожении их. А их-то в сочинении Новицкого, пожалуй, больше всего.

Филофей и его помощники хватили идолов больших, средних и малых, видя в них главное зло, и уничтожали их. Каких только идолов не попадалось им в руки! Один «изсечен бе из древа, одяян одеждою зеленою, злообразное лицо белым железом обложено, на главе его черная лисица положена». Другой «в среде поленце от пятьдесят лет прикладными обвитое сукнами, а на веру с жести изваянная личина, мало что бьяше подобие человека». Третий тоже высечен из дерева «наподобие человеце, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным проглагола бездушный и предвозвести надходящее себе близь разорение». (Вспомним, что Золотой Бабе тоже приписывали функции оракула).

Одного из них «шайтанщики» просили осенить крестом и сохранить наравне с иконами, для чего они обязались построить специальную церковь. Новицкий говорит, что споры между шайтанщиками и миссионерами продолжались до ночи, а затем идола кто-то выкрал и поставил вместо него другого: этот и был сожжен, а тот, что украден, унесен в «дальнее место». Так что, хотя Новицкий

и говорит, что Филофей «...все кумиры бездушные сокрушиша, скверные капища и кумирницы разореша и сожгоша», но кое-каким идолам удалось спастись.

Новицкий считает, что главных, «первоначальных» богов во всей «костяцкой стране» было три: Старик Обский, Гусь и Кондийский.

Старик Обский — сооружение сложное:

«имеюще скверное свое хранилище в усть Иртыша недалече от Самарова града... Бысть же сей по их зловерию бог рыб... дска некая, нос аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на голове малые, покрит различными рубицы, сверх одяен червленною одеждою з золотою грудью».

Другой — Гусь — попроче:

«...Гусь боготворимый идол их бяше, изваян из меди в подобие гуся; име скверное жилище в юртах Белогорских при великой реки Оби... почитается бог птиц водяных».

Третий —

«...первоначальный же и паче всех настоящий кумир zde бо за едино з Гусем бысть во единой кумирни в Белогорских юртах. Сего и Кондийским прежде вспомняухом, по сему, что народ сей zelo по своему зловерию ко оному имеюще усердие».

Первых двух идолов «крестовой рати» Филофея, кажется, удалось уничтожить. А вот третий... Его судьба, по словам Новицкого, была такова:

«Егда искореняшася идолобесие, сохраниша сего истукана и унесоша в Конду, откуда же и Кондийским нарекоша. Там же вагулитам, единомышленным зловерия своего союзником, в соблюдение даша, сего ради и не получахом видети и известно описать о бесстыдном изображении его, и доселе тамо пребывает, соблюдаем...»

Но куда же «унесоша»? В село Кондинское на Оби или на реку Конду? Можно понять и так и так.

Позднейшие ученые, в частности К. Ф. Карьяляйнен, считают, однако, что божество, избежавшее сожжения, было унесено на реку Конду, в Нахрачи.

Надо посмотреть, нет ли его там. Это тем более интересно, что Новицкому, как он сам сообщает об этом, видеть сего идола не удалось.

А ЧТО БЫЛО В НАХРАЧАХ?

Селение Нахрачи на реке Конде издавна считалось языческой меккой — здесь была резиденция верховного остяцкого жреца, древние мольбища, шайтаны всех рангов. И все это было даже еще в начале нашего века, может быть только в ослабленной форме.

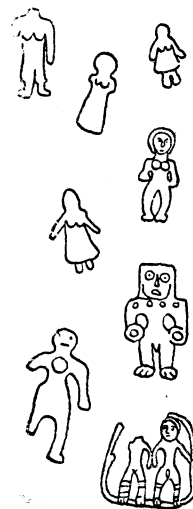
Издавна, но не всегда. Во времена Ермака о Нахрачах что-то не было слышно. Ни сам Ермак, ни даже Богдан Брязга на Конду не пошли. Может быть, тогда там ничего не было? А появилось, когда Ермак как в клещи зажал стрелами своих боевых маршрутов бассейн Конды, но самого этого района не коснулся. Не там ли и осели наиболее противившиеся переходу под руку русского царя и православной церкви родовые группы, а с ними и главные идолы?

Во всяком случае, посланцы Филофея, в числе которых был и знакомый уже нам Новицкий, нашли в 1714 году в «Нахрачевых юртах» богатую поживу — целое гнездо всяческих идолов.

Тут был и тот, что «изсечен бе из древа, одяен одеждою зеленою» и у которого «злообразное лицо белым железом обложено». Около него, в «чтилище» находились также «меньшие кумиры».

Главного нахрачинского идола высоко ценили не только кондинские остяки. «Обские и прочих протоков шайтанчики» просили «державца (владельца) скверного сего истукана» Нахрача Евплаева отпустить в их селения. Тот не отпустил, рассчитывая умиловить миссионеров. Что из этого вышло, смотрите выше: идола пришлось выкрасть, заменив его другим, который и был сожжен торжествующими миссионерами.

Этнограф П. Инфантьев сообщил о серебряном женском идоле в Юмнель Пауле. Се-

Вот именно первенные фигурки Лиденовского кумища.

ребряный слепок с Золотой Бабы видел в Оронтур-Пауле вогул, собеседник писателя-путешественника К. Д. Носилова.

Это все — в бассейне реки Конды. И это все — в двадцатом веке.

В двадцатом же веке, а именно в 1926 году, — как сообщает археолог А. Ф. Теплоухов со слов нахрачинского милиционера В. К. Клещецкого, — на реке Юконде (приток Конды) нашли литых шайтанов — медного (в Яхват-Пауле), серебряного (на улице в деревне Карым) и еще одного из какого-то «неизвестного металла» (на реке Левдым). Находки отравили в Тобольск на имя некоего товарища Искры, но дальнейшая судьба их неизвестна.

В том же 1926 году Теплоухов приобрел в юртах Старо-Катошихинских (пониже Нахрачей) медного идола. Владелец шайтана вогул Дмитрий Пакин рассказал, что «божок издревле находился в их семье — отец был шаман и временами ездил вниз по Конде и до Оби к осяткам за данью... Перед смертью, видя, что дети его уже не интересуются шайтаном, спрятал его куда-то». Потом, перекрывая крышу, сыновья шамана нашли идола на чердаке амбарчика.

Теплоухов в специальном исследовании пытался доказать, что это тот самый идол, которого спасли от миссионеров в 1714 году и что он был принесен с западного склона Урала в глубокой древности, тогда же, когда сюда пришли и названия рек, сходные с названиями рек Прикамья (Кама — тут и там, Вачкур — здесь и Вашкур — на Каме, Мартомья — здесь и Муртым — на Каме, Лемья — Лелья и многие другие, подобные им).

Все эти идолы словно бы не имеют никакого отношения к Золотой Бабе. Но что-то тут их очень много! Похоже, что сюда, как в наиболее безопасное место, когда-то стащили всех особо чтимых богов — конечно, тех, которых сумели спасти от разных напастей. А позднее, когда и бассейн Конды стал небезопасным, Золотую Бабу, если она там была, утащили куда-нибудь еще, а в Нахрачах оставили лишь ее заместителей.

Есть интересное свидетельство староработника комитета советского Севера при ВЦИК В. П. Евладова. Он пишет:

Путешествуя в 1920-х годах по Ямалу, Северному Уралу и Газовской тундре, я неоднократно спрашивал о Золотой Бабе ненцев (раньше их звали самоедами), осо-

бенно стариков и шаманов. Никто из них, за исключением одного старика, косящего по Северному Уралу, не мог ничего рассказать мне о ней. Уральский же ненец сообщил, что он слышал от стариков, будто в тундре, севернее Уральских гор и хребта Пай-Хой, в прошлые времена был золотой идол, которому ненцы, ханты, манси и коми, кочевавшие в тундре, приносили жертвы.

Этот золотой идол был откуда-то привезен. Была ли это Золотая Баба или иное божество, ненец сказать не мог, но, по его словам, сейчас этого идола уже нет, так как в какое-то давнее время его бросили на дно глубокого озера Северного Урала, которое с той поры считается священным. Название озера ненец назвать также не смог.

Возможно, и в самом деле надоело шаманам возиться с таким беспокойным хозяйством, привлекавшим столь нежелательное внимание пришельцев: взяли они да и бросили идола в озеро! И, если уж у русских так много копий одного бога — Христа, то почему бы и Золотой Бабе, и другим языческим богам не иметь удобных для хранения и перевозки портативных копий? Пропадет такая копия — не страшно, всегда можно изготовить новую.

Озеро же можно объявить священным. Есть же у христиан какой-то там Иерусалим, где будто бы хранится «гроб господень».

Священное озеро... священное озеро. Где-то мне о нем приходилось читать!.. Ах, да — вот где...

«ЗА ЧЕМ ОХОТИЛИСЬ КУЗНЕЦОВЫ?»

Однажды мне попала в руки книга о Северном Урале, читая которую, я все время как бы спотыкался о странные неясности, и до последней страницы меня не оставляло подсознательное чувство, что за этими неясностями кроется что-то, совсем не относящееся к теме экспедиции, отчету о которой посвящена книга.

Ничего определенного, безусловно доказательного я привести бы не смог, одни только подозрения. Возможно, что я в своих подозрениях совсем не прав и все на самом деле объясняется гораздо проще, но... слишком много пищи для подозрений, и умолчать о них я не хочу.

...В ноябре 1908 года Русское географическое общество получило письмо от одного довольно известного в столич-

ных кругах доктора. Сообщая о желании своих знакомых — братьев Н. Г. и Г. Г. Кузнецовых, наследников богатейшей чаеоторговой фирмы, — снарядить за их счет экспедицию на Полярный Урал, доктор предлагал Обществу взять ее под свое покровительство.

Как явствует из письма, братья-чаеоторговцы, восплавав неожиданной страстью к науке, вознамерились сколотить большую группу (до 10 человек) ученых и предоставить им все необходимое для «всестороннего исследования в естественно-историческом отношении обширного района Полярного Урала — реки Кары, побережья Байдарацкой губы и р. Щучьей».

Как бы заранее уверенный в успехе, доктор одновременно обратился к видным руководителям отечественной науки — начальнику Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкому, директору Геологического комитета академику Ф. Н. Чернышеву и другим — с предложением порекомендовать кандидатуры молодых ученых для участия в экспедиции.

Не дожидаясь ответа на свое письмо (и даже, как выяснилось, еще до отправки письма), доктор уже начал деловые переговоры с необходимыми людьми в Тюмени и Тобольске о заготовке снаряжения, транспорте, рабочих и прочем.

То ли Географическое общество не поддержало идеи Кузнецовых, то ли личное знакомство доктора с академиком Чернышевым подсказало ему новое решение, но только экспедицию взяла под свое покровительство сама Императорская Академия наук. Это было в феврале 1909 года.

Дело закрутилось в бодром темпе. Довольно быстро составилась экспедиционная группа: геолог и астроном О. О. Баклунд, топограф Н. А. Григорьев, ботаник В. Н. Сукачев, зоолог Ф. А. Зайцев, геолог В. Г. Мухин, еще зоолог Д. Я. Вардроппер — ученый агроном и компаньон какой-то торговой фирмы в Тюмени.

Почему-то долго не могли найти этнографа. Лишь в последний момент «пришлось пригласить» на эту роль студента Я—ча.

Начальником экспедиции предполагался доктор. Но он внезапно заболел, и группа во главе с Баклундом в начале мая выехала в Тюмень.

Многое было странным и непонятным в этой экспедиции.

Что купчики решили выбросить несколько тысяч рублей «на науку», это не казалось удивительным — благотворительность была в моде, ею, как фиговым листком, прикрывали дурно пахнущие махинации и не всегда честную борьбу с конкурентами.

Странным казалось то, что братья-чаеоторговцы решили сами ехать в эту труднейшую экспедицию. Богатые, изнеженные барчуки, типичные представители тогдашней «золотой молодежи», приезжавшие в Москву только отдохнуть от кутежей в парижских ресторанах, они, как утверждали близкие к ним люди, решили устроить что-то вроде увеселительной охотничьей прогулки. Этаким пикник за Полярным кругом!

Однако, сие не было единственной странностью. Немало странного творилось и во время всего психода.

Состав экспедиции резко разделился на две самостоятельные группы: братья Кузнецовы обособились в отдельную компанию, в которую входили также их знакомый, помощник присяжного поверенного А. Г. Болин и наемные егеря Джапаридзе, Чаев и Политов. Они и выехали месяцем раньше остальных, «чтобы перед началом экспедиции ознакомиться с жизнью и природой Сибири».

Выехали раньше, а к отплытию из Тюмени парохода «Северный», предоставленного экспедиции для перевозки грузов и людей до Тобольска, не появились. «Точное местопребывание их осталось неизвестным членам экспедиции, а место встречи с ними не было заранее установлено», — писал в своем отчете Баклунд.

Не появились «охотники», и в Тобольске, где экспедиция пересела на другой пароход, «Ангару», чтобы плыть с ним до Обдорска.

Зато при остановке «Ангары» у села Демьянского местные жители рассказали членам экспедиции, что около месяца назад в каюке к берегу приставала компания людей, говоривших между собой не по-русски и одетых в серые куртки. Их было шестеро. Стало ясно, что Кузнецовы где-то впереди.

Заметим, кстати, что Демьянское — село, где некогда было одно из главных мольбищ остояков.

Лишь 14 мая около деревни Цинга-

линской «Ангара» встретила Кузнецовых. Они присоединились к экспедиции.

Из Обдорска (точнее — из Иондырских юрт на протоке Вылпосл) в конце мая экспедиция, погрузив на 80 оленьих нарт имущество и людей, вышла в направлении к реке Сось.

На первой же стоянке при размещении на ночлег обособленность группы Кузнецовых проявилась вновь и довольно определено. Баклунд и пятеро других ученых разместились в двух маленьких палатках, а братья Кузнецовы и Болин втроем заняли большую палатку. Этнограф почему-то поселился отдельно от всех с ненцем-переводчиком.

Трудности пути, полного приключений и будничных хлопот, также коснулись компании Кузнецовых в меньшей степени, чем других. Об охоте они словно позабыли. Только раз на стоянке в районе реки Харавы, Н. Кузнецов и Болин «пошли с ружьями на розыски волков, но им не посчастливилось», а больше почти до самого Минисей ничем себя не проявили, лишь тащились вслед за остальными.

Зато вся группа Кузнецовых, а также и этнограф (если не считать его примыкавшим к группе), оживились при приближении горы Минисей.

Они

«...с нетерпением изо дня в день ждали, что на северном горизонте откроется гора Минисей». Но в ответ на их нетерпеливые расспросы остяки или молчали, или избегали прямого ответа. «Когда останавливались на ночлег, они уверяли, что Минисей совсем близко; на следующий же день, когда отправлялись дальше, они заявляли, что до Минисей далеко». Их нежелание вести русских к этой горе было настолько явным, что Баклунд не преминул записать в отчете: «Небольшие переходы последних дней, жалобы остяков на усталость оленей, их заметное отклонение от прямого направления к г. Минисей произвели... впечатление, как будто инокорцы неохотно везут экспедицию к священной горе обдорских тундр».

Так вот в чем дело — гора считалась священной!

Между прочим, именем Минисей остяки называли всю северную оконечность Уральского хребта, горную группу, вдающуюся в тундру. Из трех гор этой группы две имели название: путешественник Гофман в 1848 году дал им имена — Минисей и Константинов Камень. Третью же гору, о названии которой ничего не удалось выяснить ни у местных жителей, ни в литературе, экспедиции предстояло

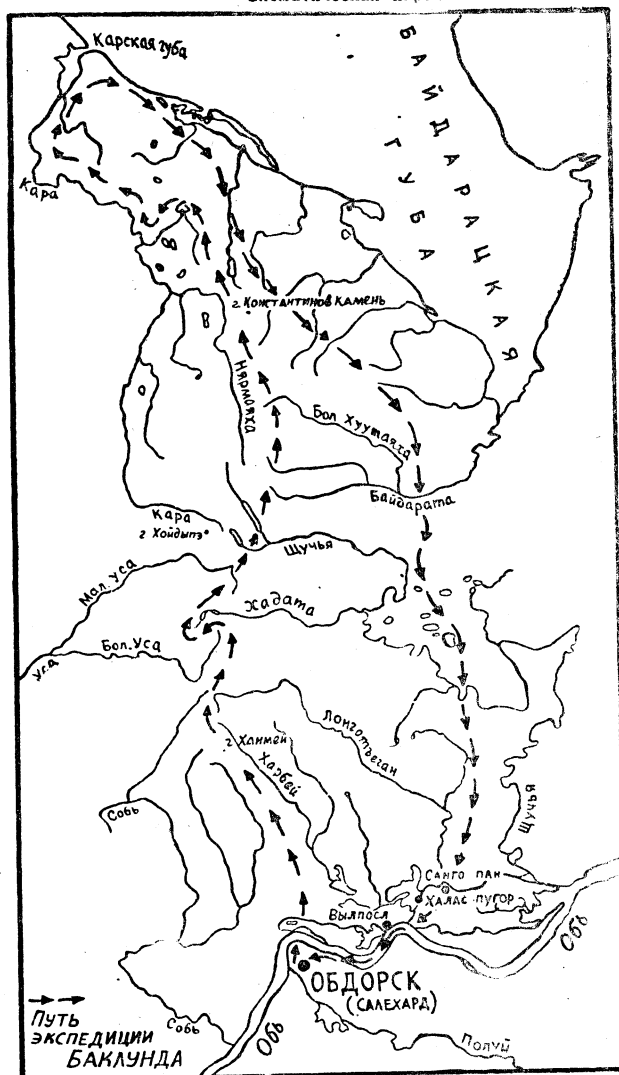
окрестить. Едва ли без участия самих Кузнецовых горе присвоили их имя.

Гора Кузнецовых оказалась господствующей вершиной северной оконечности Урала — Минисей и Константинов Камень ниже.

Зато Минисей имеет особо характерную форму, отличающую его от других окружающих гор. Он острым ребром выдается из впадины между горой Кузнецовых и Константиновым Камнем. Это трехгранная пирамида. Верхняя часть одного из склонов образована почти вертикальной стеной кварцита и у вершины фантастически зазубрена. На одном из ребер — ряд неглубоких пещерок. У подножия горы — озеро.

Это озеро — Емынь-лор — по словам остяков, священное!

Схематическая карта

«Становится понятным,— пишет Баклунд,— почему гору выбрали главным хранилищем идолов».

Да, тут оказались и идолы.

Предметы жертвоприношений стали встречаться еще при спуске с горы Кузнецовых в сторону Минисея, в пещерках склона горы. Много встретилось их на мыске священного озера.

Но, как говорит отчет, «Гора Минисей по части ожидаемых (кем?) на ней предметов культа не оправдала возлагаемых на этот счет надежд. Можно думать, что часть их была спрятана». Остатки жертвоприношений да несколько деревянных идолов — вот и вся добыча тех, кто этим интересовался.

Кто же интересовался этим больше других?

Первым на вершину Минисея поднялся Б о л и н! Один! Что хотел увидеть там, на безжизненной вершине, помощник присяжного поверенного? Волков? Белых медведей?

На другой день в лагере появился пуштозерский ненец Сядей с караваном оленей, груженным запасами экспедиции. Где-то невдалеке он поджидал экспедицию в течение двух недель.

Заметим, кстати, что Сядей — по-ненецки идол и что за две недели можно увезти с горы не только всех идолов.

Все дни стоянки у горы Минисей поблизости кочевали ненцы. Многие из них нередко подъезжали к лагерю. Ученым тут делать больше было нечего, предстояло отправляться в дальнейший путь на север — на реку Кару и по ней к Карскому морю.

Но тут обнаружилось неожиданное. Группа Кузнецовых объявила о своем решении вернуться обратно. Хотя, если уж они ехали охотиться, то заниматься этим можно было вероятнее всего у моря — там, куда шла сейчас экспедиция.

Кузнецовы забрали с собой и «своих» охотников, которые многим могли бы помочь ученым в их трудном походе, освободив их хотя бы от приготовления пищи, устройства жилища и прочего.

Столь же неожиданно собрался и этнограф, прихватив с собой переводчика-ненца Максима Ядопчу, с которым он почему-то не расставался. (Этого переводчика, как своего выученика, дал экспедиции обдорский поп отец Иринарх).

В результате такого распределения

«с самого начала возникло серьезное затруднение для партии, направлявшейся на север, так как она осталась без переводчика с самоедского языка»,—

констатировал в отчете вежливый Баклунд.

И это именно тогда, когда экспедиция вступила в края, населенные именно ненцами.

Мало того,

«...собранные в пути и вполне укупоренные коллекции возвращающаяся партия с собой не взяла».

Их пришлось оставить в тундре под присмотром ненца Сядея.

Кузнецовы не постеснялись даже нахально обделит палатками ученых, продолжавших путь. Даже киноаппарат, взятый для научных целей, не побрезговали забрать с собой «до-минисейские спутники»!

Но ученые были довольны. Избавившись от капризных и неудобных спутников, они хотя и не без трудностей, успешно добрались до берегов Карского моря и, обогнув Урал с северо-востока, форсировав реки Байдарату и Щучью, 30 августа вышли на Малую Обь в районе рыболовных песков Санго-пан. Отсюда их на лодках перевезли на Халаспугор — «Кладбищенский остров». Здесь экспедиция поставила свой лагерь между группой чумов и обширным кладбищем, «...носящим некрасивые и слишком откровенные следы недавнего посещения коллектора этнографических редкостей Я—ча». Так гласит отчет. Баклунд был тактичен.

Как же возвращались «до-минисейские спутники», вышедшие со стоянки одновременно с группой Баклунда?

А они и не выходили!

После ухода северной партии группа Кузнецовых оставалась здесь еще три дня. Здесь, около священной горы Минисей. Что они делали там, в отчете не сообщается. По-видимому, это осталось неизвестным для остальных.

Лишь 13 июля партия вышла в обратный путь и 1 августа, на два дня позднее Баклунда, добралась до Санго-пан. Через два дня ее привезли в Обдорск.

Этнограф же пустился один дальше, вниз по Оби. Что он там делал, отчасти уже известно из отчета о посещении «Кладбищенского острова». Полтора месяца он копался где-то на Оби, в отрезке между Обдорским устьем и рекой

Щучьей. В своем отчете впоследствии он докладывал, что

«изучал обстановку старых заброшенных остяцких и самоедских кладбищ, вскрыл и осмотрел 402 могилы... Собрано больше 300 черепов... Приобретено небольшое количество остяцких и самоедских вещей, среди которых главное внимание обращают на себя предметы культа, грубые идолы с жертвенных мест... одетая в горностаевый халат фигура бога Орта с медным ликом...» И так далее.

Только 16 августа, с последним парходом, этнограф прибыл в Обдорск. Задержавшаяся из-за него экспедиция на другой же день отправилась домой. Кузнецовы и Болин выехали еще 8 августа.

«Громоздкую этнографическую коллекцию» (слова из отчета) отправили в Тюмень с баржей — пароход отказался взять ее.

Коллекция эта почему-то считалась собственностью братьев Кузнецовых.

Какая охота влекла братьев-чаеоторговцев на далекий Север? Охота за черепами? Уж очень подозрительно их пристрастное внимание к жертвенным и священным местам, слишком откровенно поплевывали они на остальные, истинно научные цели экспедиции.

Уж не искали ли они следы чего-то такого, что, как они, возможно, думали, окупало бы все их расходы на «увеселительную охотничью поездку»?

Вероятно, священное озеро у Минисея — только оно знает, чем они занимались три дня после того, как остались там одни.

* * *

Не явствует ли из этого, что Золотой Бабы, по-видимому, уже нет, что она для нас потеряна?

Сколько на ее долю выпало испытаний: за нею гонялись и древние скандинавы, и новгородские ушкуйники, и ретивые попы-московиты, и отряды Ермака и «крестовая рать» Филофея, и ученые, и воины, и проходимцы!

Но все же она могла и сохраниться.

Я хотел предложить ребятам посвятить наш зимний поход поискам следов Золотой Старухи, но теперь о ней умолчу. До будущего лета.

Дело в том, что, собирая сведения о «священных» горах на Северном Урале, я встретился с интересным сообщением.

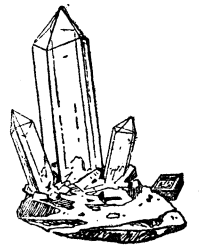
Как-то на одной из недалеких от го-

рода станций я опоздал на последний дачный поезд и вскочил в вагон поезда Хабаровск — Москва. За те полтора-два часа, что мне предстояло ехать, я успел познакомиться и разговориться с геологом Петровым, бывшим уральцем, а ныне работающим где-то в Якутии.

Геолог рассказал мне, что на столе у своего деда, старого уральского геолога, он видел в детстве красивый штuff горного хрустала. В центре штuffа — большой, идеально прозрачный, четко ограниченный природой кристалл, а по бокам — два маленьких. «Золотая Баба и ее дети», — звал этот штuff дед.

Однажды, — это было еще в начале нашего века, — дед, тогда еще молодой геолог, повстречал в тайге человека. В изодранной, покрытой засохшей кровью одежде он лежал с закрытыми глазами у комля поваленной бурей старой лиственницы и тихо стонал. Мошка густо облепила его лицо, особенно глаза, губы и нос. Рядом валялась, хищно оскалив зубы и закатив потускневшие глаза, матерая рысь. В горле ее, сбоку, торчал нож.

Оставив собранные за день образцы и освободив крошши, дед взвалил человека на спину и полдня волок его до лесной избушки. Неделю выхаживал его и только когда убедился, что человек останется жить и что день-два может обойтись без его ухода, отправился в далекое, но единственное в этой округе селение, чтобы сородичи вывезли раненого домой.

Когда прощались, Максим (так звали раненого манси) горячо благодарил спасителя и подарил ему единственное, что нашлось в его мешке,— прекрасный штуф горного хрусталя.

— Со святой горы,— пояснил он.— Удачной охоте поможет. От напастей уберезет...

Талисман от напастей, тем более такой ненадежный (он был у Максима в момент поединка с рысью) не очень был нужен деду, но красивый кристалл он, конечно, взял. Однако, по привычке геолога спросил:

— Откуда?

Максим показал высящийся на горизонте треугольник горы, но предостерег:

— Туда не ходи. Живым не вернешься. Золотая Баба не пустит.

— А как ты ходишь?

— Мне можно. Я шаман. Служу богам.

Так этот кристалл и остался у деда на столе памятью о далеком таежном эпизоде.

— Вас это должно заинтересовать в связи с поисками следов Золотой Бабы,— закончил свой рассказ мой собеседник.— Меня же до сих пор интересует сам кристалл... Сдается мне, что тот горный хрусталь должен обладать чудесными свойствами.

— Что же за гора это — как имя ее и где она, в каком районе? — спросил я геолога.

— В том-то и дело, что не знаю. Как будто где-то за Ивделем. Можно было бы уточнить все это у старого краеведа Стефана Аристарховича Закожурникова. Дед дружил с ним и подарил ему штуф.

Вот это — другое дело! Я тогда же записал бегло рассказ геолога на клочке бумажки. Горный хрусталь, минерал, ранее пригодный разве только для огранки дешевеньких бус, теперь стал ценнейшим сырьем для многих отраслей промышленности. Эта «овчинка» стоит «выделки».

Но надо обстоятельно подготовиться. В этот раз мы только соберем некоторые сведения о шамане и тайне горы. И на будущий год отправимся в поход не за Золотой Бабой, а за чем-то более ценным.

Впрочем... Я еще не советовался с историками, археологами, этнографами. Может быть, они скажут, что и Золотая Баба чего-то стоит. Может быть, это тоже была бы чем-то важная для нашей науки

находка. Тем более, что материалы, собранные о ней, ставят много любопытных недоразгаданных загадок.

Достаточно перечитать научные труды, обобщившие сведения о Золотой Бабе: книгу М. П. Алексева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», вышедшую в Иркутске в 1936 и в 1941 годах, старинную работу Д. Н. Анучина «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» (1890 г.), обширную статью Н. Трубецкого «К вопросу о Золотой Бабе» (1906 г.), обстоятельное исследование Н. Веселовского «Мнимые каменные бабы» (1905 г.), чтобы убедиться, как много здесь пищи для любознательного, пытливого исследователя.

ПИСЬМО ГЕОДЕЗИСТА МИХАИЛА ЛЕБЕДЕВА КРАЕВЕДУ СТЕФАНУ АРИСТАРХОВИЧУ ЗАКОЖУРНИКОВУ

Дорогой Стефан Аристархович!

Простите, что пишу карандашом. Мы, геодезисты, не имеем права пользоваться на работе ни чернилами, ни химическим карандашом — полевые записи могут промокнуть и неоправимо испортиться.

Да, я теперь имею право сказать: «Мы, геодезисты». Два месяца назад я закончил курсы и получил назначение чивелировщиком в изыскательскую партию.

Все мне нравится здесь — и походная, богатая приключениями жизнь; и ответственная, требующая высокой точности работа; и край — суровый, полный своеобразной прелести, богатый, но малоизвестный. Мы ведем изыскание вариантов железной дороги, которая через несколько лет ворвется далеко в глубь тайги и преобразит эти места. Сейчас здесь хозяева — лес, зверь и... комары. А скоро придет сюда хозяином человек,

Я часто вспоминаю наши беседы и Вас. Новыми глазами смотрю на этот район моего родного края. Я пришел сюда не гостем: хоть немного, но знаю и прошлое этих мест, и географию их, и их богатства. Еще и еще раз благодарю Вас за то, что познакомили меня со всем этим, научили деятельно любить свой край — постоянно и настойчиво изучать его и осваивать.

Сейчас мы проходим трассой невядалеке от места гибели Тимы, всего в каких-нибудь трех-четырех километрах от Шаманихи. Со вчерашнего дня наша база — в селении, где когда-то останавливались Тима с ребятами. И встретили здесь... кого бы Вы думали? — Ярослава Мальцева!

Он, оказывается, успешно защитил диплом и преподает историю в средней школе одного из поселков этого далекого таежного района. Сюда он приехал с группой поселковых ребят, участников Всеуральского геопохода. Они будут штурмовать Шаманиху, чтобы выполнить программу, намеченную когда-то Тимой.

Нет, не поиски древнего идола привели их сюда. Хранящийся у Вас штуп горного хрусталя — «Золотая Баба и ее дети», о котором писал и Тима, дал ключ к поискам ценного месторождения.

Они же рассказали нам о страшной истории, разыгравшейся здесь прошлой осенью — в те дни, когда Вы еще лежали в больнице, а Ярослав готовил свой диплом. О ней-то главным образом я и хотел написать Вам.

* * *

Прошлой осенью здесь появился столь необычный для этих мест бродячий фотограф. Он ходил из дома в дом и предлагал желающим сделать за небольшую плату снимок любого размера. В конце беседы он неизменно спрашивал, как бы между прочим, не знает ли кто бывшего шамана, который когда-то был последним стражем священной горы. Ему сказали, что впавший в детство старый шаман живет под наблюдением какой-то старухи, кажется, его дочери, в небольшом селении, километрах в пятидесяти отсюда.

Фотограф исчез, так и не сделав никому ни одного снимка. Жители понемногу узнавали по поводу его странного поведения, но вскоре забыли о нем.

А он неделю спустя вновь напомнил о себе. Охотник, вышедший по первому снежку на промысел, увидел его по дороге на Шаманиху. И не одного, а с древним стариком, у которого вместо рук были высохшие культяпки. Старик, вроде, был пьян, шел, пошатываясь и все время как будто пытался остановиться и сесть. Но фотограф, идя на шаг сзади, протягивал руку к его спине, и тогда старик, дергаясь, словно от сильной боли, вскидывал голову и ускорял шаг.

Заметив, что кто-то наблюдает за ними, фотограф резко свернул в сторону, толкнув туда же старика, и затаился.

Заподозрив недоброе, охотник, добравшись до селения, рассказал здесь о виденном. Однако все взрослые мужчины ушли в тайгу, и идти на поиски было некому.

Спустя несколько дней в селение прилетел вертолет. Изыскатели, облетывавшие район будущей трассы, заметили в лесу труп человека.

— Не пропал ли кто-нибудь из ваших? — спрашивали они в селении.

К этому времени вернулись из тайги и охотники. Начались поиски. Вертолет указывал путь. Собаки помогли искать след. Но след был виден и без собак — свидетельства происшедшего были слишком ясны для таежных следопытов, умевших по малозначительным признакам, не видимым другим людям, составить картину того, что тут происходило несколько дней назад.

...Вот здесь лежал человек. Может, упал от усталости, может, его повалили. Следы короткой борьбы...

...Передний совсем с трудом передвигает ноги, спотыкается. Задний — бодр, ступает твердо...

...Вот здесь двое сидели, на некотором расстоянии друг от друга. Там, где сидел слабый, — пустая водочная бутылка. Там, где сильный, — консервная жестянка, обертка от плавленого сыра, обедок копченой колбасы. Он ел один!

...Вот кострище. И снова следы борьбы. На снегу капли крови.

...Опять тропа бесстрастно свидетельствует о том, что идут двое — слабый впереди и сильный сзади.

...Вот неожиданно следы свернули в сторону. Тот, первый, пытался бежать — сломанные ветки, клочья одежды на сучьях... Упал, запнувшись за корягу... Опять борьба...

...Снова тропа... Снова идут двое...

...У подножия Шаманихи — совершенно незаметный даже в десяти шагах, замаскированный амбарчик на столбах... Слабый не подходит к нему, он лежит... Горстью снега он вытирает кровь... А сильный бежит... Бежит к амбарчику. Полусгнивший самострел сработал с запазданием — огромная стрела воткнулась в дерево в десяти шагах...

...Разрушенный амбарчик — капище идолов. Их здесь сотни — больших и малых, деревянных и металлических, укутанных в полуистлевшие тряпки и голых. Серебряные тарелочки, на которых раньше в церквах подавали просфоры... Церковная чаша для причастия. Меха, меха, меха... Один из идолов одет в полицейский мундир. К кончикам аксельбантов привязаны медные пластинки с изображениями зверей и птиц... Берестяной туес и вываленная из него груда монет, — медных, серебряных... Вероятно, было и золото.

...Обратный путь. Тот, сильный, уходит один! Слабый ползет за ним. Первый ускоряет шаг. Слабый, собрав силы, встает... Крадется... Бросается на своего врага... Короткая борьба. Похоже, что слабый толкает сильного куда-то в сторону, тянет его...

...Вот она, волчья яма, где конец всей этой истории.

У края ее — труп старика с культяками вместо рук. Лицо его разбито. Исколотая чем-то острым одежда на спине заскорузла от крови. Его кололи шилом! Умирая, он подполз к краю ямы, и голова его свесилась туда: он наслаждался итогом борьбы, мучениями своего врага... Зубы оскалились в предсмертной улыбке...

А там, на дне глубокой, пахнувшей сыростью и гнильем ямы, — тот, кто был виновником этой страшной истории: фотограф. С перебитой при падении ногой, прижатый к стене большим тухлявым обрубком бревна, он полусидел-полулежал, не в силах шевельнуться. Около него лежала горстка золотых монет... В руках он держал бронзовый подсвечник с фигурой купальщицы, взятый, вероятно, из кабинета зубного врача чеховских времен. Глядя на подсвечник безумными глазами, фотограф гладил фигурку дрожащими руками и бессвязно шептал:

— Золотая баба... золотая баба... Ты нашла меня... Я нашел тебя... Мы будем богаты...

Когда фотографа вытащили, его пришлось связать: он бросался на каждого, кто, как ему казалось, хотел взять у него подсвечник, кусался и бился.

Все найденное в капище увезли на пяти оленьих нартах в местный музей. Безумного фотографа отправили в больницу. Он так и не выпускал из своих окостеневших от напряжения рук злополучный подсвечник.

* * *

Через месяц я вернусь в наш родной город на камеральные работы. Проектировщики ждут результатов изысканий. Мой начальник шутит, что если наш вариант утвердят (он много выгоднее!), то станцию в этом районе надо назвать «Золотой Бабой». Но это хотя и поэтично, а ни к чему, тем более, что слово «баба» уже совсем уходит из нашего лексикона. Он предлагает дать станции имя «Дружба». Мне тоже кажется, что это лучше.

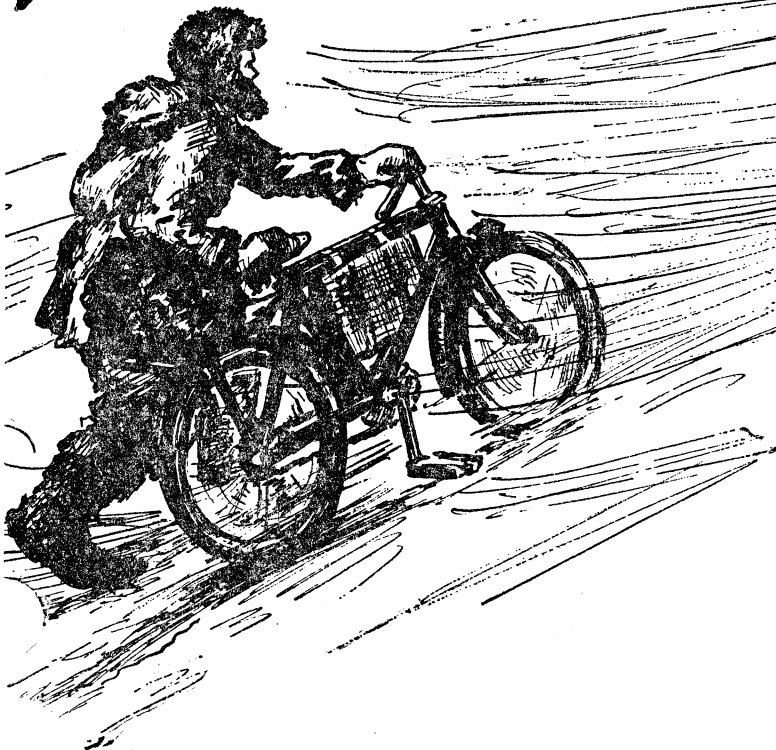
До скорой встречи, дорогой Стефан Аристархович! С приветом,
уважающий Вас
геодезист Михаил Лебедев.

Студенты на практике.

Фото И. Николаева

На велосипеде

С. БУНЬКОВ

На громадном снежном поле воеет, мечется пурга. Ветер с силой бьет в матерчатую палатку. Вдруг она факелом вспыхивает в арктической ночи. Один человек мечется в пламени, пытается затоптать огонь ногами. Поздно! Палатка сгорела.

Человек выхватывает из сугроба мерзлые торбаза, с трудом натягивает на ноги. Потом извлекает из убежища, где только что расположился отдыхать, велосипед и двигается на северо-восток.

Он идет день, другой, третий... После больших переходов устраивает из снеговых кирпичей нечто вроде юрты, погружается в зыбкий тревожный сон. Несколько часов отдыха — и снова в путь, который становится все труднее. Мокрые торбаза просушить негде. Они протерлись, большие пальцы ног выпирают из обуви. Ноги деревенеют. Человек с огромным трудом бредет вперед.

Силы его были на исходе, когда он наткнулся на стойбище ненцев. К утру обмороженные пальцы вздулись, почерчели — вот-вот начнется гангрена. Как быть? Врача в этой снежной пустыне не отыщешь, ничем не помогут и хозяева-ненцы. Надвигалась гангрена, спасти могла только

Очерк

ампутация, и острым походным ножом человек сам отрезал себе помертвевшие пальцы, сам наложил повязки. На время, пока заживут раны, остался в ненецком чуме...

Что это за человек?

Сын псковского дворника Глеб Травин рано пристрастился к спорту. Эта страсть укрепилась в студенческие годы в Псковском педагогическом институте.

В свободное время Глеб изучал слесарное дело, электротехнику, автодело. Он уже давно решил отправиться в кругосветное путешествие. А в дороге могло пригодиться все.

На Камчатку Глеб Травин приехал из Ленинграда после службы в Красной Армии. Отсюда он хотел отправиться в путешествие по свету. Но, пересекая страну от Ленинграда до Петропавловска, Глеб увидел, до чего раздольна родная земля, как велики и неизведанны ее просторы. Прежнее, не очень ясное стремление в дальние страны оформилось в четкий план: проехать на велосипеде по родной стране вдоль всех ее границ.

В Петропавловске в то время едва насчитывалось двести пятьдесят домов, а число жителей — чуть больше тысячи. Вместе с товарищами Глеб приступил к строительству первой в городе электростанции. Все свободное время он отдавал тренировкам. Велосипедиста в легкой спортивной одежде видели на нартовых дорожках, на льду Авачинской бухты, далеко за городом на весенних дорогах.

через Арктику

Осенью в Петропавловск доставили изготовленный по заказу Глеба велосипед особой конструкции. Двойная рама, седло с двумя пружинами, дополнительно к вилке еще один крепкий железный упор; удобный, в форме треугольника, руль, — все рассчитано на долгое путешествие по любым дорогам и бездорожью. Десятого октября 1928 года друзья-комсомольцы провожали Глеба в далекий путь.

Через двенадцать дней во Владивостоке в паспорте-регистраторе путешественника появилась первая отметка — печать Приморского обкома комсомола. Уссурийская тайга, Забайкалье, Байкал, Красноярск, Новосибирск — великая транссибирская магистраль. По зимнему тракту, по льду сибирских рек, по лесным дорогам в трескучие морозы пробирался Глеб на запад.

На раме велосипеда приторочена геометрическая сумка с запасными частями и инструментом. На багажнике в такой же сумке «НЗ» велосипедиста — галеты и шоколад, фотоаппарат «Кодак» с пленками. Вместе с велосипедом багаж весил восемьдесят килограммов.

Каждый день Глеб находился в дороге 10—12 часов и питался только два раза в сутки. Такой жесточайший режим он выдерживал на всем громадном пути.

Около двухсот пятидесяти печатей стоит в паспорте-регистраторе. Казахстанские степи, Большой узбекский тракт, Таджикистан, пески Кара-Кумов — тяжелейшая трасса, которую велосипедист преодолевал в знойные летние месяцы. В песках он иной раз по два-три дня оставался без воды. По сравнению с этой трассой путь по горным дорогам Кавказа и Центральной России до Москвы, а затем до Ленинграда казался чуть ли не увеселительной прогулкой.

В конце ноября 1929 года Глеб пересек Кольский полуостров и добрался до Мурманска. Позади остались сорок пять тысяч километров. Впереди открывалась Арктика.

От Мурманска по берегу Кольского полуострова Травин добрался до Архангельска. Там он заменил в своем «НЗ» шоколад и галеты, по-

лучил теплую меховую одежду, новые карты. В конце декабря путешественник прибыл в Усть-Шильму на Печоре. Здесь у гостеприимных людей отпраздновал Новый год, сшил легкую палатку-восьмиклинку и продолжил путешествие по печорскому льду на север. Где снегом, где по прибрежному льду, пешком и на велосипеде прокладывал Травин нелегкий путь. Вместо ста километров, как было в начале путешествия, Глеб в эти дни с трудом преодолевал по десять — пятнадцать. К радиостанции Югорский Шар он пошел морем, подалее от берега: по льду легче проехать. Но «легче» — в условиях Арктики. Велосипедиста подстерегали торосы и трещины, наледи и снежные наносы. Здесь-то, неподалеку от острова Долгого, и случилось несчастье.

Перед снегом Глеб, как правило, обтирался снегом, надевал сухое белье, комбинезон, засовывал обе ноги в один торбаз — и затем так отдыхал. А для тепла и сухки одежды разжигал в консервной банке жирник. Ночью шальной ветер прижал палатку к огню. Она сгорела. Так постигла путешественника первая беда. Первая, но не последняя.

Из яванги ненцев Травин поспешил в маленькое селенье Хабарово, примерно в ста километрах от острова Долгого. Там ему оказали первую помощь и привезли на собаках к зимовщикам на Югорский Шар, где Травиным занялся врач.

Затем — путь на Вайгач и возвращение к Югорскому Шару — оттуда пришло сообщение, что ожидается Карская экспедиция. Снова Хабарово. Здесь Травин узнал, что ледокол «Ленин» находится в бухте Вернека на южной оконечности острова Вайгач. Надо было переправиться через пролив, но лодки под руками не оказалось. Глеб сколотил бот и под парусом из мешковины отправился на этой «хитрой» посудине через пролив, забитый льдами.

Изумлению моряков, когда они увидели Травина, не было предела. Начальник Карской экспедиции Николай Иванович Евгенов потребовал, чтобы Травин остался на ледоколе.

— Нет, — твердо ответил Травин, — я пойду дальше.

— Да знаете ли вы, что девяносто девять процентов за то, что вы не пройдете!

Четыре часа продолжался разговор в кают-компании. Все попытки переубедить Травина ничем не увенчались. Тогда начальник экспедиции потребовал, чтобы Глеб дал подписку: ему разъяснены трудности арктического похода, и ответственность лежит на нем самом...

Кто знает, было ли это последней попыткой переубедить спортсмена, или выдавший виды ученый-полярник действительно не верил в успех предприятия одинокого путешественника. Как бы то ни было, но Глеб дал и такую подписку, один экземпляр которой остался у него в кармане. В 1934 году, когда в Петропавловск пришел леодок «Красин» с челюскинцами, Травин еще раз встретился с Николаем Ивановичем. Глеб подал Евгению свою спортивную визитную карточку, и Николай Иванович, всмотревшись в его лицо, воскликнул:

— Так это вы?! Вот уж никак не ожидал встретить...

На пароходе «Володарский» Травин добрался через Карское море до острова Диксон. А 14 сентября 1930 года возобновил велопробег по Таймыру. Больше двух месяцев занял переход по суровому полуострову. Не зря предупреждал Травина Евгений. Дальше на восток селения или зимовья отстояли друг от друга на многие сотни верст. Не один раз Травин был на краю гибели. Выдержал схватку с диким оленем. Чуть не погиб при встрече с матерой белой медведицей.

Глеб Леонтьевич Травин со своим историческим велосипедом совершает круг почета по городскому стадиону.

Ухнул в ледяную трещину и едва из нее выбрался. Много дней дрейфовал на льдине в Восточно-Сибирском море. Ледяное крошево неподалеку от острова Врангеля ежеминутно грозило сбросить в море путешественника.

Здесь впервые потребовался ему «НЗ». Полплитки шоколада в сутки, не больше, съедал спортсмен в течение многих морозных дней. А когда ветер подогнал льдину к материку, до берега оставалось несколько метров. Травин вплавь переправился через ледяную полынью...

Путешествие завершилось на Чукотке, в поселке Уэлен 11 июля 1931 года.

Неподалеку от поселка Уэлен, на пирамидальном камне высокого мыса Дежнева молодежь соорудила в честь завершения путешествия памятный знак. А чукчи вырезали на память Травину пластинку из моржовой кости. Ее Глеб Леонтьевич до сих пор бережно хранит среди многочисленных реликвий.

Я увидел их тихим июльским вечером в Петропавловске в доме на Партизанской улице, где живет Глеб Леонтьевич.

— Чаевать будете? — гостеприимно предложил он.

Я не отказался выпить чашку чаю, право, мне было не до чаю. Не скрывая любопытства, я во все глаза рассматривал удивительного человека. А он, неторопливый в движениях, с твердым взглядом серых глаз, негромко рассказывал о том, что все эти годы после велопробега не оставял спорта и охоты. Долгое время работал в Осоевпиахиме, преподавал в первой совпартшколе Камчатки. Наконец, заговорил о давнем путешествии.

— Велики силы природы, но стойкость человека — сильнее, — заметил Глеб Леонтьевич.

Действительно, многие врачи, которым доводилось осматривать Травина, поражались закалке его организма, огромной натренированности. Гангрена миновала только потому, что закаленный человек смог после того, как обморозил ноги, двигаться вперед. За три года путешествия Травин ни разу не болел, хотя простуда подстерегала его на каждом шагу.

Глеб Леонтьевич и сейчас один из самых активных спортсменов на Камчатке. Недавно в Петропавловске отметили 40-летие его трудовой и общественной деятельности. Сотни горожан пришли со словами сердечного привета, десятилетия организаций и лиц поздравили юбиляра, преподнесли ему приветственные адреса и ценные подарки. Но, пожалуй, дороже всего для Глеба Леонтьевича уважение к его спортивному подвигу. Совершил он его во славу земли нашей русской, во славу молодой еще тогда Советской Отчизны.

Глеб Леонтьевич Травин часто выступает в различных коллективах. И по-прежнему отмечает все главные события в своем паспорте-регистраторе. Здесь есть проникновенные строки тех, кому довелось услышать спортсмена.

«С большой радостью прослушали мы рассказ тов. Травина Г. Л. о своем поистине героическом походе через необъятные просторы нашей Родины, — пишут воины Н-ской части. — Мы восхищаемся волей и мужеством, которые проявил Глеб Леонтьевич в этом беспримерном походе. Для нас, воинов, это послужит прекрасным примером того, как нужно любить свою Родину, чтобы восславить ее».

г. Петропавловск-Камчатский.

Редкие находки...

В Чердыни

Много интересных находок из драгоценного металла собрано в разное время на территории

Чердынского края, Пермской области.

В 1936 году колхозник Иван Степанович Могильников при вспашке поля обнаружил три серебряных блюда сасанидского се-

ребра. На одном из них была изображена царская охота, на другом — женщина, уносимая орлом, на третьем — лежащий под деревом олень. Этот клад передан в Государственный Эрмитаж.

В Чердынский музей недавно поступили два редких экспоната. Серебряный ковш с позолотой, на котором сохранился растительный орнамент, найден около села Цидвы. Серебряную дутую речку от кувшина с орнаментом обнаружили около деревни Аниковской.

Эти редкие находки — памятники торговой связи далекой Чердыни со странами Ближнего Востока.

И. ЛУНЕГОВ

В Ивделе

Весной 1960 года в поселке Понил, Ивдельского района, Свердловской области на огороде, вместе с пластом земли, Еранкин вывернул плугом серебряный поднос и серебряную вазу с золотой отделкой.

Поднос Еранкин изрезал на блесны.

Так же он поступил бы и с вазой, если бы о ней вовремя не узнали работники Ивдельского краеведческого музея.

Археологи определили, что сделана ваза в пятом веке в Иране.

Серебряная ваза взята на исследование в Государственный Эрмитаж.

Такие случайные находки — очень большая ценность и историческая редкость. Поэтому их необходимо сохранять, сообщать о

них в ближайший музей, не уничтожать, как это сделал Еранкин.

Е. К.

Геометрия природы

Это озеро, красивее которого я не встречал за время своих многолетних странствий по нехоженым изыскательским тропам, я увидел на Приполярном Урале в долине реки Харбей. Оно было опоясано изумрудным ожерельем.

Представьте себе геометрически круглый водоем чистейшего голубого цвета. Поверхность его похожа на зеркало гигантского космического телескопа, отражавшего небо. А около берега — ярко-зеленый ободок.

Что это за ожерелье? — заинтересовался я и спустился по склону горы к урезу воды. Разгадка была простой; ожерелье состояло из водоплавающих водорослей, листьев кувшинки, рдеста, между которыми расцвели белые лилии. Как будто ничего удивительного. Но почему здесь водоросли росли такой геометрически правильной окружностью? Ни ближе к берегу, ни на середине озера не было видно ни одного листа.

Разгадка пришла не сразу. Озеро оказалось карстового происхождения, с профилем огромной воронки. Дно опускалось в глубину полого. Водоросли с плавающими листьями могут расти лишь на определенной глубине в 1,5—2 метра, ни мельче, ни глубже. Поэтому там, где пересекались плоскости двух фигур — конуса и цилиндра — образовался правильный узкий зеленый пояс. Такая геометрия природы оказалась очень красивой.

К. ФЛУГ

**ОНА ПОЕТ
В БОЛЬШОМ
ТЕАТРЕ**

В Свердловском театре оперы и балета шел заключительный концерт Областного смотра художественной самодеятельности воспитанников трудовых резервов. На сцену вышла девушка в молдаванском костюме и под аккомпанемент баяниста исполнила несколько песен.

Это была Валя Клепацкая, учащаяся ремесленного училища города Каменск-Уральского, комсомолка.

Так в 1946 году у меня появилась первая фотография будущей актрисы.

После окончания училища Валя работала и продолжала учебу в вечерней школе рабочей молодежи и музыкальном училище, а позднее поступила в Уральскую государственную консерваторию.

Второе мое знакомство с Валентиной Клепацкой состоялось в 1955 году. Она готовилась к поездке на Международный фестиваль молодежи в Варшаву. Занятиями руководили педагог П. А. Ноздровская и концертмейстер Н. М. Кленова (вторая фотография). На фестивале молодая певица была удостоена серебряной медали. В этом же году ее приняли стажером в Большой театр. А еще через год она стала солисткой.

Пять лет работы в прославленном коллективе. В репертуаре Валентины Федоровны 18 партий: Ваня — «Иван Сусанин», Ольга — «Евгений Онегин», Ирина — «Судьба человека», Соня — «Война и мир» и другие.

С концертными бригадами Валентина Клепацкая побывала во многих уголках Советского Союза и в семи зарубежных странах. Ее избирали секретарем комитета комсомола оперы и хора.

В декабре 1961 года я вновь встретился с Валентиной Федоровной. В этот день она исполняла партию Вани в опере «Иван Сусанин». Так появилась третья фотография.

Я попросил нашу землячку написать несколько строк читателям «Уральского следопыта».

И. ТЮФЯКОВ

МОИ ЗЕМЛЯКИ-УРАЛЬЦЫ!

Хочу пожелать вам — каждому найти свой непроторенный путь. Идите по жизни смелыми, дерзкими! Никогда не отступайте, даже если вам будет и нелегко.

Настоящий следопыт обязательно придет к заветной цели.

В. Клепацкая

Молодой ЧЕРТОПОЛОХ

Юность — это нового приметы,
На нее с надеждой мы глядим.
Только не забудьте, что при этом
И пырей бывает молодым.

КОМУ ЧТО...

«Жить молодым в коммуне скоро...»
«Коммуну строить молодым!»
За первый лозунг он без спора
И в разногласьях со вторым!

ВОТ ТОЛЬКО...

—17 лет, старик... года-а,—
Вздыхнул он между прочим.
— Вот только, жалко, борода
Расти никак не хочет!

ЖЕСТ

— Не жаль,— сказал он,— ничего!
Для нас рубли, что крапины...—
Был жест привычный, весь его.
А деньги были папины!

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

Он поехал бы, ей-богу,
На просторы целины,
Только вот беда — в дорогу
Не погладили штаны!

СВОЯКИ

Шел дебошир, задравши нос,
Грубил, рычал на всех кругом.
«Свой брат — Барбос!» — подумал пес
И помахал ему хвостом.

НЕЗАВИСИМО ОТ МОДЫ

Не стоит в том беду искать,
Что брюки носят уже.
Вот, если ум штанам под стать,—
Дела гораздо хуже!

В 20 ЛЕТ

Жизнь в двадцать лет ему казалась серой,
И он твердил со скорбным выраженьем:
«Все испытал! Во все утратил веру!..» —
От соски до таблицы умноженья!

НЕПОСЛУШНЫЙ ЯЗЫК

Некто хвастаться привык.
В пору вдохновенья
Выходил его язык
Из повиновенья!

Текст И. ТАРАБУКИНА
Рисунки М. БУРЗАЛОВА

Главный редактор В. ШУСТОВ.

Члены редакционной коллегии: В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Л. НЕВЕРОВ (заместитель главного редактора), В. ОЧЕРЕТИН, Кл. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Г. ТОМИЛОВ.

Художественный редактор А. А с с.

Рукописи
не возвращаются.

Технический редактор
Э. Максимова.

Корректор
Г. Стороженко.

Обложка М. Брусиловского и Г. Мосина.

Наш адрес: Свердловск, ул. Малышева, 24. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 19/III 1962 г.
НС20167.

Тираж 80 000.

Бумага 84×108/16=2 1/2

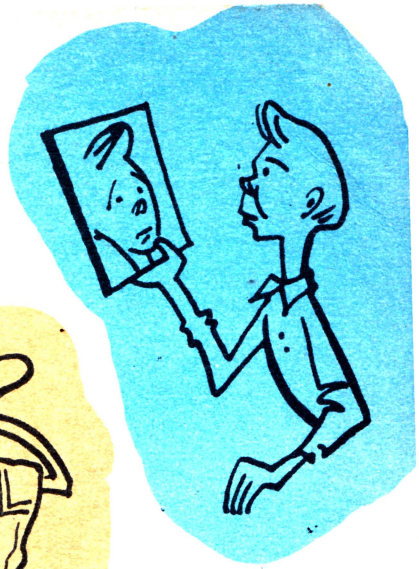
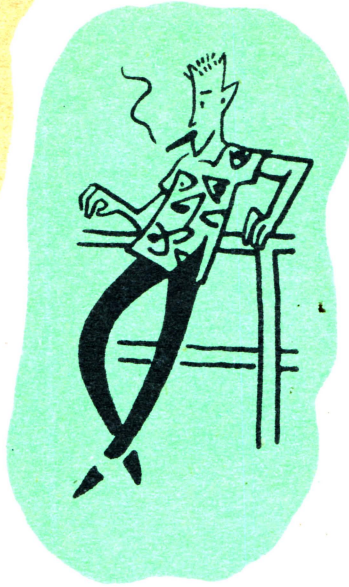
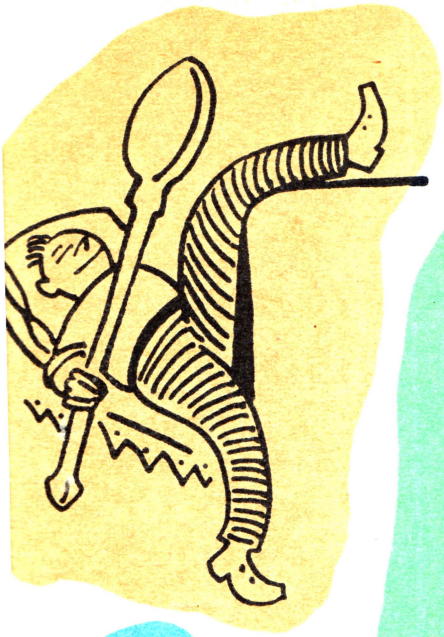
Цена 30 коп.

бумаж. л. — 8,2 печ. л. — 11,3 уч.-изд. л.

Заказ 35.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Молодой
ЧЕРТОПОЛОХ

